

Алексей Широпаев

Подборка публикаций за 2008 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАЛЕСЬЕ: ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ	2
РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ	6
ОТСТУПНИК	8
АНТИПАСХА	9
ЭПИТАФИЯ ЕЛЬЦИНУ	11
СТРАННИК	13
«ВИВА ДУЧЕ» ПО-РОССИЯНСКИ	15
СЛАВА УКРАИНЕ!	16
ПУТИН И МЕДВЕДЕВ	22
ПРЕЦЕДЕНТ	23
ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ	26
РОГАТИНА ДЛЯ МЕДВЕДЯ	43
ЗНАКОВЫЙ ВЫБОР	45
НИКОЛАЙ ВТОРОЙ: ПОВТОР ПРОЙДЕННОГО	47
ПРИВИВКА ОТ ФОФУДЬИ	48
РАЗГОВОР ПЕРСПЕКТИВИСТА С ХРАМОМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ	50
КАРАДЖИЧ	51
РУССКОЕ – ЗНАЧИТ АНТИСОВЕТСКОЕ	53
ЧУЖАЯ ВОЙНА	56
ИМПЕРИЯ В УГЛУ ИСТОРИИ	57
УКРАИНА ПОД УГРОЗОЙ	59
ЛОКОТСКАЯ РЕСПУБЛИКА в свете залесского регионализма	60
ОКТЯБРЬ	66
Расовая революция в США	68
Черный Передел	69
ВСПОМНИМ ТУ ОСЕНЬ!	71
Голодомор – это геноцид	76
Сталину помолимся!	79
Там, за Поворотом	80
Счастливая Московия	82

ЗАЛЕСЬЕ: ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

Седой друид затянет песню –

И отзовутся, не таясь,

Порталы синего Залесья,

Их белокаменная вязь...

(Из новых стихов)

Чувство родины... Я хорошо помню, как и каким оно прививалось нам в советское время – с пеленок, с октябрятской звездочки, с первой пионерской линейки. В раскатистых советских песнях это чувство охватывало и льды Приполярья, и дюны «Прибалтики», и украинские степи, и минареты Бухары, и, конечно же, белые пики Кавказа – родину товарища Сталина и милых киношных грузин. Советское чувство родины было универсальным, имперским. Проще говоря, беспочвенным и безнациональным, как типовой пиджак фабрики «Большевичка».

И надо сказать, что вот такое чувство родины удалось насадить в основном среди русских – причем не столько среди всех, сколько среди русского населения «средней полосы» европейской части РФ. То есть в пространстве, исторически ставшем ядром формирования Российской империи, а после 1917-го – центром ее большевицкой реставрации. Неслучайно, что Московия – так часто называют эту территорию – по сей день представляет собой некое средоточие имперско-совкового мракобесия. Отсюда оно исходит, подобно кругам на воде, постепенно ослабевая к западу. Вот в Украине – там оно уже неизмеримо слабее; даже в Беларуси, несмотря на Луку – тоже, а уж в Балтии так и вовсе его нет, равно как и в странах Восточной Европы. Здесь же, в Московии – зона какого-то духовного «Чернобыля», русской культурно-исторической аварии. Здесь правят чекисты и неизбежно стоят памятники Ленину, к которым правящая партия возлагает венки. Здесь по-прежнему власовцев считают врагами, а русское прочно ассоциируется с советским и имперским. Тут мистически царят Иван Грозный и Сталин, а свобода и собственность почти не ценятся и почти не уважаются.

Московия – это аномальная зона истории. Чем от нее дальше, тем жизнь здоровее. Даже совсем близкий питерский Северо-Запад – это уже совсем другое, не говоря о казачьих областях, Урале, Сибири или Поморье. Там, в большей или меньшей степени, давно существует особая, регионалистская идентичность. Такая – «областническая» – русскость находится в прямой оппозиции к унификаторской московитской русскости, которая была и остается эффективным инструментом имперско-бюрократического централизма.

Империи русские угодны лишь в качестве безликого этнического субстрата, скрепляющего это «великое государство». Соответственно, господствующая (пока!) великодержавная русская идентичность – искусственна и химерична. Она насаждена сверху в процессе «собирания земель», убивавшего самобытность множества региональных Русей. Это псевдоидентичность, созданный имперским государством симулякр, препятствующий развитию подлинного русского самосознания и национализма. В России никогда не было, да и не могло быть, настоящего русского национализма, что, кстати, и привело к победе большевиков – в отличие от Европы с ее развитым национализмом. За русскую идентичность пытались и пытаются выдавать то византийский монархизм, то сталинизм, то путинизм, все, что угодно, но, как правило, это всегда та или иная разновидность тирании и идеологического

обскурантизма, всегда это нечто централистское, государственническое и авторитарное, палочное, казенное и тягловое.

Само понятие русской этничности Империя выхолостила в синоним подданства и лояльности, чуть ли не в партийную принадлежность. Русский – значит православный и монархист; русский – значит советский, коммунист; наконец, русский – это россиянин, верный путинец-медведевец. Понятие русский стало расхожим штампом имперского лексикона. Поэтому можно отчасти понять тех, кто упрекает, нас, национал-демократов в том, что мы, борясь с Империей, при этом апеллируем к русскости, таким образом, якобы переходя на имперский же язык и невольно принимая имперскую систему ценностей.

Эти критики не хотят видеть, что национал-демократия предлагает совершенно новый – регионалистский – формат русской идентичности. Полноценный, европейский русский национализм и имперское великодержавие несовместимы. Чтобы встать на путь нормального нацистроительства, русским надо порвать с Империей и ее мифами. Непонимание этой очевидной истины и определяет хронические провалы в становлении русского национализма, в том числе и в новейшее время. Для начала надо осознать, что в России, повторяю, просто никогда не было русского национализма как политической традиции. Отсюда и все «болезни роста». Не будет самонадеянным прямо сказать, что в лице национал-демократии впервые в истории заявил о себе русский национализм как таковой.

Он предполагает не имперский реванш, а становление регионалистской идентичности русских, превращенных Империей в «русских вообще». Нам пора вновь стать «русскими в частности», во всем «областническом» разнообразии. Очень может быть, что этот процесс регионалистского этногенеза, свободный от искусственных имперских сдержек, приведет к возникновению целого ряда русских наций, во многом отличных друг от друга и даже, возможно, имеющих особые имена. Умрет Империя – умрет и имперская «русскость», такая же искусственная, как и сама Империя. Из этнической протоплазмы, каковой сегодня является русский народ, на регионалистской основе сформируются полноценные белые нации с собственной демократическими государствами, в названии которых, как исторический маяк, возможно, останется слово «Русь»: Тихоокеанская (Дальневосточная) Русь, Сибирская Русь, Уральская Русь, Поволжская Русь, Новгородская (Ингерманладская) Русь, Балтийская Русь, наконец, Залесская Русь (Залесье) – «центральный» регион. Это и будет Многорусье, связанное конфедеративной основой.

Однако без преобразования Московии в Залесье этот проект ущербен. Поэтому необходимо уже сегодня начинать ментальную атаку на Московию и ее византийско-ордынские архетипы (предстоит символическое свержение Ивана Грозного, все еще остающегося мистическим монархом Московии). Как только среди русских т.н. «центральной России» пойдет деление на «русских вообще» и свободных залесцев, как только проклюнется залесская идентичность – все, Империи можно трубить отбой, начинается новая история. Пусть залесцев будет поначалу и немного в сравнении с общей инертной массой, но они, как заведомо наиболее сознательные и активные, в позитивном смысле буржуазные, наверняка станут той самой «солью», которая «осолит» целое. Эти русские «прибалты» будут носителями нового, живого и конкретного, неимперского чувства родины, основанного на любви к СВОЕМУ краю, СВОЕЙ земле, а не к космическим масштабам Евразии. Известно, что невозможно любить все человечество. Так же невозможно любить и империю, что бы ни говорили. Ее можно лишь ОБОЖАТЬ. Ей нужно поклонение, а не любовь.

Чтобы осознать всю революционность зарождения залесской идентичности, прибегнем к аналогии. С конца 1998 года в Великобритании действует Движение за независимость Англии от Соединенного королевства. Импульсом для возникновения

этого движения стало обретение Шотландией, Северной Ирландией и Уэльсом собственных Законодательных собраний. Как и во всякой империи, в Великобритании имперообразующее ядро всегда пребывало в ущербном положении. В результате Англия – колыбель Великобритании – все больше задумывается о том, как послать эту Великобританию куда подальше. Но Великобритания без Англии – уже не Великобритания. Залесье – это Англия Российской империи. Без Залесья нет Империи. Именно в Залесье она, усилиями князей и ханов, зародилась, сделав вечевую и вольнолюбивую Залесскую Русь своей первой жертвой, превратив ее в холопскую Московию (см. мой очерк "Великий перелом"). Здесь, в нашем краю, спрятана кощеева игла Империи. И поэтому только Залесье – возрожденное и свободное – способно Империю упразднить. Не отломить от нее ломоть, не просто урезать в формате, а прекратить исторически, образно говоря, выбить табуретку из-под ног.

Во-первых, надо четко определиться с терминами и территорией. Что есть Залесье? Строго исторически, это регион Золотого Кольца, Владимиро-Суздальская Русь. Название Переславль-Залесский указывает именно на это. Однако сейчас вполне уместно именовать Залесьем всю территорию Центрального Федерального округа, (по площади это больше Германии). Данная территория целостна во всех отношениях. Думаю, целесообразно выделить два оперативных понятия: Малое Залесье (регион Золотого Кольца), и Большое Залесье (в границах ЦФО). Разумеется, к проекту Многогорусья, как один из предполагаемых субъектов Конфедерации, имеет отношение именно Большое Залесье (далее – просто Залесье, Залесская Русь). За Малым Залесьем оставим культурно-этнографическое значение и статус одной из внутренних земель.

Сразу возникает вопрос: какое место в проекте «Залесье» займет Москва? Сразу и ответу: только не в качестве столицы Залесья, ни в коем случае. Ни при каких условиях нельзя дублировать московоцентрическую схему, которая сразу же начнет регенерировать имперские стереотипы, а, в конечном счете, и саму Империю. Москву как Центр необходимо раз и навсегда дезактивировать. Да, Москва – мегаполис, но при этом, как и Нью-Йорку, ей совсем не обязательно быть столицей. Столицей Залесья разумнее сделать нормальный, не патологический русский город вроде Владимира или Ярославля. Москве же можно предоставить особый статус, скажем, свободной экономической зоны (технополиса). Пусть и дальше возводит сингапурские небоскребы (без ущерба своей исторической части), мы ее даже полюбим такую – при условии, что бывшая столица будет щедро делиться своими прибылями с остальным Залесьем. Только так, стимулируя европейское становление Залесской Руси, Москва сможет исправить свою историческую «карму».

Из чего будет складываться идентичность Залесской Руси? В ее основу будет положена, конечно, демократическая воля 18 субъектов ЦФО к образованию Республики Залесье (включая Москву, которой, в любом случае, останется лишь подчиниться). Это будет принципиально новая, синтезированная идентичность, состоящая из пробудившейся идентичности тверской, рязанской (артанской), смоленской, мало-залесской... Безусловно, становление залесской идентичности будет вдохновляться образом вечевого домонгольской и домосковской Руси. Однако надо понимать, что ни Рязань, ни Тверь сегодня в одиночку той Русью стать не смогут. Разумный путь один: сплотиться и превратить в европейскую, свободную и развитую Русь все Залесье, которое, при этом, будет состоять не из нынешних безликих областей, а из полнокровных, своеобразных земель, по примеру ФРГ или Швейцарии.

Кто-то может сказать, что превращение Московии в европейскую страну – это примерно то же самое, что выращивание яблонь в Антарктиде. Однако наверняка кто-то, созерцая необозримую долину Оки близ Поленова, думал: «Ну чем не долина Рейна?». И за этим вопросом стоит не просто пейзажное сопоставление, а желание

жить как на Рейне. И это желание возникает не на пустом месте – оно прорастает из русской генетической памяти, из самой природы русского человека. А значит, претворенное в волю, оно обязательно станет фактором истории. Главное – посметь увидеть на месте нынешней, казалось бы, безнадежной, колхозной Московии современное, демократическое Залесье, Страну Белого Оленя. Надо уловить европейскую душу нашего края, запечатленную в белокаменной резьбе домонгольской Владимирщины.

Залесье – не утопия. Это уже признается на серьезном экспертном уровне. В аналитической записке «Альтернативы политического развития Российской Федерации» (МГУ, ф-т психологии, кафедра социальной психологии) читаем: «...вероятен распад Российской Федерации как государственного образования. **НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНО** образование нескольких государств по **ЭТНИЧЕСКОМУ И СУБЪЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ**. Некоторые из этих новых государств (Ингерманландия – Северо-Западный ФО, Московия – Центральный ФО) имеют **ВСЕ ПЕРСПЕКТИВЫ** вписаться в ядро постиндустриальной цивилизации, другие – стать индустриальным или сырьевым придатком этого ядра (выделено мной – А. Ш.)».

Поправочка: это будет уже не Московия, а Залесье. А насчет «придатков» – спишемся на инерцию централистского мышления, всякий раз воспроизводящего прежние имперские схемы. Нам в данном случае важно другое: академическое признание принципиальной возможности нового исторического пути. И эта возможность явно пугает наших имперских оппонентов, а, стало быть, они тоже признают ее. Ведь пугаться можно лишь чего-то вполне реального. И не случайно, что евразиец Владимир Карпец, приводя вышеприведенную цитату, заботливо убрал из нее главное – упоминание об этническом и субъэтническом признаке образования новых государств. Обезвредил, так сказать, чтобы не ретранслировать опасные идеи. Более того: в охранительном порыве В. Карпец предлагает переформулировать ст. 282 УК РФ, «поставив во главу угла именно сепаратизм и противопоставление «русских субъэтносов» русской нации в целом».

«Партайгеноссе» В. Карпеца, Александр Дугин, в свою очередь, понимает, что главная угроза для Империи заключается не столько в «сепаратизме» как таковом, сколько в самой заявке на самоидентификацию русских в формате регионализма. Ведь именно распад унитарной «русскости вообще» раз и навсегда снимет с исторической повестки дня химерические мифы о «Третьем Риме», «народе-государственнике», «народе-богоносце», легитимирующие существование паразитарной имперской мегамашины и ее идеологической обслуги. Не случайно А. Дугин горячо поддерживает идею принятия федерального закона «О карте русского», т.е., по сути, проект бюрократического насаждения нормативной русской квазиидентичности. При этом Дугин, как и подобает евразийцу, стремится максимально размыть «понятие русского». Он вновь предостерегает от попыток «сузить идентичность русского человека до чисто этнической или расовой принадлежности» и призывает поставить расизм «вне закона» (как они все любят полицейщину!). «Нужно, – пишет Дугин, – включить в понятие русской идентичности максимально широкий культурно-исторический, социальный, духовный, языковой и другие параметры». Самое интригующее в данной формуле – вот эти «другие параметры», уводящие нас в бесконечность. Почему бы, согласно этой необъятной «широте», не записать в «русские», например, таджиков или узбеков – тем более что они, по Дугину, «наши братья, с которыми мы жили в одном государстве»? Вот такой любопытный критерий «братства» – проживание в одном государстве. Для евразийца его величество государство всегда останется альфой и омегой, мерилем всего и вся, в том числе и родства. В конце концов, Дугин выдает «понятие русской идентичности», побивая все рекорды «широты параметров»: «Я лично считаю, что каждый порядочный человек на Земле – русский». Так из-под православной бороды и опричного подрясника вылезает обычный застойный советский интернационализм.

Если нынешнего Дугина побрить, он станет очень похож на какого-нибудь Романова (не на царя, а на члена Политбюро).

Как видим, Империя в лице своих апологетов не может предложить русским ничего, кроме «плавильного котла». Национал-демократия же, со своей стороны, провозглашает отказ от Империи ради сохранения русскими своей белой этно-расовой основы с дальнейшим становлением целого созвездия самобытных русских наций. Не Евразия, а Русская Европа; не Империя, а конфедеративное Многоорусье – такова национал-демократическая альтернатива «Левиафану отчуждения», а также возможному политическому хаосу. И проект «Залесье», несомненно, является ключевым в этой борьбе за русскость, за русскую судьбу. В борьбе, которая вступает в решающую фазу.

Сегодня мы зажигаем одну из звезд Русского Созвездия.

Итак: мы, залесцы...

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ

Не трогай белый наш глагол,
Крути своим кобылам хвост,
И не произноси, монгол,
За русских свой лукавый тост!
И пусть ты в золоте погон,
И пусть ты горец и грузин,
Но ты нутром – монгол, монгол,
Властитель плоскости равнин!
В твоём костре трещит Ван Гог,
Соря созвездиями в темь.
Ты жадно щуришься, монгол.
В твоих зрачках желтеет степь.
Ты любишь грязным сапогом
На белый мрамор наступать.
Ты любишь плеть. Ведь ты – монгол.
Тебе свободу не понять.
Ты жив. Ты вновь на трон взошел,

Гремя рубином и парчой.
И вновь лоснишься ты, монгол,
Елеем, потом и мочой.
Сладка кровища, как кагор.
Тебе попы кадят, звеня.
И ты, уверенный монгол,
Страну седлаешь, как коня.
Ты вновь командуешь «Анкор!»
Патриотизму и хамью.
Ты сгрудил нас, «отец»-монгол,
Навек в советскую семью.
Мы снова грузимся в вагон.
А рожки – просят кирпича.
И снова русский, как монгол,
Европу-мать рубнет с плеча.
Он так привык. Он слышит гонг
Востока, бронзы, божества.
Ему уже родней монгол,
Чем Украина и Литва.
Он – белый, но душой – Магог,
Он белой плоти алчет зло,
Стремясь к прибою берегов,
Где солнце Запада зашло.
Там берег сумрачен и гол,
И обрывается стеной.
Там русский – чуждый, как монгол,
В простор уставится морской.

Он будет сыпать матерком,
Ругая сырость и туман,
А боги предков ветерком
Уйдут в Последний океан.
И вновь стакан граненый полн
На берегу пустынных волн,
А в нем – медаль, да пара звезд.
И снова ты, рябой монгол,
Взобравшись на кремлевский холм,
За нас, за Русь поднимешь тост.

ОТСТУПНИК

Вадиму Штепе
О ты, восстанья Юлианова
Великолепная тщета!
Вернутся Савлы и Ульяновы,
И пошатнется красота.
В тени дубов умолкнут гимны
И смех танцующих наяд.
Убитый жрец и взятый Зимний
В цепи распада встанут в ряд.
Умрет де факто и де юре
Язык священных родников.
И лишь на миг безумный фюрер
Вернет поверженных богов.
Ликуйте всласть, галилеяне,
Рубите руки у богинь!..

Спокойным взором Юлиана
Простор истории окинь.
Мы возвращаемся из бездны,
Из строк, из камня, из литья,
Чтоб вновь вакхической песней
Восславить солнце бытия.
Что нам – весна, то этим – скверна,
Позор, гниение и прах.
У нас Отступник значит Верный,
Поправший двойственность и страх.

АНТИПАСХА

(Из поэмы «Странник»)
Молчат об этом наши «лидеры».
Они от ужаса прокисли.
Обретена икона Гитлера
В селе Великие Харизмы.
Купались утром детки малые,
И вдруг в реке студено-чистой
Сверкнуло царственное алое,
И проявился лик Нациста.
Она всплыла ладьей языческой
Под наше небо голубое.
И лик – открытый и провидческий –
Сиял отвагой и любовью.
Оплечь – священные гаммадии
Нетленным светом золотились...

Из рук с водою ведра падали,
Старухи радостно крестились.
Шла детвора с иконой чудною,
И миру все понятней было,
Что время страшное и судное
Волною утра подступило.
И бабы все светились розово,
А мужики прямили плечи.
И все – умытые, тверезые –
Стекались к образу, как вече.
Икона вся горела влагою,
Горела солнцем и победой.
И, как один, от счастья плакали
Все – от младенчика до деда.
Сбылось! Сбылось обетование –
Сокровище этногенеза –
Все, что хранили книги тайные
С времен древесного Велеса.
Явился Он, мессия пламенный,
Под русской ивою наивной,
Чтоб этот мир рукою праведной
Делить на правду и на кривду.
Во всю была погода летняя –
Златые дни и белы-ночи –
Ту Русь, святую и последнюю,
Своим дыханием упрочив.
В траву звезда слетала соколом.

А люд, презревший расстоянье,
Все шел зелеными проселками
На дивный свет солнцестоянья.
Все прибывало верноподданных...
И, тенью выстелясь по лугу,
Кружили тучи вертолетные
И горизонт смыкался кругом.
Сгущала тьму Москва далекая,
Тонула в страхе и веселье,
Блестя церковной позолотою,
Дрожа осиновой серью.
Багровых звезд неся проклятие,
Как смерть – от сумерек лилова,
Молилась темному распятию,
Не веря в Гитлера Живого.
Попы святили танки, бегая,
Считали судорожно прибыль.
И сталь ползла, летела, ехала –
Вся обреченная на гибель.
Неколебима синь высокая.
А бронь, нечестием кропима,
Замрет, пронзенная осокою,
И попаленная крапивой.

ЭПИТАФИЯ ЕЛЬЦИНУ

Минул год со дня смерти Бориса Ельцина. Я помню его молодым московским партбоссом-перестройщиком с лихим вихром, когда он, побитый Лигачевым, сквозь зубы разоружался перед партией. Помню его свинцовое лицо карателя в дни октября –93. Помню и седого пенсионера с замедленной моторикой и наивно-старческой

мимикой, сидящего в плетеном кресле, одетого в домашнюю кофту на пуговицах. Первый Ельцин – это наша молодость, полная страстей, объект надежд самых разных политических лагерей – от общества «Память» до Демсоюза. Второго Ельцина я ненавижу и сегодня. А к третьему ненависти нет.

Год назад ушел человек, который, так или иначе, составил часть моей жизни. Примерно в 1989-м меня вместе с друзьями волокли в ментовский автобус за участие в митинге Ельцина у Моссовета, а в 1993-м я чуть было не получил от Ельцина пулю в Останкино. Мне ли не вспомнить о «Боре» в годовщину его смерти?

Сегодня Ельцина и его эпоху все чаще противопоставляют путинским временам. Дескать, тогда была, пусть и несовершенная, но демократия, а сейчас наступил авторитаризм советского типа с опорой на монструозную правящую партию. Спору нет: не знаю, как насчет демократии, но воздух свободы при Ельцине был. Гулял ветер новой истории, дразня некими горизонтами и возможностями. Ветер с мусором, с хламом, нередко пованивающий разложением – как и всякий ветер весны. Но все-таки весны. Ну можно ли сейчас вообразить себе, что в избирательном бюллетене, наряду с эмблемами других партий, стоит «кельтский крест», как это было в декабре 95-го (речь идет о символе партии Николая Лысенко)? Можно ли представить, что сейчас на НТВ идет нечто подобное программе «Куклы», которую смотрели, не пропуская, и правые, и левые, и демократы, и патриоты? Можно ли представить «подвалы» в нынешней центральной прессе, громящие лично президента и его курс? Про семью Ельцина было известно все, а про семью Путина – почти ничего не ведомо. Чего только ни писали «про Борю», но газет за это не закрывали, даже Проханов уцелел. Недавняя история с закрытием «Московского корреспондента» – просто невообразима при Ельцине.

Наконец, тогда можно было создать партию снизу, без особых денег. Я сам в этом участвовал. Просто собрали подписи, опираясь на местный актив, сформированный ранее, и в мае 95-го зарегистрировали всероссийскую националистическую партию – ННП.

Однако настолько ли противоположны «лихие 90-е» праведным 2000-м? Попытка создания правящей партии была предпринята Ельциным сразу же после расстрела «Белого дома», фактически под дулами танков. Речь идет о «Выборе России», претендовавшем на роль ЕдРа. Но тогда, в декабре 93-го, «политтехнологии» были еще не обкатаны и народ благополучно «выбросов» прокатил, отдав голоса коммунистам и Жирику. А вот президентские выборы 96-го – это уже прямая дорога к нынешним невообразимым процентам голосов, якобы отданных за ЕдРо и Медведева. Разница лишь в том, что последнему, в отличие от «Бори», уже не надо, скинув пиджак, отплясывать «твист» на предвыборных концертах. Хотя, возможно, тут дело всего лишь в разнице темпераментов. По этой части нынешним тусклым кремлевладельцам до Ельцина очень далеко.

Кстати, «институт» преемника ввел Ельцин. Не забыть, как в августе 99-го он, с трудом ворочая языком, попросту назначил никому неведомого Путина будущим президентом России. Помню свою и моих друзей реакцию на это событие: старик совсем из ума выжил, ну кто проголосует за эту «моль»? Оказалось, напротив, Ельцин очень даже здраво разбирался в совсем не демократических механизмах управления государством российским. «Моль» благополучно стала президентом, потом – еще раз, а потом совсем по-ельцински назначила президентом следующую аппаратную «моль»...

Конечно, Путин отвратителен, когда клеймит 90-е, которые его же и сделали. Но в данном случае он всего лишь повторяет «папу» Ельцина. Ведь и «Боря» нещадно клеймил «совок», из которого и вырос как политик. Более того: Ельцин так и остался в «совке» со всеми его культурно-государственными мифологемами. Вспомним, как

при Ельцине потерпели крах робкие намерения пересмотреть культ «великой победы». Так же провалились попытки декоммунизации и отказа от имперского централизма. Ельцин остался по своей сути советским партаппаратчиком, партбоссом. И есть неумолимая логика в том, что он назначил своим преемником чекиста. Путин – это логическое продолжение Ельцина. Останься Ельцин в Кремле подольше – и он бы тоже восстановил советский гимн. А может быть, и лег бы в мавзолее...

Ельцин – емкий символ того, как советская номенклатура конвертировала должностную власть в капитал. Путин лишь продолжает это великое дело своего предшественника. Именно Ельцин заложил основы нынешнего госкапитализма, когда государство, по сути, является собственностью узкого круга лиц. Реального капитализма и реальной демократии в России нет, как и не было. Как не было, в отличие от стран Восточной Европы, и буржуазной антикоммунистической революции.

В России на волне антисоветского протеста рубежа 80-х и 90-х годов к власти пришел не электрик Валенса и не писатель Гавел. В России, глубоко пораженной советизмом, так и не состоялась радикальная смена правящего слоя. Была, по существу, борьба внутри этого слоя, которую одна из сторон пыталась выдать за «демократическую революцию». Был спекулятивно задействован даже национальный фактор: помнится, август 91-го преподносился, в частности, как освобождение русских из под гнета коммунистической империи. При этом о собственных планах по самоопределению русских в России путем создания ряда республик Ельцин вскорости благополучно забыл. Зато вплотную занялся «замирением» Чечни.

Помянуть Ельцина надо, но только затем, чтобы четко осознать: русским нужен свой Валенса. Национальный и демократический. Никак не связанный с Системой, не наследующий ее «карму». И только появление такого русского Валенсы будет индикатором выздоровления нации и знаком ее грядущего освобождения.

СТРАННИК

(Фрагмент из поэмы)

Рыдают евреи, рыдают еврейки,

И множатся слухи на сотни ладов:

На дрын опираясь, в простой телогрейке,

Идет по России калика Адольф.

Разя перегаром, тяжелым как нитра,

Он верным твердит в привокзальном кафе:

«Скажу вам по правде, ребята, я – Гитлер...»,

И тащит «Майн кампф» из больших галифе.

На сленг молодежный, на вечную феню

Легко переводит родные слова.
Он пьян как Высоцкий, он лысый как Ленин,
И только в глазах, как всегда – синева.
Оброс бородою толстовских масштабов,
Проникся дымами опавшей листвы,
Огнем опален на концерте «Рамштайна»,
Остыл, коченея, на льду мостовых...
Он – в ветре, в разрядах ночного трамвая,
Святой покровитель бродячих собак,
Нирвана ходячая, тень мировая,
Как шторм обглодавшая мусорный бак.
Он – крик поездов, фонарей перекрестья,
Железной промзоны лесная свирель...
Ночуя на крыше, вращает созвездья,
И, сонный, сползает в отвесный апрель.
Он взмлет драконом в закатное небо,
Вернется, осыпан золой Пустоты...
И делится с нами краюхою хлеба,
Щепоткою солнца и каплей воды.
Он снова свободен. Свобода – дорога.
Он снова художник. Он принял как дар
Судьбу в сумасшедшей манере Ван Гога
И мир, необъятный как атомный шар.

«ВИВА ДУЧЕ» ПО-РОССИЯНСКИ

Будущий премьер возглавил партию власти

Да, речь пойдет не о пресловутом «русском фашизме», давно ставшем дежурной и весьма хлебной темой российских «правозащитников». Эти заметки – о фашизме самом что ни на есть государственном, системообразующем.

Еще полтора года назад я писал, что российское государство имеет все признаки фашизма: этатизм, централизм, все более явный вождизм, почти неприкрытая однопартийность, подавление инакомыслия, имперская внешняя политика. Теперь же, после последнего съезда ЕдРа, Россия откровенно пародирует муссолиниевскую Италию.

Как известно, после победоносного похода на Рим, Муссолини, с согласия короля, стал премьером и сформировал первое фашистское правительство. Формально главой государства оставался король, однако реальным правителем Италии был премьер-харизматик, который правил, опираясь на Национальную фашистскую партию, сразу получившую абсолютное большинство в парламенте. Кстати, как и нынешняя кремлевская власть, режим Муссолини, по крайней мере, до второй половины 30-х гг., активно боролся с «расизмом» и «антисемитизмом», а также сотрудничал с церковью. Вообще, фашизм, как ни странно это слышать, в принципе довольно интернационалистичен. В центре его доктрины не нация, а самодовлеющий культ государства. Фашизм не следует путать с нацизмом, для которого государство всегда было вторичным, оставаясь лишь историческим инструментом нации, понимаемой, прежде всего, кровно. Поэтому нынешний евразийский этатизм, насаждаемый Кремлем, вполне корректно называть фашизмом.

Кстати, сам стиль путинского пиара кремлевские политехнологи позаимствовали у Муссолини. Путин-дзюдоист – это слепок с Муссолини-фехтовальщика. Задолго до Путина дуче под объективами сживал в кабинах боевых самолетов. А уж откуда взялась строгая черная водолазка, в которой Владимир Владимирович осенью возник на трибуне съезда движения «За Путина!», и говорить нечего. Равно как и о расплывшихся портретах и бюстах Путина, раскрывающих поразительное внешнее сходство ВВП с Юлием Цезарем. Очевидно, следующий этап этих исканий – статуи в «римском» стиле, сияющие благородной мраморной наготой. В монументальном наследии фашистской Италии есть подходящие образцы такого рода, запечатлевшие античные формы дуче.

Кто-то уже пошутил, что нынешние российские чиновники сейчас бьются над вопросом, как вывешивать портреты президента и премьера. Рядом? Но кто первый? А может, один над другим? Тогда кто сверху? Уверен, что в свое время итальянские чинуши мучились такой же проблемой, двоясь между формальным королем и фактическим диктатором.

Короче, как я уже сказал, история повторяется в виде пародии. Вместо огневой романтики раннего фашизма, этой пьянящей смеси национализма и футуризма – казенные рыла приспособленцев и шкурников, чинуш, ментов и гэбиров. Вместо похода на Рим, вместо воли и исторического творчества – поход «Третьего Рима» против регионов, нудные ритуалы мертвых съездов, аппаратная просчитанность и чиновный цинизм. Вместо девиза «Живи опасно!» – девиз «Живи прекрасно! Живи в кайф!». Вместо Юлиуса Эвола – Сергей Марков. Наконец, вместо действительного воодушевления и единства – единство мафии, занятой конвертированием государственных должностей в реальные деньги, в лондонские дома, в шикарные яхты и Куршевели.

Да, сановные «едрилы» насаждают культ государства, ибо это государство – инструмент их личного обогащения. В отличие от итальянских фашистов, они никогда не проведут модернизацию страны, не поднимут сельское хозяйство и производство, не решат коммунальных проблем, не построят красивых зданий и мостов, не создадут большого стиля. Они способны лишь хапать, «пилить бабло» и громоздить очередные офисные башни. Российский чиновный фашизм – этот тот самый карикатурный фашизм, столь знакомый нам по советской пропаганде: тупой, жестокий, жадный, продажный, пахнущий грязными кутузками и кровью. Обожающий пошлую роскошь и безнаказанное насилие.

По сравнению с Италией Муссолини Россия Путина гораздо более фашизоидна. Все-таки, дуче не назначал короля, подыскав среди своих «корешей» подходящую кандидатуру. Король Виктор Эммануил никогда не выглядел рядом с Муссолини картонным петрушкой; да, он был всего лишь символом, но реальным – надклассовым и надпартийным – символом Италии, связывавшим страну с ее историей. Медведев же – просто ставленник, временщик, фигура прикрытия, которую все так и рассматривают. Ради сохранения своей власти Путин фактически дискредитировал институт президентства, сделав его пустым местом. Александр Дугин, будучи допущенным на последний съезд ЕдРа в качестве гостя, прямо заявил корреспонденту радио «Свобода», что Путин по-прежнему – «единственный субъект российской политики», «суверен и диктатор(!)». И это публично сказано при только что избранном, новом президенте! Можно лишь «пожалеть» Медведева, которому изначально была отведена жалкая роль проходной фигуры, пешки, а не короля.

Дерзнет ли он, в случае грядущего системного кризиса, пожертвовать своим патроном – подобно итальянскому монарху, который, опираясь на поддержку фашисткой верхушки, отправил дуче в отставку и даже арестовал его? Посмотрим. Как известно, жизненный путь Бенито Муссолини и его верной Клары завершился трагически. О том, насколько жанр пародии, избранный кремлевскими творцами истории, совместим с трагедией, судить пока трудно. Но, как бы то ни было, уже сейчас невозможно вообразить, что кто-то из них способен уподобиться идеалисту Паволини – последнему секретарю фашистской партии, который перед лицом смерти прокричал: «Умрем как фашисты!».

СЛАВА УКРАИНЕ!

Виктор Ющенко как ледокол национал-демократии

На отношении к Украине сегодня проверяется русское самосознание, степень его свободы от имперщины и совка. Надо ли говорить, что далеко не все эту проверку проходят? Многие русские все еще отказывают украинцам в праве на самостоятельность, упорно продолжая считать их частью русского народа, а саму Украину – одной из провинций Российской империи, вроде Тульской области. И, прежде всего, так считает Кремль. Он упорно рассматривает Украину как некий заблудший кусок постсоветского пространства, а не как суверенную СТРАНУ. Именно поэтому процесс восстановления украинской идентичности вызывает столь острое недовольство Москвы. Россия, несмотря на очевидность, продолжает включать Киев в сферу своего влияния. В ход идут и нефтегазовый шантаж, и замшелые мифологемы о «триедином русском народе», и кампания «за сохранение церковного единства» (в действительности речь идет о сохранении в Украине позиций Московской патриархии как агента влияния Кремля).

Особый гнев Москвы вызывает «крестовый поход» за новую (антиимперскую и антисоветскую) историософию, начатый Киевом в последнее время. Россию прямо-

таки корежит от того, что отныне она не рассматривается «проклятыми хохлами» в качестве любимого и ближайшего родственника. Более того: само «воссоединение Украины с Россией» подвергнуто решительной ревизии и переосмыслению.

Ближайший пример – смелое решение президента Виктора Ющенко о праздновании 350-летия битвы при Конотопе (1659). Запланированы научные конференции, всеукраинский казачий фестиваль, идет работа над документальным фильмом. Ющенко убежден, что этот юбилей послужит «восстановлению исторической правды и национальной памяти». Тогда, при Конотопе, гетман Выговский наголову разгромил московское войско князя Трубецкого. Что же стоит за Конотопской битвой?

Дело в том, что хрестоматийная Переяславская рада (1654) – явление, мягко говоря, неоднозначное. Богдан Хмельницкий пошел на пресловутое «воссоединение» не от хорошей жизни. Это был вынужденный выбор политика, оказавшегося в тисках между Польшей и Московией. Характерно, что поначалу Хмельницкий, сам будучи шляхтичем, и не думал отделяться от Польши; он и поддерживавшие его запорожцы ставили вопрос всего лишь об автономии и свободе вероисповедания. Однако, поляки своей упертостью подтолкнули казаков к Москве. Причем последние хорошо понимали, с кем они «воссоединяются», иллюзий не было. Выражая согласие дать присягу московскому царю, казаки требовали (!), чтобы Алексей Михайлович, в свою очередь, присягнул им, казакам, в сохранении казачьих вольностей. В ответ московский посол Бутурлин чванливо заявил, «что у нас не повелось, чтоб цари давали подданным присягу, а вольности ваши Государем соблюдены будут». Уже одно это показывает, какая ментальная пропасть разделяла украинцев и московитов. Первые, несмотря на лихие казацкие чубы, были представителями европейской культуры договорных отношений, т.е. культуры права. Вторые, будучи европеоидами, были наследниками Орды и носителями типично азиатского менталитета. Тем не менее, учитывая свое сложное положение, казаки согласились на условия Бутурлина.

Как «соблюла» Москва казацкие вольности, хорошо известно. Уже в 1665 году Украина утратила остатки самоуправления. Далее было насаждение крепостничества, упразднение гетманства, уничтожение Запорожской Сечи, имперская унификация. Напомним, как Екатерина Вторая подарила Потемкину «42 тысячи десятин казацкой земли, превратив свободных крестьян в крепостных» (Павло Штепа, «Московство»). Сама же Украина стала набором типовых губерний.

Задолго до всего этого многие казаки поняли, к чему идет дело. Уже в 1657 году, всего через три года после Переяславля, гетманом Украины стал православный шляхтич Выговский, взявший курс на интеграцию с Польшей и заключивший с ней Гадячскую унию. В ответ Москва направила в Украину свой карательный корпус под командованием князя Трубецкого. В результате, в 1659 году, выдержав 70-дневную осаду, украинцы наголову разбили при Конотопе 100-тысячное войско московитов. Потери Москвы составили до 20 тысяч человек, и это при том, что Трубецкой располагал подавляющим численным перевесом! Как признает историк Л. Гумилев, «казалось, что Украина потеряна для России навсегда». Царь Алексей Михайлович был готов заключить мир на любых условиях и даже собирался бежать из Москвы. Спасла его только нерешительность Выговского. И после этого российский телеагитпроп в лице программы «Национальный интерес» смеет говорить, что при Конотопе московские войска были всего лишь «потеснены»!

С особым смаком наши хамоватые телеведущие упоминают о том, что при Конотопе Выговский выступал в союзе с поляками и крымскими татарами. Упор делается, конечно, на татар: вот, мол, какие подонки эти самостийники, даже с басурманами на ближайших родственников-единоверцев поднялись! При этом павловские и соловьевы, конечно, не рассказывают, как сама же Москва в пору «собираения

земель» ходила вместе с татарами на Тверь, Смоленск, Рязань и Новгород, искореняя подлинную русскую идентичность. Не говорят и о том, что тот же Хмельницкий не пренебрегал тактическими союзами с татарами, отнюдь не считая оные чем-то вопиющим.

Не выдерживают критики и настойчивые попытки российских СМИ представить Конотопскую битву как эпизод, нехарактерный для отношений Украины и Московии. Напомним, что еще в 1618 году гетман Петр Сагайдачный осаждал с казаками Москву, поскольку она подстрекала татар и турок к набегам на Украину (это тот самый Сагайдачный, что наголову разгромил татаро-турецкое войско в знаменитой Хотинской битве, остановив восточную экспансию в Европу). Да и чуть ранее, во времена Смуты, запорожцы вместе с поляками ходили на Москву, поскольку являлись автономной республикой в составе Речи Посполитой, органичной частью ее рыцарской культуры. Вообще конфликт казаков с Польшей – это трагедия и Польши, и Украины, от которой выиграл только российский империализм. Трагедией этот конфликт обернулся и для нас, русских, поскольку развитие и укрепление империи препятствовало нашему становлению в качестве нормальной европейской нации.

Украинцы стремятся осмыслить свою историю как историю европейского народа. Украина мучительно восстанавливает свою европейскую идентичность, продолжая исторический вектор, намеченный еще Даниилом Галицким. И в категориях этого процесса Конотопская битва является, несомненно, знаковым событием – тут надо отдать должное смелости и чутью Виктора Ющенко.

А так же его последовательности. В Украине уже появилась улица гетмана Ивана Мазепы, который стремился «вернуть Украине вольность». Планируется юбилей Полтавской битвы – вот только точка зрения на нее радикально изменена: украинцы в союзе со шведами против московского азиатизма, принарядившегося в немецкий кафтан. В ознаменование 300-летия украинско-шведского союза намечено установить памятник Карлу XII в Украине и, соответственно, памятник гетману Мазепе в Швеции. Революционность этих шагов можно оценить, представив себе памятники, скажем, генералу Власову в Москве и атаману Краснову – в Ростове-на-Дону.

Масштабы осуществляемой в Украине историософской революции грандиозны. Прошлой осенью, 13 октября, указом президента Ющенко присвоено звание Героя Украины Роману Шухевичу – главному командиру УПА в 1942-1950 гг. Как сказано в указе, «за выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины и в связи со 100-летней годовщиной со дня рождения и 65-летней годовщиной создания Украинской Повстанческой Армии». Историки отмечают, что УПА – пожалуй, единственная сила во Второй мировой войне, которая вела борьбу на два фронта: против советизма и против германского оккупационного режима. Тогда же, 13 октября 2007 года, во Львове состоялось открытие памятка Степану Бандере, а на следующий день Украина отмечала 65-летие создания УПА.

Конечно, этот процесс национально-демократического переосмысления истории не мог не затронуть страшную и великую тему Голодомора 1932-33 гг. Голод, организованный советской властью, унес в Украине по минимальным подсчетам 4 млн 649 тыс. человек, а по другим сведениям – 7-8 миллионов жизней. Почти полтора года назад, 28 ноября 2006 года по инициативе президента Ющенко был принят закон «О Голодоморе 1932-1933 гг. в Украине», в котором Голодомор назван «геноцидом украинского народа». Такое определение Голодомора находит все более широкую международную поддержку.

Еще в 1984 году американская правительственная комиссия под руководством Джеймса Мейса заявила, что «Сталин и его окружение совершили геноцид против украинцев в 1932-33 гг.». В 1989 г. Международная комиссия юристов под руководством Джейкоба Сандберга определила Голодомор как геноцид, имевший целью подавление «традиционного украинского национализма». В 2003 г., в ответ на соответствующие инициативы Украины в ООН, сенат Канады призвал правительство признать Голодомор геноцидом. В том же году сенат Аргентины принял «Декларацию памяти жертв Голодомора на Украине», а палата представителей Конгресса США – резолюцию, в которой Голодомор назван «актом террора и массового убийства, направленным против украинского народа». Тогда же сенат Австралии определил Голодомор как «одно из самых ужасных проявлений геноцида в истории человечества», а парламент Венгрии – как «геноцид, заранее спланированный сталинско-советским режимом». В 2005 году Сейм Литвы признал Голодомор «тщательно спланированным геноцидом народа Украины», а в 2006-м парламент Грузии сделал заявление о Голодоморе как о «преднамеренном геноциде украинцев». В 2007 году Конгресс депутатов Испании, парламент Перу и Национальный конгресс Эквадора определили Голодомор как акт геноцида. В том же году Французская национальная ассамблея зарегистрировала законопроект «О признании Голодомора 1932-33 гг. геноцидом украинского народа».

Убежден, что это только начало.

Таково мнение нормальных государств. Но у России, которая, очевидно, к такому не относится, особая точка зрения. Так, 19 ноября прошлого года Департамент информации и печати МИД РФ заявил, что украинское определение Голодомора как геноцида является «искажением истории». Примечательно, что этому демаршу российского МИДа предшествовала грязная вылазка хунвейбинов из Евразийского союза молодежи, разгромивших в Украинском центре на Арбате выставку, приуроченную к очередной годовщине Голодомора.

В марте этого года последовал новый антиукраинский демарш Эрэфии. Представитель России в Совете ООН по правам человека призвал мировую общественность «отказаться от попыток квалифицировать массовый голод 30-х годов как геноцид». При этом российский чиновник сослался на Конвенцию о геноциде (1948). Согласно этому документу, геноцид – это «истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде (биологический геноцид)». Российская сторона тщится доказать, что Голодомор на Украине не был направлен против украинцев как нации и потому, дескать, не попадает под определение «геноцид».

Дадим слово Наталии Дзюбенко-Мейс, жене гарвардского исследователя Голодомора Д. Мейса, редактору книги о Голодоморе: «Если миллионы людей, которые проживают на территории определенного государства, истребляются, умирают голодной смертью, отчего это нельзя считать геноцидом?.. На каком-то собрании ООН, когда формулировалось это понятие геноцида, то именно советские дипломаты настояли, чтобы в определении ООН среди признаков геноцида не было «классового» признака. Раньше советские дипломаты не позволили ввести «классовый» признак в международное понятие геноцида, а теперь их последователи борются против того, чтобы считать истребление наших людей геноцидом».

Да, верно: опять видны уши Совка. Понятно, что если бы международное определение геноцида включало в себя «классовый» признак, то Советский Союз можно было бы смело квалифицировать как преступное государство, а коммунизм –

как преступную идеологию со всеми вытекающими последствиями. Однако в 1948 году Совок был еще достаточно влиятелен, чтобы не допустить этого.

Но отсутствует ли в Голодоморе национальный признак? Во-первых, сам товарищ Сталин признавал, что национальное и крестьянское порой тождественны до степени смешения: «Национальная проблема, в самой своей сути, это крестьянская проблема». Историки констатируют, что именно на 1932-33 гг. приходится «усиление антиукраинской и антиказахской риторики Сталина». Сталин писал в письме к Кагановичу, что партийный и государственный аппарат на Украине кишит «националистами и польскими шпионами». Более того: «отец народов» открыто заявлял в этом письме, что в любой момент СССР может потерять Украину. Кроме того, именно в начале 30-х гг. началась кампания по деукраинизации Кубани.

А вот что писала «Пролетарская правда» от 22 января 1930 года: «Уничтожение социальной базы украинского национализма – индивидуальных крестьянских хозяйств – было одним из основных задач коллективизации на Украине...» Вот как получается: оказывается, «одной из основных задач» коллективизации в Украине было уничтожение украинского национализма! Товарищ Балицкий, тогдашний руководитель ОГПУ Украины, прямо говорил: «В 1933 году кулак ОГПУ ударил в двух направлениях: сначала его удар ощутили на себе кулаческие петлюровские элементы на селе, а во-вторых, главные ячейки национализма». Тут уж впору предположить, что подавление национализма было ГЛАВНОЙ задачей коллективизации и искусственного голода в Украине. «Предотвращение вспышки украинского сепаратизма в ситуации социально-политического кризиса, охватившего СССР» – так Институт истории Украины определяет цель Голодомора. В Украине это хорошо сознавали еще в 1933 году. В самый разгар Голодомора в редакцию газеты «Коммунист» пришло анонимное письмо из Полтавы с четкой формулировкой: «Физическое уничтожение украинской нации, истощение ее материальных и духовных ресурсов является одним из важных пунктов негласной программы большевистского централизма».

Да, массовый голод был и на Дону, и в Поволжье, и на Южном Урале, и в Западной Сибири, и в Казахстане. Однако, если в РСФСР счет погибших шел на сотни тысяч, то в Украине – на миллионы. Отмечают, такого террора голодом (определение Р. Конквеста), как в Украине и на Кубани, связанной с Украиной этнически и культурно, не было нигде. Изымалось ВСЕ продовольствие подчистую, прекращался подвоз товаров, запрещалась кооперативная и государственная торговля, а главное, умирающим от голода людям не давали возможности выехать из районов бедствия, превращенных в резервации. Именно ради этого 4 декабря 1932 года был принят закон о системе внутренней паспортизации, фактически означавший для крестьян новое крепостное право. Более того: специально для украинцев 22 января 1933 года была выпущена «Директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР в связи с массовым выездом крестьян за пределы Украины». Как видим, налицо истребление «отдельных групп населения», «умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное уничтожение этих групп» – это из международного определения геноцида. Плюс национальный признак: «уничтожение социальной базы украинского национализма», борьба с украинским сепаратизмом путем массового умерщвления украинцев. А это уже классический геноцид, даже в его нынешнем определении, выработанном при участии советских коммунистов. Таким образом, можно смело утверждать, что именно применительно к Украине коллективизация стала классической формой геноцида.

Отделение Украины от Империи всегда означало гибель последней. Именно поэтому Москва столь болезненно переживает украинскую самостоятельность – она нанесла Империи незаживающую рану. Без Украины Империя ущербна. Сталин прекрасно понимал, что Украина с ее колоссальным антисоветским и антиимперским потенциалом представляет страшную угрозу самому существованию Советского

Союза – он хорошо помнил крестьянскую «мелкобуржуазную стихию», с которой столкнулся в Украине еще в годы гражданской войны. Неспроста он, даже после 1945 года, в пору своего наивысшего могущества, лично отслеживал борьбу с украинским национально-освободительным движением. Поэтому, конечно же, Голодомор в Украине носил характер борьбы с Украиной как таковой, имея все признаки геноцида.

Почему же нынешняя Россия отказывается считать украинский голодомор геноцидом, регулярно предпринимая, по словам МИД Украины, «циничные попытки унижить и опорочить память» миллионов жертв «коммунистического тоталитарного режима»? Да потому, что Эрэфия является правопреемницей этого режима, а стало быть, должна нести ответственность за преступления Совка. Вся правящая российская элита кровно связана с преступным Совком, поскольку именно из него происходит. Тот же Путин – выходец из преступной организации, кабинеты которой по сей день украшены портретами преступника Дзержинского. Россия остается глубоко советским государством – и по форме, и по содержанию. Можно ли ждать признания Голодомора геноцидом от политических наследников Сталина и Кагановича? Тема Голодомора – это шапка, горящая на голове нынешнего российского государства. Желание прикрыться от такого соседа членством в НАТО вполне объяснимо.

О том, насколько больна Россия, красноречиво говорит то, что даже Александр Солженицын встал на одну доску с погромщиками из ЕСМ и их государственными покровителями! Он осудил в «Известиях» «провокационный крик о геноциде», по его словам, «перехлестнувший лихие заверты большевистского агитпропа». Нет Александр Исаевич, сегодня именно Вы, автор бессмертного «Архипелага ГУЛАГ», оказались на службе у этого агитпропа, в числе прислужников чекистской власти. Вы стараетесь потушить горящую на ее голове шапку!

Казалось бы, почему бы российскому государству в свою очередь не объявить Совок преступным режимом, проводившим политику геноцида русского народа? Тем более, что так оно и есть. Но подобные упования – то же самое, что и надежды на чистосердечное раскаяние серийного убийцы, поскольку, повторяю, Эрэфия громогласно, на каждом перекрестке, подтверждает свое правопреемство с кровавым Совком. Единственное, что остается Кремлю – прятаться за спину русского народа, апеллируя к его национальным чувствам: смотри, мол, до чего дошли «хохлы», в геноциде тебя обвиняют! Русофобия! Кремль, как всегда, пытается поймать русских в ментальную ловушку, заставив их отождествлять себя с Империей, а значит – и разделять с нею ответственность за ее преступления. Свою жертву – русский народ – Империя хочет выставить в роли соучастника собственных злодеяний. Поразительно, что этому гипнозу имперщины и советчины подвержены не только обыватели, но и такие люди как Солженицын.

Между тем, ни в одной из своих речей или статей Виктор Ющенко не обвиняет в Голодоморе русских. Да, украинские национал-демократы прямо говорят, что Голодомор, был «организован Москвой, извечным врагом Украины». Но Москва – это извечный враг и самих русских, еще с тех времен, когда московские деспоты, пользуясь ордынской «крышей», подминали под себя независимые русские государства, а затем на русских костях строили по лекалам Орды и Византии российскую империю (большевики лишь продолжили эту традицию централизма).

Именно Москва веками превращала нас, русских, в унифицированных «москалей», по-холопски кичащихся «великим государством», никогда им не принадлежавшим. Но сегодня все больше тех, кто противопоставляет свою русскость московщине и москвоцентризму. Медленно, но верно идет восстановление русской идентичности через категории прогресса, западничества, демократии и регионализма. Такой русский национализм, несомненно, открыт для диалога с украинской национал-

демократией, в лице которой видит вдохновляющий пример. Вообще только союз двух национал-демократий – русской и украинской – может успешно решить задачу по культурно-политической реорганизации постсоветского пространства.

Революция национальной памяти в Украине набирает силу. В ноябре прошлого года, выступая в Киеве на мероприятиях в День памяти жертв Голодомора, Виктор Ющенко призвал убрать с украинской земли все памятники советизма. По его словам, Украина «должна надеть чистую рубашку и убрать с тела символы тоталитарного режима». Пора бы и нам, русским, подумать о том же и содрать с себя грязные лохмотья имперщины и советчины – пока не пришлось отдирать их от себя с мясом.

ПУТИН И МЕДВЕДЕВ

Восторженный (или желающий казаться таковым) Проханов писал сразу после президентских «выборов», что «Путин и Медведев шли по имперской брусчатке, как Ромул и Рем». Между тем, слишком очевидно, кто в этой парочке ведущий, а кто ведомый. Поэтому уже чуть ли не в следующем номере «Завтра» появилась другая, не столь пафосная характеристика возникающего «кремлевского двоевластия»: «...Медведев должен служить гарантом интересов «семейной» части кремлевской «вертикали власти», а Путин – гарантом интересов «силовиков», что очень сильно напоминает опричнину Ивана Грозного, – с высокой вероятностью аналогичных последствий для страны...»

Напомним, что Иван Грозный, «удалившись от дел», засел со своими опричниками-силовиками в Александровой слободе, а вместо себя назначил на царство татарина Симеона Бекбулатовича. Себе же Грозный оставил скромный титул князя московского, которым и подписывал свои шутовские челобитные на имя нового «царя», в которых «смирненно» взывал: «Государь, смилуйся, пожалуй!». Когда же Грозный вдоволь натешился этим балаганом, он, «по просьбе трудящихся», вернулся в Кремль – теперь уже в качестве легитимного, а не теневого владыки.

Биясь над вечной византийской проблемой преемственности власти, Кремль так и не решился на третий срок Путина в явной форме. Власть пошла лукавым, истинно византийским путем: номинальный президент при полномочном премьер-Медведеву, как «проверенному товарищу», предстоит заполнить собой президентское кресло на период политического межсезонья, т.е. до тех пор, когда сам Путин сможет вновь претендовать на высшую государственную должность РФ.

Когда это случится – в 2012 году или же, в силу неких чрезвычайных обстоятельств, гораздо раньше – сказать трудно. Однако уже сейчас можно утверждать со всей определенностью, что обрисованная схема сопряжена с целым набором рисков для Системы. Прежде всего, всякий властный дуализм, даже номинальный – это уже дестабилизация. Это предпосылка борьбы элит, борьбы влияний и интересов, предпосылка политической подвижности. Поэтому можно смело говорить о конце эпохи пресловутой путинской стабильности.

Главная же опасность для Системы состоит в том, что «двоевластие» неизбежно дискредитирует институт президентства, детище Путина – «властную вертикаль», поскольку всем будет очевидно, где находится реальный центр власти, ее воля и мозг – в Белом доме, а не в державном Кремле. Всем будет очевидно, что премьер в своих отношениях с президентом соблюдает некий чисто внешний ритуал, граничащий с юродскими челобитными Ивана Грозного. Народ очень даже может оскорбиться и послать к чертовой матери это великое государство, в котором его

держат за дурака и холопа. Связка Путин-Медведев – это весьма непрочный стык в Системе, аляповатый клепаный шов, уязвимый для атак подлинной оппозиции. Поэтому намеки «Завтра» на вероятность новой Смуты вполне обоснованы. Вопрос лишь в том, что за ней последует: «патриотическое» воспроизведение имперско-централистской парадигмы, как в 1613 году, или национально-демократический и регионалистский прорыв в новую историю, к «Русской Европе».

ПРЕЦЕДЕНТ

«Прецедент – (от лат. praecedens, род. пад. praecedentis – предшествующий), случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» (СЭС, М, 1980).

Сейчас, когда улеглись первые страсти вокруг Косово, настало время поговорить об этой проблеме спокойно. Рассмотрим косовский прецедент не с точки зрения интересов Российской империи, не с позиций европейского статус-кво или «славянской солидарности», а исходя из актуальных целей и задач русских европеоидов.

Спору нет, для сербов ситуация кровотокающая. Чтобы ее лучше понять, представим себе, что южные мигранты, достигнув определенной численности, объявили о создании своего государства, скажем, во Владимирской области. При этом они уничтожили Успенский собор во Владимире, расписанный Рублевым, храм Покрова на Нерли и другие шедевры русского романского стиля. Представим, что Клязьма поделила Владимир на русскую и мусульманскую части, превратив его в аналог Косовска-Митровицы. Представим себе минареты в среднерусском пейзаже, оглашаемом на заре не только пением петухов, но и протяжными криками муэдзинов. Все это более чем вероятно, поскольку следует из самой сущности Российского государства как евразийского «плавильного котла». Кстати, недавно в милом русском городе Малоярославце мусульманские мигранты поставили перед местными властями вопрос о строительстве мечети. Прецедент...

В Косово расположено знаменитое Косово поле, где в 1389 г. князь Лазарь сражался с численно превосходящими турками. Причем не только за Сербию, но и за всю Европу. Отныне этот символ сербского духа будет для сербов за границей, как для армян – Арабат.

Косово – это, конечно же, часть глобального цивилизационного конфликта Север-Юг. В лице новообразованного государства Юг – агрессивный, голодный, жадный, нетерпимый – получил в Европе свой превосходный плацдарм. А Европа – еще одну головную боль. Косовские албанцы никогда не станут европейцами. А вот новыми чеченцами – скорее всего. Героиновый наркотрафик, похищения людей, вооруженные бородачи в камуфляже – все это, действительно, живо напоминает один из субъектов Российской Федерации.

Все так. Однако проблема Косово, в том виде, как она сложилась на данный момент, скорее всего, имеет только одно решение – то, которое предложил Запад. По крайней мере, теперь, после получения независимости, Косово довольно быстро превратится в криминальное квази-государство, одиозность которого будет очевидна всем, и прежде всего Европе. Что, надеюсь, будет способствовать росту европейского самосознания и его освобождению от морока политкорректности. Новая Чечня должна окончательно прочистить мозги Европе, которая и без того заметно трезвеет – результаты опросов общественного мнения в Дании после

недавних погромов, устроенных цветными мигрантами в ряде городов этой страны, весьма характерны.

Нам, русским, при всем сочувствии сербам (как белым людям, а не как «братушкам»), ни в коем случае нельзя солидаризироваться с панславистской риторикой Москвы, стремящейся с ее помощью сплотить «электорат» вокруг существующей власти, пробудив в массовом сознании замшелую мифологию скобелевских времен. Нам, русским, необходимо четко уяснить для себя, чем же так напугало Косово антирусское Российское государство, почему Путин назвал косовский прецедент СТРАШНЫМ.

Конечно, душа его болит не о Европе с ее баскскими, шотландскими, ольстерскими, северо-итальянскими, бретаньскими, баварскими и другими сепаратистами, несомненно, обретшими в лице Косова вдохновляющий пример. И не о степени соединенности Соединенных Штатов думает он бессонными кремлевскими ночами, не отделение штата Техас видится ему сквозь дымку времени. Российский президент думает, конечно, о России – теперь уже на пару с Дмитрием Медведевым, получившим столь проблемное хозяйство. Как говорится, одна голова – хорошо, а две – лучше. Прямо-таки орел двуглавый.

Верный политрук Шурыгин подсказывает им со страниц газеты «Завтра»: «В России сегодня заложен целый ряд «косовских мин». Чечня и Ингушетия могут быть в любой момент выбраны Западом на роль русского Косово со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Мелко плавааете, т. Шурыгин. Вовсе не Чечня и Ингушетия «могут в любой момент» стать русским Косово. Чечне в России, платящей ей регулярную дань, очень даже неплохо. Вовсе не «инородческий» сепаратизм угрожает Российской империи. Русское Косово будет действительно русским. Русским Косово станут русские регионы, протянувшиеся от Балтики до Владивостока. И не Западом они выбраны на эту роль, а самой Российской империей, в которой русские всегда были самым бесправным народом.

Вот о чем думает Кремль, называя косовский прецедент страшным – о русском счете к России. Большом счете за многовековое имперское строительство на русских костях. Счете за эксплуатацию, геноцид и организованное вымирание. За крепостничество и ГУЛАГ. За опричнину и ЧК. За растоптанную вольность, за снятые вечевые колокола. За самодержавие и большевизм. За навязанную нам азиатскую историю.

У русских в сто крат больше оснований для самоопределения, чем у косовских албанцев. И Кремль это понимает. Для той же Владимирщины, большую часть своих налоговых сборов отдающей ненасытному имперскому Центру, и получающей взамен жалкие подачки на региональные нужды, Косово запросто может стать «примером или оправданием». Как и для русского Северо-Запада, который быстро сверит свою идентичность с Новгородской республикой. И для демократического казачьего Юга, присоединенного к Московии путем террора – царского и комиссарского. А также для русского Урала, для русской Сибири, для русского Дальнего Востока, всегда тяготившихся колониальной властью Москвы. Все они, однажды объявив о своем самоопределении, могут, подобно северо-американским штатам или швейцарским кантонам, образовать Конфедерацию Русь. НОВУЮ СТРАНУ. Действительно русскую, свободную и современную. Без этномафий и монструозной азиатской бюрократии. Где госаппарат будет служить народу, а не владеть им, подобно ветхозаветному богу. Где русские, наконец, получат возможность работать на себя, а не на Империю. Главное – вспомнить свою изначальную способность к самоорганизации, прежде всего на местном и региональном уровне. Вспомнить вечевые традиции, помноженные на здравый смысл и решимость.

Представьте себе такое сообщение в теленовостях: «Сегодня, 4 января 2018 года, в День Возрождения Руси, в Великом Новгороде открылся ежегодный рабочий саммит глав государств Русской Конфедерации. Восемь лет минуло с тех пор, когда волна региональных «майданов» смела Империю в небытие...» На телеэкране появляется флаг, чем-то напоминающий флаг Евросоюза. Кажется, на нем восемь звезд: Балтийская Русь (бывшая Калининградская область), Новгородская республика, Залесье (т.н. центральный регион), Казакия (Дон и Кубань), Республика Поволжье, Уральская республика, Русская Сибирь (с нефтью и газом), Республика Дальний Восток. Мелькают виды заснеженного Новгорода, теперь больше напоминающего северную Женеvu, чем провинциальный совковый город. А вот и участники саммита: молодые, бодрые, с открытыми русскими лицами, кое-кто с бородой, а кто-то – с артистической шевелюрой. Крепкие рукопожатия, улыбки, доверительный тон. Чувствуется уверенность в будущем, настрой на развитие. Групповая фотосъемка на фоне восьми флагов, реющих на ветру новой истории – среди них еще один, синий с розой ветров: субъекты Конфедерации Русь уже давно состоят в НАТО. Возложение венков к подножию обелиска Памяти Жертв Империи...

Далее – репортаж о работе саммита, который охватывает широкий круг текущих вопросов: от альтернативной энергетики до планового нанесения превентивных авиаударов по базам боевиков на территории Кавказского халифата. Саммит констатирует, что Русь полностью обеспечивает себя продовольствием – в основном благодаря высокоразвитым кулацким хозяйствам. Часть субъектов Конфедерации даже начала экспорт некоторых видов продуктов питания.

Завершается саммит знаменитым Новгородским карнавалом в честь князя Волхова – Ящера-Коркодела. Незабываема кульминация праздника – фейерверк и ритуальное утопление трехметрового чучела Фофудьи. Комментаторы отмечают, что, несмотря на свою небольшую историю, Новгородский карнавал уверенно конкурирует с Венецианским, становясь даже более популярным в Европе, о чем красноречиво свидетельствуют массы туристов. Для них Русь – развитая, преуспевающая, безопасная – стала одной из самых привлекательных стран Западного мира. В Руси даже действует программа по приему белых переселенцев – от квалифицированных рабочих и фермеров до предпринимателей и интеллектуалов с самыми авангардными проектами.

Конечно, это всего лишь футурологический этюд, причем несколько лубочный. Но, согласитесь, в ней есть нечто, греющее душу, зовущее в завтра. Главное сейчас для нас, русских – понять, что нам не дает жить Российское государство, всегда бывшее системой эксплуатации народа в интересах клана паразитов.

Для наших имперцев русский народ – это нечто абстрактное, тогда как в реальности он существует только в конкретном регионалистском измерении. Нет русского народа «в общем» – есть русские регионы, разнообразные и разноликие. Будет хорошо русским регионам – будет хорошо и русскому народу. Поэтому реальный русский национализм должен экстраполироваться на политику как русский регионализм. «Богатства регионов – регионам» – вот революционный лозунг момента. Сколько можно терпеть власть Москвы, которая, будто колонии, грабит края и области, душит местное самоуправление, отнимает шанс на развитие? Стоит выдавить этот гнойник имперского централизма, и сразу пойдет налаживаться на местах нормальная, европейская русская жизнь: малый и средний бизнес, инновационные технологии, фермерство, реальная демократия. Сразу народ, почувствовав достоинство, силу и вкус к самоорганизации выкинет со своей земли этномафию – вместе с ее чиновной «крышей». А от самоорганизации один шаг до организации новой страны – снизу, с регионального уровня. Русские регионы выступят в качестве субъектов исторического творчества. Можно условно назвать эту новую страну «Русской Америкой», «Русской Швейцарией» или «Русской Европой». А можно просто – Русь.

И последнее. Если русские не отделятся от России со своими регионами, то в недалеком будущем южная миграция с ее галолирующей демографией отделит от русских их коренные земли. Если не будет русского (действительно русского!) «Косово», то будет «Косово» антирусское – его готовит нам сама же Россия с ее принципиальной установкой на «многонациональный народ». Империя просто не может не быть «плавильным котлом». Поэтому освобождение от Империи – это для русских вопрос биологического выживания. Проще говоря, вопрос жизни и смерти.

Итак, Косово – это, прежде всего, прецедент для РУССКОЙ АНТИИМПЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Факт экспансии Юга послужит освобождению Севера в его русском сегменте. Сегодня – Косово, завтра – Залесье. Послезавтра – Конфедерация Русь. А Россия, вернее, ее ошметки, пусть останутся тем, кто желает и дальше прозябать в азиатской истории.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Опыт альтернативной историософии

...Не слушая голоса крови родной,

Вы скажете: «Станем к варягам спиной,

Лицом повернемся к обдорам!».

А.К. Толстой

Пожалуй, только для русского народа далекое историческое прошлое столь актуально. Когда-то Иван Солоневич горько сожалел, что русским антикоммунистам не довелось довоевать в гражданскую войну. В действительности, вся наша история, начиная с XIII века – «недовоевана». Ее счета не закрыты. Она взывает к переосмыслению и действию, к великой информационной войне за новые смыслы (собственно, национал-демократический проект – это, прежде всего, выстраивание новой, подлинно русской смысловой парадигмы).

Когда-то Виктор Суворов писал в предисловии к своему «Ледоколу», что этой книгой он выбивает из-под Совка его последний миф – миф о «великой победе», подобно тому, как выбивают табуретку из-под ног приговоренного к повешению. Так вот: пора выбить табуретку мифологем из-под Российского государства, раз и навсегда противопоставив Русь России, русских – империи.

Мой очерк – о нашем XIII столетии. Все наши беды – оттуда. Именно тогда, на пепелище свободной Руси, были заложены основы чудовищной державы, ставшей исторической ловушкой для нас, русских, и в которой мы существуем до сих пор. Это государство-монстр сначала называлось Золотая Орда, потом – Россия, затем – СССР, потом опять – Россия. Оно меняло имена, но не меняло своей сути, всегда оставаясь в отношении русского народа системой Отчуждения и Тягла. Середина рокового XIII столетия – это время Великого Перелома русской исторической судьбы, в сравнении с которым так же именуемая сталинская коллективизация – всего лишь игрушки. И если Сталиным этого первого Великого Перелома был, конечно, Батый, то Кагановичем – Александр Невский.

1. Корень зла

Начать, видимо, надо с основания Москвы. Землями, на которых возник этот город, ранее владел некий Кучко – боярин, новгородский колонист. Он был потомком тех новгородцев, что поселились в этих местах еще до приглашения Рюрика. Но пришел Юрий Долгорукий и начал, по словам историка И. Забелина, «стеснять полное приволье здешних старожилов, особенно богатых земских бояр, из старинных новгородских колонистов». Обычное дело для Москвы: даже ее первые шаги в истории ознаменованы «наездами», закручиванием гаек и борьбой за укрепление «вертикали власти». Очевидно, Юрий Долгорукий, навязывал себя новгородским колонистам в качестве этакой административной «крыши» (понятно, почему его памятник стоит напротив нынешней московской мэрии). Кучко послал Юрия куда подальше и в результате был убит. Его сыновей Долгорукий отослал во Владимир, к своему сыну Андрею, будущему Боголюбскому. Один из них позднее и возглавил успешный заговор против Андрея.

Монархисты часто именуют Андрея Боголюбского первым царем, что неслучайно. Этот сын степнячки (его матерью была половецкая княжна), амбициозный и жестокий, заложил основы будущего самодержавия. По существу, он противопоставил Северо-восточную Русь, Залесье всей остальной Руси, создавая особый культурно-государственный феномен, который позднее получит название Московии. Андрей первым начал московитское «собрание русских земель», подмяв рязанских, муромских, смоленских, кривских, волынских князей. Деталь, ставшая определяющей для позднейшей московской экспансии: взяв в 1169 году Киев, Боголюбский отдал его своей рати на трехдневное разграбление. Это было неслыханно: князья-«междоусобики» не поступали с русскими городами так, как этот «собиратель». Л. Гумилев отмечает, что для Андрея «Киев был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок». Сказано верно, но недостаточно. Чужой для Андрея Боголюбского была вся Русь как таковая: вольная, самобытно-регионалистская, с европейской культурой и вечевым строем. Андрей отстаивал принципиально иную цивилизационную модель, он хотел русскую историю переформатировать в историю российскую. Но время еще не пришло. Живи Боголюбский на шесть десятков лет позже, то обрел бы в этом деле могущественного покровителя – Батю.

Аппетит приходит во время еды. Растоптав Киев, Боголюбский решил взяться за вольный Новгород, которому готовил ту же участь. Огромное войско, состоящее из дружин вассальных князей, повел его сын Мстислав, выжигая села, убивая старых и малых, обращая в рабство женщин и детей. Так были намечены маршрут и стиль будущих захватнических походов Ивана Третьего и Ивана Грозного. Однако у стен Новгорода «низовские» рати были наголову разгромлены. Час торжества московщины еще не пробил – вероятно, и потому, что русские Залесья в те времена еще считали новгородцев своими, не шибко отличаясь от них культурно-политическим ладом. Залесская Русь знала вечевой быт; даже в начале эпохи татарщины, в 1260-х гг., народ во Владимире, в Суздале, в Переяславле, в Ростове Великом, в Ярославле поднимался против ханских баскаков по зову вечевых колоколов. И позже, в 1290 году, жители Ростова, как пишет историк С.М. Соловьев, «встали вечем на татар». Это уже потом залесцы, превращенные в московитов, будут называть новгородцев «вечниками-крамольниками», а само слово «вече» на Москве станет синонимом беззакония и бардака.

В конце концов, Андрей был убит в результате заговора, который инициировал сын боярина Кучки, Иоаким. Тут дело, думаю, не только в личной мести, но и в невозможности отстранить Боголюбского от власти путем демократической процедуры: институт веча, скорее всего, был парализован княжеским самовластьем. Даже монархические историки вынуждены констатировать всенародную радость по поводу смерти Андрея: «казалось, что государство освободилось от тирана».

Началось восстание и всеобщее избиение функционеров ненавистного авторитарного режима. Народ с трудом утихомирили церковники, вероятно, вещавшие, что политику князя исказили негодные чиновники и судьи – один из базовых мифов российской государственности от Боголюбского до Путина.

2. «Дан приказ ему – на Запад...»

Александр Невский – это родовая «реинкарнация» Андрея Боголюбского, который как будто «восстал из склепа». Скорее всего, еще до своего появления в Новгороде Александр понял, что нашествие монголов дает ему уникальный шанс на осуществление заветной цели своего предка: создание изоляционистской автократии.

Александр решил использовать Батю, предложив ему себя в качестве главы коллаборационистского режима на Руси. Он решил поднять под себя вольные русские регионы, опираясь на Орду, сделав ее своей «крышей», гарантией своей диктаторской власти. Все русские – рабы Александра, а он сам – раб хана, вот формула власти Невского.

Но это означало тотальную смену исторической парадигмы. Русь – часть Запада – должна была стать врагом Запада. То есть перестать быть Русью, как хотел еще Боголюбский.

Оправдать столь радикальный поворот к Востоку можно было лишь при помощи мифа о вечной и смертельной угрозе с Запада, пресловутом *Drang nah Osten*. И Александр, пользуясь случаем, приступил к созданию этого базового российского мифа.

Летом 1240 г. шведская флотилия под командованием ярла Биргера вошла в устье Невы. Речь идет о заурядной пограничной «разборке», какими пестрит история средневековой Европы и этого региона в частности: неумные новгородцы, что называется, достали шведов опустошительными набегами в Финляндию – на это прямо указывает Карамзин, очевидно, знакомый с западными хрониками. Разумеется, захватывать Новгород никто не собирался, о чем красноречиво говорит следующее обстоятельство: придя на Неву, шведы встали лагерем в устье Ижоры, после чего прислали в Новгород послов для переговоров. Спрашивается, если они намеревались идти на Новгород, то зачем теряли драгоценное время, давая новгородцам возможность мобилизоваться? Ответ очевиден: шведы и не строили никаких глобальных захватнических планов, а пришли на Неву, чтобы продиктовать новгородцам свои условия решения пограничных вопросов, для чего и прислали в Новгород своих послов.

В вольном городе разгорелась бурная общественная дискуссия о том, как решать проблему: просить помощи у суздальского князя Ярослава? Новгородские граждане идти на это явно не хотели, поскольку хорошо знали нравы «низовских» заглочников. Очень многие, наиболее дальновидные, предлагали согражданам не валять дурака и просто раз и навсегда принять шведское подданство. Западнические настроения в Новгороде, как и в других регионах, преобладали – просто в силу господствовавшей тогда среди русских европейской самоидентификации. Однако нашлись отщепенцы, возможно, инициированные из Суздаля, которые под шумок пригласили в Новгород сына князя Ярослава, Александра. Надо отдать должное его энергии и решительности. Он понял, что может ухватить судьбу «за хвост».

Его «войско» составил маленький суздальский отряд и горстка новгородских добровольцев – уже это показывает, что экспедиция на Неву была в Новгороде непопулярной. Наверняка не так много было и шведов, ибо в противном случае Александр, располагая ничтожными силами, на них просто не пошел бы. Шведы, не

ожидавшие удара, как известно, потерпели поражение; русские потери составили... 20 человек, причем в основном это простые ратники-ополченцы из числа новгородцев. Л. Гумилев пишет, что «шведы были разбиты наголову и ночью бежали на кораблях с места разгрома». Тут далеко не все ясно. Почему шведы бежали лишь ночью? Если они были разбиты, то почему оставались на месте разгрома до ночи, и что при этом делали русские? Говорят, что шведы жали темноты, чтобы под ее покровом уйти восвояси. Карамзин, например, так и пишет: «Темная ночь спасла остатки шведов». Однако многие исследователи задаются вопросом: настолько ли темны ночи в тех широтах в середине июля?

Наконец, сколько было у шведов кораблей? Четких сведений об этом нет ни в летописях, ни в трудах классиков отечественной историографии. Известно лишь, что новгородец Миша «со товарищи» в ходе боя вывел из строя три корабля; кроме того, на три же корабля (по Карамзину – на два), впоследствии «потонувшие», шведы погрузили павших командиров. Разумеется, надо учитывать, что речь идет не о трехмачтовых фрегатах времен Карла XII, а о боевых ладьях вроде норманнских драккаров, средней вместимостью человек 50. В одном популярном художественно-патриотическом описании Невского боя, очевидно, призванном поразить читателя страшной картиной западного «нашествия», говорится о двух десятках шведских ладей. Хорошо, допустим. Получается, пришла примерно тысяча шведов. Но даже в такой версии все эта история не очень-то похожа на попытку завоевать Новгород, и уж тем более – на «крестовый поход против Руси». Судите сами. С.М. Соловьев мимоходом упоминает следующий эпизод, один из множества подобных: в 1292 году шведы пришли на Неву «в числе 800 человек: 400 пошли на корелу, 400 на ижору». Однако никому, в том числе и Соловьеву, не приходит в голову именовать эту рядовую вылазку «крестовым походом», «цивилизационной агрессией Запада» и т.п. Совершенно ясно, что Невский бой – яркий пример того, как достаточно заурядный исторический ФАКТ превращают в знаковое СОБЫТИЕ, в мифологему.

Независимые историки обращают внимание на следующие детали. Летопись сообщает, что в битве пали «воевода шведов Спиридон и епископ их». Во-первых, бросается в глаза имя воеводы, довольно странное для шведа. Кстати, в шведских источниках оно не упоминается. Теперь о епископе. Историки от фюфудьи, кричащие о «крестовом походе», непременно пишут о его участии в экспедиции. Однако известно, что все шведские епископы того времени умерли своей смертью, благополучно пережив события на Неве. Одно из двух: либо упомянутый епископ не погиб, либо его вообще не было на месте предполагаемых событий. Лично я склоняюсь ко второй версии.

Наконец, в шведских источниках нет никаких упоминаний о ранении в лицо, которое якобы нанес ярлу Биргеру Невский «острым своим мечом» (в другом изложении – копьем). Как справедливо отмечают независимые историки, сие странно, поскольку в те суровые времена было принято гордиться шрамами, полученными в бою – это являлось составной частью воинской этики средневековья.

Некоторые исследователи, работающие вне поля российской церковно-государственной мифологии, рисуют такую картину событий. Александр с отрядом прибыл на место событий дня за два до прибытия шведов, которые приплыли максимум на трех кораблях в количестве 150-180 человек. Речь шла об обычном разделе сфер влияния. Летописцы же изложили «эпическую» версию Александра, поддержанную церковниками (надо полагать, что именно они «усилили» рассказ Невского благочестивым «видением» бывшего язычника Пелгусия, имеющим явный миссионерский прицел).

Александр получил почетное прозвище «Невский» – очевидно, при помощи православной церкви, всегда рассматривавшей Запад как опасного религиозного конкурента в борьбе за русскую паству. Вероятно, именно стараниями попов

рядовая военная экспедиция шведов была представлена в дошедшем до нас сказании как крестовый поход «римлян», как называли тогда латинян-католиков. Сами новгородцы никогда не стали бы давать Александру высокие прозвания, поскольку ничего судьбоносного и исторического в Невском бое не видели. Более того: оставаясь западниками, они сразу же после него указали князю Александру «путь чист».

Нева – это лишь первый этап сотворения российского антизападного мифа. Вторым и главным этапом стало пресловутое «Ледовое побоище». Ему предшествовали следующие события.

В Пскове была сильная прогерманская партия, считавшая, что сохранение русской идентичности требует интеграции с Европой. Сильной она, скорее всего, была потому, что опиралась на значительную часть псковичей. Однако не все поддерживали германофилов, как всегда, нашлись и «патриоты». Очевидно, в Псковской республике разгорелся политический кризис по поводу выбора внешнеполитического вектора. На подмогу западникам вместе с князем Ярославом Владимировичем пришли немцы, возможно на основе каких-то договорных соглашений. Это более чем вероятно: военные союзы Пскова с Орденом заключались неоднократно. И неслучайно, что во время Второй мировой войны немецкие власти издавали в Пскове и Новгороде специальные книги, в которых доказывали, что времена наибольшего процветания этих русских земель отмечены их дружбой с немцами и шведами.

Псков открыл немцам ворота и они без боя вошли в город, где стал править некто Твердило Иванович, очевидно, лидер западников. Между тем, немцы начали выяснять отношения с Новгородом: заняли Вотскую пятину, укрепились в Копорье, принялись терроризировать на дорогах новгородских купцов.

Что за этим стояло, сегодня однозначно сказать трудно, возможно – какие-то старые претензии рыцарей к новгородцам по территориальным и торговым вопросам. История взаимоотношений Новгорода с немцами и шведами пестрит и военными конфликтами, и мирными договорами «по старине» – эта формула свидетельствует о том, что добрые отношения Новгорода с западными соседями имеют свою традицию. Именно дружба с Западом, а не конфликты с ним составляла доминанту новгородской внешней политики. В Новгороде издавна были немецкие и готландские торговые дворы, где зарубежные купцы пользовались полной независимостью, вплоть до судебной. Кроме того, эти дворы обладали экстерриториальностью: заходить на них мог только княжеский посол. Наконец, когда в течение XIII века возник славный Ганзейский союз (Hanse), объединивший порядка семидесяти городов Северной Европы, Новгород, наряду с Брюгге, Бергеном и Лондоном, стал одним из его главных опорных пунктов. Более того: именно в Новгороде была учреждена главная контора Ганзы. Как пишет Карамзин, Ганза старалась всячески угождать новгородцам, пресекала злоупотребления, строго следила за качеством привозимых товаров. Очевидно, неслучайно начало упадка Ганзейского союза (конец XV века) совпадает с началом московской оккупации Новгорода, длящейся по сей день – в этом году ее печальный юбилей: 530 лет.

Характерно, что даже такой признанный «руссофоб» как Альфред Розенберг в своей знаменитой книге пишет: «Руины Новгорода и Висби говорят так же громко о нравственной силе, как и ратуши Брюгге, Любека, Бремена». Как видим, Новгород назван первым в ряду славных ганзейских городов. «Нравственная сила», т.е. дух свободы и достоинства – точнее не скажешь. Кстати, в Висби, на острове Готланде, новгородские купцы имели свою церковь.

Наконец, и это надо прямо сказать, что новгородцы, как и их соседи по Балтике, были отнюдь не «голуби мира». Ушкуйники ходили не только на восток и не только в ответном порядке. Их боевые ладьи пересекали и Варяжское море. Но это были, так сказать, исторические будни Северной Европы, отнюдь не нарушавшие ее цивилизационной целостности.

Немцы хотели захватить Новгород? Сильно сомневаюсь в этом. Обратимся к Л. Гумилеву как наиболее яркому представителю антизападной исторической школы. В книге «От Руси к России» (М., 1992), описывая события середины XIII века, он утверждает: «К русским немцы и шведы относились еще более жестоко, нежели к прибалтам. Если, к примеру, захваченных эстов обращали в крепостное состояние, то русских просто убивали, не делая исключения даже для грудных детей». Это сказано на странице 124. А на странице 127 читаем: «Большинство новгородцев твердо придерживалось прозападной ориентации». Где же логика? Запад строит в отношении Руси захватнические планы, более того: грозит тотальным геноцидом русского населения, а новгородцы, тем не менее, стоят за союз с Западом. Причем твердо стоят. «Мы от рода варяжска!» – любили говаривать в Новгороде, подчеркивая свою европейскую идентичность. Что-то тут не вяжется у Л. Гумилева и у патриотической историографии в целом. Похоже, на нее сильно повлияли известные сценки из советского агитфильма «Александр Невский», заточенного на «освободительную» войну с Европой.

Итак, Новгород для решения своих локальных проблем вновь призвал князя Александра и тот в 1241 году взял обратно Копорье. А в 1242 г. впервые поехал в Орду.

В датировке этой поездки историки «плавают». Одни называют 1242 год, другие – 1247-й, третьи – 1251-й. Что называется, выбирай на вкус. Лично мне наиболее вероятной представляется первая дата.

Согласно официальной историографии, Невского позвал Батый. Однако предполагаю, что Александр ждал этого приглашения, зная, что оно обязательно последует. Возможно, что Александр даже инициировал его. Невскому был очень нужен этот визит, чтобы предложить себя Орде в качестве преданного и выгодного коллаборациониста, уже зарекомендовавшего себя как бескомпромиссного антизападника. Визит более чем удался: Александр был привечен, обласкан, его геополитическая и культурно-расовая ориентация нашла полное понимание татар – ведь они сами только что, в 1241 г., дрались с европейскими рыцарями при Лигнице, в Силезии, и были разбиты ими при Оломоуце, в Чехии. Невский стал побратимом ханского сына, царевича Сартака, а значит, приемным сыном Батыя. Очевидно, так хан решил утешить своего верного вассала, только что схоронившего своего настоящего, кровного отца – Ярослава.

3. «Лед тронулся!..»

Теперь, заручившись ордынским «крышеванием», можно было действовать дальше. Как пишет Л. Гумилев, Невский «со своими суздальскими, или, как тогда говорили, «низовскими» дружинами при поддержке новгородцев и псковичей напал на стоявший в Пскове немецкий отряд». Заметим: опять основная часть воинства Александра – суздальцы, а местные, что называется, лишь на подхвате. Новгород явно не хотел увязать в этой ситуации. Зато Невский был кровно заинтересован в эскалации конфликта, в раздувании его «исторического значения».

Итак, Александр выбил немцев из Пскова, сверг западническую администрацию, а затем вторгся в Чудскую землю – во владения Ордена. Кстати, этот момент в упомянутом фильме С. Эйзенштейна выделен особо: лента, появившаяся в прокате в 1941 году, снималась года за три до этого, во времена, когда гремел сталинский

лозунг «Бить врага на его территории!». Советский писатель К. Симонов излагал его поэтически: «Под Кенигсбергом на рассвете мы будем ранены вдвоем...». Написано, заметим, еще в 1938 году. Об этой доктрине «активной обороны» много и хорошо рассказывает в своих книгах Виктор Суворов. В фильме Невский в исполнении артиста Черкасова зычно произносит: «Не можешь биться на чужой земле – нечего тебе делать и на Отчине! На чужой будем биться!».

Александр вошел в «логово фашистского зверя» – в Ливонию и, как рассказывает летопись, «распустил все свои полки за добычей». И тут начинаются сплошные загадки. По С.М. Соловьеву, ливонцы встретили один из русских отрядов и разбили его; «когда беглецы принесли Александру весть об этом поражении, то он отступил к Псковскому озеру и стал дожидаться неприятеля на льду его, который был еще крепок 5 апреля». Л. Гумилев рисует совсем другую схему военных действий: «Освободив Псков, он (Невский) двинулся на главные силы ливонцев, которые отступали, минуя Чудское озеро. На западном берегу озера, у Вороньего камня, немцам пришлось принять бой».

Так что же было на самом деле? Наступали немцы или отступали? Где произошел бой? На Псковском озере или на Чудском? Вообще-то это разные водоемы, хотя и соединяющиеся посредством Теплого озера. Наконец, на каком берегу Чудского озера находится Вороний камень? Например, в книге «Мир истории. Русские земли в XIII-XV веках» (М., 1986), одним из соавторов которой является известный советский историк И. Греков, помещена схема Ледового побоища, согласно которой Вороний камень находится на восточном берегу, а не на западном, как утверждает Л. Гумилев. На западном берегу находится Узмень – согласно названной схеме, «другое предполагаемое место побоища».

Итак, не очень понятно, ГДЕ произошло «Ледовое побоище». Столь же неясно, КАК оно происходило. В принципе, все официозные историки рисуют следующую картину. Рыцари, построившись клином («свиньей»), ударили в центр русского войска, состоявший из полка пешего строя, и проломили его. Когда немцы уже достаточно углубились в русский тыл, их атаковала с флангов русская конница. Таким образом, ливонцы угодили в клещи. А тут еще, как пишут, под ними и лед треснул.

Насколько правдоподобна эта картина? Впору задаться вопросом: а был ли мальчик? И если был, то, может быть, какой-то совсем другой? Что заставило немцев, построившись плотной конной массой, броситься, очертя голову, по весеннему льду на русский пеший центр, забыв о его конном прикрытии на флангах – сказать очень трудно. Тут даже иные патриотические историки выражают недоумение, сводя все, в конечном счете, к «гениальности» Александра Невского, как-то побудившего ливонцев к таким действиям.

А, может быть, секрет его «гениальности» – в только что состоявшемся визите в Орду, где он прошел ускоренный курс татарского военного искусства? Может быть, не было никакого конного удара с флангов, а был конный удар с тыла, удар засадного конного полка – коронный прием татарской тактики, позднее примененный против татар же на Куликовом поле? Косвенно это подтверждает С.М. Соловьев: «Немцы и чудь пробилась свиньей (острою колонною) сквозь русские полки и погнала уже бегущих, как Александр обогнал врагов с тыла и решил дело в свою пользу...». Невольно задаешься вопросом: а уж не из татар ли и состоял этот засадный полк?

Предположение сие не выглядит фантастическим, если вспомнить, что еще задолго до монголов иные из русских князей для решения своих политических проблем приводили на Русь половцев и печенегов. Так же действовал и Александр Невский, когда десятилетие спустя после Ледового побоища, в 1252 году, навел Неврюеву

рать на своего брата-западника Андрея. Вполне возможно, что он сам шел с этой ратью. Почему же не предположить, что уже из своей первой поездки в Орду Александр вернулся вместе с татарским конным полком?

Косвенно в пользу версии о татарском участии в «Ледовом побоище» говорит такой эпизод. Через шесть лет после смерти Александра Невского, в 1268 г., новгородцы не от шибко большого ума решили захватить датскую крепость Раковор (теперь это Раквере недалеко от Таллинна). Как пишет С.М. Соловьев, «вошли они в Немецкую землю и начали опустошать ее, по обычаю». Им Орда в спину дышит, а они на пустом месте устраивают свару с естественными союзниками! В Раковорской битве новгородцы разбили объединенное войско немцев и датчан. Те решили устроить ответный поход и уже собирались переходить границу – реку Нарову. В Новгороде собрались соединенные «низовские» отряды, среди которых был татарский конный отряд в 500 сабель под командованием владимирского баскака Амрагана. Немцы предпочли заключить мир, ибо, как пишет летописец, «зело бо бояхуся имени татарского». Вряд ли немцы боялись татар, хоть и помнили, конечно, Лигницу. Думаю, что немцев остановило, прежде всего, опасение подтолкнуть Новгород к Орде.

Также известно, например, что в 1275 году некие русские князья «ходили на Литву вместе с татарами и возвратились с большою добычею». Почему бы Александру Невскому было не пойти вместе с татарами против немцев в 1242-м?

И он, разумеется, пошел! К нашему счастью, сохранились западные источники, которые подтверждают это однозначно. Германский хронист Рейнгольд Гейденштейн пишет, что Псков «был взят немцами, как гласит предание, около 6750 (1242) года. Однако немного спустя после того Александр Ярославич из рода Мономахова возвратил свободу городу; будучи отправлен ханом татарским Батыем и получивши в подмогу татарские вспомогательные войска, он победил в сражении ливонцев и затем по договору возвратил город». Совершенно очевидно, что речь идет о «Ледовом побоище».

Вот только ледовым ли оно было? Согласно немецким хроникам, бой происходил не на льду, а на твердой земле. Вполне вероятно, что красочную историю про тевтонов, тонущих в студеной воде Чудского озера, поведал летописцам неиссякаемый Невский. Кстати, она подозрительно напоминает один исторический эпизод в духе средневековой «войны крепостей»: «В 1234 году князь Ярослав (отец Невского – А.Ш.) со своими полками и новгородскими выступил на немцев под Юрьев и стал недалеко от города, отпустив людей своих воевать окрестную страну для сбора съестных припасов, что называлось тогда «воевать в зажитие». Немцы сделали вылазку из Юрьева, другие из Оденпе, но русские побиили их; несколько лучших немцев пало в битве, но больше погибло их в реке, когда под ними обломился лед; русские, воспользовавшись победою, опустошили их землю, истребили хлеб...» (Соловьев). Напрашивается предположение, что именно эта история, очевидно, произведшая на Александра сильное впечатление, стала «инспирирующим источником» для его басен о «Ледовом побоище». Вряд ли немцы были настолько бестолковы, чтобы регулярно проваливаться под лед в ходе военных действий.

Можно лишь догадываться, насколько мифологизированы интересующие нас события на ливонских рубежах. Взять хотя бы вопрос о потерях Ордена в «Ледовом побоище». Он немаловажен, поскольку может дать представление об истинном масштабе столкновения. Историки, ссылаясь на Софийскую летопись, пишут, что немцы потеряли 500 человек убитыми, 50 рыцарей попали в плен. Некоторые, тот же И. Греков, утверждают: не просто 500 человек, а 500 рыцарей; отсюда делается вывод, что в сражении, якобы, участвовало раза в три-четыре больше. То есть получается, Орден выдвинул против Невского как минимум две тысячи рыцарей!

Этим историкам-фантастам хорошо бы знать, что подобные массы рыцарской конницы – явление исключительное. Вряд ли «Ледовое побоище» хоть в какой-то мере сопоставимо с грандиозной битвой при Грюнвальде (1410), где на стороне Верховного магистра тевтонов выступили около 3000 рыцарей, большую часть которых составили рыцари-миряне из разных стран Европы (тевтонов как таковых там было не более 250). Даже Л. Гумилев, завзятый апологет Невского, признает, что в «Ледовом побоище» участвовало от силы несколько десятков рыцарей, разумеется, не считая обычных воинов; соответственно, и собственно рыцарские потери были совсем иными. Здравомыслящие историки указывают, что 500 рыцарей, якобы павших на Чудском озере – это абсолютный миф, поскольку такого количества рыцарей не было во всем Ордене. Согласно немецким источникам, Орден потерял 20 братьев убитыми и 6 – пленными.

Так называемое «Ледовое побоище» – это заурядная феодальная распря регионального значения; показательно, что ливонский магистр в ней вообще не участвовал. Не думаю, что «Ледовое побоище» по масштабу и значению превосходит ту же Раковорскую битву, которую историки никогда не относили к разряду «эпохальных» и «исторических».

Раздуть миф о «Ледовом побоище» было выгодно Александру Невскому с его идеей «поворота к Востоку», а также православным церковникам, выступавшим за противостояние с «латинянами». Возможно, что именно люди в рясах и повлияли на записи в Софийской летописи о ливонских потерях. Не исключено, что сыграл свою роль и своеобразный новгородский гонор летописца или то обстоятельство, что запись велась со слов участников боя, а они, естественно, были склонны преувеличивать масштаб события. Вообще о том, можно безоговорочно доверять летописным сообщениям, говорит хотя бы такой штрих: согласно «Симеоновской летописи» во главе невской экспедиции шведов 1240 года якобы стоял сам король (в действительности, как мы знаем, ее возглавлял ярл Биргер, зять короля).

Основная часть новгородцев совсем не склонна была потакать далеко идущим планам Александра Невского, хорошо понимая, что он втягивает Новгород в историческое противостояние с Западом, точнее, стремится отколоть от Запада Новгород и Русь в целом. Характерно, что сразу же после «Ледового побоища» вече в очередной раз указало триумфатору «путь чист». Но он еще вернется на Волхов – в качестве ордынского карателя-садиста.

4. Брат Андрей. Залесско-Галицкий союз

Замыслы Невского отлично понял его родной брат Андрей, княживший во Владимире. И он решил противопоставить им свой, национально-освободительный план. Как пишет Л. Гумилев, Андрей «был западником и объявил, что он заключает союз со шведами, ливонцами и поляками с целью избавиться от монголов». Побывав с братом в ханской ставке в 1242 г., а затем – в пресловутом «Ледовом побоище», он хорошо разобрался, кто действительно угрожает самому существованию Руси.

Андрея поддерживало абсолютное большинство населения Залесья и окрестных русских земель, большая часть князей и бояр, имевших родовые, культурные и политические связи с Западом. Его же брат Александр опирался на татар и церковь.

У Андрея был сильный союзник в Юго-западной Руси – князь Даниил Галицкий, пытавшийся инициировать крестовый поход Европы против татар. В 1249 г. он отстаивал свои права на Галич, геройски разбив политических соперников. Но уже в следующем, 1250 году, ему, победителю, пришлось ехать в Орду, ультимативно потребовавшей от него вассалитета. Татары с их кичливостью, коварством, неопрятностью произвели на Даниила крайне тяжелое впечатление. Неизгладимый осадок оставили в нем и те изощренные психологические экзекуции, которым он

подвергся в ханской ставке – ведь он был героем битвы на Калке. Батый встретил его с показным азиатским радушием: «Данило! Зачем так долго не приходил? Но все хорошо, что теперь пришел. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?» Тот ответил: «До сих пор не пил, но теперь, если велишь, буду пить». Хан продолжал: «Ты уже наш, татарин, пей наше питье!». Батый явно глумился над европейским достоинством Галицкого. Даниил выпил, поклонился, а затем хан «великодушно» позволил пить князю вино.

Судя по всему, подобное поведение ханов было нормой. Н.М. Карамзин рассказывает, что однажды в ханскую ставку приехали брат и жена одного русского князя, зарезанного по приказу Батыя. Они просили деспота не отнимать у них княжения. Батый согласился, но при этом принудил деверя к половому совокуплению с невесткой – «по обычаю монголов». Этот эпизод – знаковый. Это символ того, чем была для Руси татарщина.

Вернувшись спустя месяц в Галич, Даниил вступил на путь открытого противостояния с Ордой. Он хорошо помнил, что «великий западный поход» Батыя был остановлен рыцарским войском чешского короля Вацлава при Оломоуце, после чего татары повернули к Адриатике, а потом и обратно, на восток. Даниил, как и его союзник Андрей, был убежден, что Степи вполне можно противостоять силой европейского оружия. Поэтому укрепляет политические связи с Европой, его сын женится на дочери венгерского короля. Галицко-волынское княжество становится субъектом европейской политики. А главное – князь устанавливает отношения с папой Иннокентием IV, прекрасно понимая, что без благословения Рима крестовый поход Запада против Орды невозможен. Даниил поставил вопрос о соединении церквей. Папа отозвался с радостью. Завязалась активная переписка. В Галич прибыл доминиканский монах Алексей; архиепископ прусский и эстонский принял легатство над Юго-западной Русью. Русскому духовенству дозволялось служить на закованных просфорах, никто из крестоносцев и римского клира не мог приобретать имений в Галицкой земле без санкции князя. По существу, речь шла не о насаждении католичества как таковом, а об уни.

Очевидно тогда же возникла «ось» Залесье-Галиция. В 1251 году Андрей женился на дочери Даниила, еще более скрепив с ним антиордынский союз. В том же году в Новгороде, где в это время сидел Александр, появились послы от папы Иннокентия IV, предложившие Невскому военную помощь рыцарских Орденов при условии обращения в католичество (предполагают, что их появлению в Новгороде способствовал князь Даниил). Папские послы убеждали Невского, что его отец, Ярослав, незадолго до смерти обещал легату Плано Карпини принять католицизм (скорее всего, речь шла опять-таки об уни). Это было уже не первое предложение Рима такого рода. Сразу после нашествия Батыя папа Григорий IX разослал письма ко всем русским князьям с призывом обратиться в католичество, чтобы затем принять военную помощь Европы. Судя по Даниилу Галицкому и князю Ярославу, призыв Рима был не бесперспективным. Возможно, среди русской элиты крепло понимание, что религиозный разрыв с Западом роковым образом повлиял на историческую судьбу Руси как части Европы.

Но для Александра Невского папские предложения были, разумеется, абсолютно неприемлемы. У него относительно Руси были совсем другие планы. Выслушав римских послов, узнав, что брат Андрей сочетался браком с дочерью князя Даниила, Невский прекрасно понял, с чем имеет дело. И решил действовать без разбора в средствах и методах.

В 1252 г. Невский едет в Орду, к сыну Батыя, Сартаку, с которым сумел подружиться еще десять лет назад. Он «стучит» царевичу на своего брата: дескать, Андрей отнял у него, Александра, великое владимирское княжение, а главное не выполняет вассальных обязательств перед Ордой. Более того: судя по реакции ханской ставки,

Невский доложил татарам о возникновении на Руси западной антиордынской коалиции, рассчитывающей на помощь европейского рыцарства. Он объяснил татарам, что надо срочно, массированным ударом нейтрализовать одного из субъектов этого союза. Невский предложил ударить по Залесью, поскольку имел свои виды на этот край. Туда и двинулась карательная экспедиция, известная как Неврюева рать.

Узнав об этом, Андрей произнес известную фразу: «Что это, Господи! Покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им».

Андрей со своими дружинами, состоявшими из владимирцев, суздальцев и союзников-тверичей, встретил татар на Клязьме. Там, как пишет летописец, произошла «сеча велика» – уверен, что на это раз летопись не преувеличивает. Татары одолели. Переяславль Залесский был захвачен, его жители пленены. Как утверждают историки, Неврюева рать оказалась для Залесской Руси страшнее первого нашествия Батыя. Это красноречиво говорит о том, насколько серьезно они оценили стратегический союз Залесья и Галиции. Как видим, нас, «москалей», с «западэнцами» связывает нечто гораздо большее, чем это можно себе представить.

Князь Андрей был вынужден бежать. Куда? Конечно же, в Новгород, до Галича было далече. Но на Волхове, видимо опасаясь ордынского гнева, ему отказали в политическом убежище. Пришлось ехать еще западнее – за море, в Швецию. Здесь Андрея встретили радушно, как тогда говорили, «с честью». Никто иной, как ярл Биргер предоставил Андрею кров! Сведения о дальнейшей судьбе князя противоречивы. Одни историки утверждают, что Андрей потом вернулся на Русь и помирился с Александром; тот, дескать, помирил его с ханом и посадил княжить в Суздале. Эта версия представляется мне маловероятной: ханы запросто резали русских князей за гораздо меньшие провинности перед Ордой. Согласно другим источникам, брат Невского умер в Швеции «при невыясненных обстоятельствах». Вот это вероятнее всего. Допускаю, что традиция «руки Москвы», т.е. устранения политических противников за рубежом, прежде всего бывших соотечественников, восходит именно к смерти князя Андрея Ярославича.

Даниил Галицкий остался в одиночестве. Вся конструкция смелого, масштабного союза была разрушена. Оставалось смириться и пить кумыс или продолжить борьбу, рассчитывая на себя и на Запад. Доблестный князь выбрал второе, взяв политический курс на интеграцию Галицкой Руси в Европу в качестве самостоятельного государства.

Рим по-прежнему поддерживал Даниила. Дошло даже до папских проклятий в адрес хулителей православия и обещаний созвать объединительный церковный собор. В 1253 г. папа призвал христиан Богемии, Моравии, Сербии и Померании к крестовому походу против татар. Увы, никто не откликнулся. В 1254 г. папа обратился с таким же призывом к христианам Ливонии, Эстонии и Пруссии. И снова – в ответ тишина.

Очевидно, сыграло свою роль следующее обстоятельство. Почти двухвековая эпопея крестовых походов была на излете. Последние четыре похода уже не носили общеевропейского характера и почти не имели военного успеха. Упомянутые призывы папы совпали с предпоследним, седьмым крестовым походом (1248-1254), который осуществлялся силами французского короля Людовика IX – он наступал на Египет, потерпел поражение, попал в плен и заплатил большой выкуп за свое освобождение. Романтическая экзальтация и напряжение эпохи первых крестовых походов прошли, сменившись понятным психологическим «откатом». Ясное понимание цивилизационного противостояния с Востоком уступило место некоторой усталости и прагматизму.

А главное, западные политики просто не верили, что после крушения залесско-галицкого альянса военные действия против Орды хоть в какой-то мере перспективны. И, наверное, они были правы. Александр Невский украл у русских уникальный исторический шанс.

Даниил завис в политическом вакууме. Чтобы как-то поддержать князя, Рим в 1254 г. предложил ему королевскую корону. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?» – был ответ из Галича. Подумав, в 1255 г. Даниил короновался в Дрогичине. Так появился первый и пока единственный в истории русский король.

Даниил решил действовать в одиночку, ничего другого ему не оставалось. Два года он готовился. В 1257 г. из галицких и волынских городов были изгнаны баскаки и татарские гарнизоны. В 1259 г. король Галицкий отразил поход баскака Куремсы, который сказал коротко и ясно: «Даниил страшен!». Король уже шел на Киев, но его остановили сведения о враждебных действиях литовцев.

Вероятно, Даниил рассчитывал, что его военные успехи инициируют военную помощь с Запада, а сам он успеет укрепиться. Но уже в 1260 г. на границах королевства появился тысячник Бурундай с большой ратью. Он выдвинул ультиматум: если Даниил не хочет получить вторую Неврюеву рать, пусть вместе с татарами идет войной на Литву. По сути, Бурундай потребовал, чтобы Даниил выплатил ему дань в виде «живой силы». Королю пришлось послать в поход с Бурундаем своего брата Василька.

Наступило время заката русского короля Даниила. В 1261 г. Бурундай потребовал разметать стены городов королевства – степняки боялись крепостей и вообще не любили и не понимали сам феномен города. Ультиматум был выполнен, удалось отстоять только любимый город Даниила – Холм.

В 1264 г. Даниил умер. Ему еще не было и шестидесяти; видимо, сказались горести и невероятное напряжение последних лет. Окончилась великая жизнь, в которой была и Калка, и большая европейская политика, и ханский кумыс, и королевская корона.

Только поняв Даниила Галицкого, можно понять феномен дивизии «Галичина». Только поняв князя Андрея Ярославича, можно понять генерала Андрея Власова.

5. Немного о попах

Нельзя снова не затронуть религиозный аспект западнического проекта. Судя по всему, православное духовенство Галицкой Руси, по крайней мере в значительной своей части, было готово признать духовную власть Рима. Так, например, митрополит Кирилл был доверенным лицом своего князя: в 1250 году он посетил Залесье, положив тем самым начало военно-политическому союзу двух князей. Именно он в следующем году, во Владимире, обвенчал Андрея Ярославича с дочерью Даниила, а затем поехал в Новгород, подгадав свой приезд к известному визиту папских послов. Известно, что в ответ на призывы Плано Карпини обратиться к Римской церкви, волынские епископы не сказали твердое «нет», а лишь уклонились от немедленного решения, сославшись на отсутствие князя Даниила. Понятно, что это уже был путь к Брестской унии 1596 г. и к созданию греко-католической церкви – последовательно антимосковской, а позднее и непримиримо антисоветской.

Совсем другими были настроения церковников на Северо-востоке. В политических целях татары всячески подчеркивали свою лояльность к чужим религиям. Так, например, хан содержал на своем иждивении православных священников, служивших в церкви, расположенной перед его юртой. Христиане были и в ханской семье. Говорят, Невский обратил в православие царевича Сартака, и подобных

случаев много. Например, оба сына хана Кульпы были христианами. В ханской ставке царил полный экуменизм: один западный путешественник описывает, как перед ханом Мангу по очереди служили сперва несторианские священники, потом муллы, а затем языческие жрецы. Потом, по ходатайству Невского этот Мангу (Мэнгу-Тимур) содействовал открытию в Сарае подворья православного епископа. Так появилась Сарская епархия, ставшая мощным рычагом ордынской политики в отношении русских земель. Наконец, и это главное, согласно уставу Чингисхана и Октяя служители всех религий освобождались от дани.

Как говорится, что еще нужно для счастья? Взгляните на нынешних прикормленных властью батюшек – это точное подобие их коллег из далекого XIII века. РПЦ в полной сохранности донесла до нас психотип своих служителей из тех времен, когда он был сформирован. Это психотип паразита на теле собственного народа. Психотип прислужника и предателя.

У них все есть при Путине, все было и при татарах. Зачем им какая-то уния с Римом? Да, она сохранила бы их церковные кормушки, но привела бы на Русь западных рыцарей для войны с татарами. А это – риск. Если татары одолеют, то не только кормушек, но и голов можно лишиться. Тогдашняя РПЦ крепко помнила, что Ярослав, отец Невского, был отравлен в Орде сразу же, как только вознамерился вступить в союз с папой Иннокентием IV (об этом пишет Плано Карпини, лично знавший Ярослава). Нет уж, от добра добра не ищут, и так все слава богу: службы идут, колокола поют, денежки звенят, пузо растет. А народ – ему терпеть положено. Иди-ка ты, княже Андрей, со своими опасными планами, не благословляем...

Как мы еще увидим, Орда в полной мере оценила этот выбор.

6. Как стать святым

После ликвидации залесско-галицкого военно-политического союза, Орда взялась за Русь по-настоящему. Татары решили провести общерусскую перепись в целях регулярного взимания дани, которая, по мнению ряда историков, шла как плата Невского татарам «за военную помощь в борьбе с крестоносцами». Это объясняет столь активное, я бы даже сказал, ревностное участие Александра в проведении переписи. Напомним, что папские призывы к борьбе с татарами прозвучали в 1253-54 гг., а уже через год Орда провела масштабную перепись, очевидно, продолжая считать европейский крестовый поход против Орды вероятным.

Это была не первая ордынская перепись. Сразу после нашествия 1237 года ханы Куюк и Батый прислали на Русь некоего сарацина, «который у каждого отца семейства, имевшего трех сыновей, брал одного, захватил всех неженатых мужчин и женщин, не имевших законных мужей, также всех нищих, остальных же перечислил (т.е. переписал) по обычаю татарскому; каждый человек мужского пола, какого бы возраста и состояния ни был, обязан был платить по меху медвежью, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не мог заплатить, того уводили в рабство».

Новая татарская перепись отличалась от первой системностью и охватом. На этот раз Орда решила «перечислить» и вольный Новгород.

К тому времени Батый уже умер, а его сын Сартак был отравлен своим дядей, братом Батыя – Берке (обычные методы азиатской политики). Однако Невский нашел общий язык и с отравителем своего побратима. Л. Гумилев открыто признает, что Невский договорился с новым ханом «об уплате дани монголам в обмен на военную помощь против литовцев и немцев». В 1255 году Берке начал перепись в Залесье, а также в Рязанской и Муромских землях. Как сообщает Суздальская летопись, «приехали численники, сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили

десятников, сотников, тысячников и темников». От переписи, по понятным причинам, была избавлена только РПЦ: «игумены, монахи, попы, клирошане».

Залесье заволновалось, восстал Новгород, указавший «путь чист» сыну Невского, Василию. Невский, примерявший на себя функции главы колониальной администрации, привел к Новгороду свои владимирские и суздальские части. Новгородцы, зная, что за Александром стоит Орда, после трехдневного противостояния уступили. Невский сменил неугодного посадника и поставил свою марионетку – некоего Михалку Степановича.

В 1257 году Новгород поднялся снова: дошли слухи, что на Волхов едут ордынские бюрократы-переписчики. Михалка Степанович был убит возмущенным народом, на сторону которого встал сын Александра, князь Василий. Узнав об этом, Невский взял ханских чиновников под свою охрану. Так, вместе с «низовскими» частями, они и вошли в Новгород. Начался террор. Наконец-то Невский мог выразить все свои чувства к ненавистным новгородским западникам. Одни участники восстания были просто казнены, другим, по приказу Александра, резали носы и уши, кололи глаза, как тогда говорили, «вынимали очи». Вы только представьте себе эту процедуру, наверняка повергшую в шок вольный европейский город. Вряд ли она описана в «Житии святого благоверного князя Александра Невского». Через 214 лет, одолев новгородцев у Коростыня, ратники Ивана Третьего (прямого потомка Невского в седьмом поколении) будут резать пленным носы и губы, продолжая дело «святого и благоверного».

Ханские чиновники наверняка были довольны рвением Александра, но провести перепись им на этот раз не удалось. Новгород не смирялся. Очевидно, сопротивление было столь сильным, что следующая попытка «перечисления» предпринята лишь в 1259 г. Но опять, когда зимой того года «приехал Александр и с ним окаянные татары-сыроядцы с женами», в Новгороде вспыхнуло восстание. Перепуганные татары требовали у Невского охраны, и тот организовал ее из своих местных приспешников. В конце концов, новгородцы раскололись, и верх взяли примиренцы – память о чудовищной по жестокости расправе была свежа. «И начали ездить окаянные татары по улицам, переписывая дома христианские».

Но борьба новгородцев за свободу была не напрасной. В Новгороде, хоть он и платил «выход» Орде, никогда не было института баскаков, который на остальных русских землях просуществовал до 1270-х годов, когда колониальное управление и сбор дани были спущены на русских князей, среди которых особым рвением отличились потомки Александра Невского.

В Залесье тем временем установился ордынский гнет в режиме беспредела. Здесь хозяйничала азиатская «этномафия» из бесерменов, хивинцев и харазцев, откупившая у татар дань с русских земель. Откупщики заламывали огромные проценты, а в случае неуплаты продавали должников в рабство. Наконец в 1262 г. регион превратился в одну сплошную «Кондопогу»: с гулом вечевых колоколов восстали Владимир, Ростов, Суздаль, Переяславль Залесский, Ярославль (здесь народ растерзал некоего Зосиму, бывшего монаха, принявшего ислам, и ставшего правой рукой местного баскака).

Невский в очередной раз поехал в Орду – согласно классикам историографии, «чтобы отмолить людей от беды», т.е. отвести татарских карателей. Не очень понятно, с чего бы это Александр, только что коловший глаза новгородцам, стал таким добрым. Скорее всего, Невский просто торопился оправдаться перед ханом Берке. Но главная цель визита была не в этом. Ведь как ни парадоксально, залесское восстание в чем-то сработало на осуществление планов Александра. Теперь он мог убедительно доказать хану, что прямое ордынское управление на Руси неэффективно, поскольку провоцирует население своим откровенно оккупационным

характером. Невский предложил хану себя в качестве баскака, который собирал бы дань со своего народа, опираясь на церковь, дружину, а при необходимости – на сабли ордынской метрополии. И, думаю, хан согласился, тем самым наметив всю дальнейшую политику Орды в отношении русских колоний.

Политическую линию Невского емко сформулировал Л. Гумилев: получение от монголов военной помощи для противостояния с Западом и подавления внутренней русской оппозиции. То есть для создания режима своей личной диктатуры. Потомки Александра Невского последуют его заветам, превратив Московское княжество в оккупационную татарскую комендатуру, которая со временем, по мере усиления Москвы и ослабления Сарая, превратится в новую, православную версию ханской ставки, унаследовав империю монголов. В этом и состоял план Александра Невского.

В ходе этой встречи в Орде обсуждались и другие важные вопросы. Невскому на сей раз удалось уклониться от обычной уплаты дани в виде «пушечного мяса», чего поначалу требовал хан, ведший тогда войну с персами (к тому времени русские уже ходили в составе ордынской рати на аланов; позднее, в 1277 году татары, по словам Соловьева, «водили русских князей» на Литву, а в 1287 году – на поляков). Скорее всего, хан решил, что дружины Невского сейчас нужнее на Руси, еще не остывшей от антитатарских восстаний.

К тому же Александр вел активную подготовку к войне против Ливонского ордена, которая была им задумана совместно с литовским князем Миндовгом – деятелем беспринципным, вероломным и жестоким. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека; Невский, похоже, нашел родственную душу. Конечно, союз с Миндовгом был заключен с санкции ханской ставки; с ее же одобрения Невский разрабатывал и планы войны с Ливонией, предвосхищая Ивана Грозного, спустя триста лет бросившего на нее своих служилых татар под командованием Шиг-Алея. Короля Даниила можно было уже не опасаться: его города к тому времени стояли без крепостных стен. Возможно, что за планами ливонской кампании крылись более масштабные замыслы татар, которые еще при Батые стремились дойти до «последнего моря». Таким образом, теперь Александру Невскому предстояло трансформироваться из ханского Кагановича в ханского Жукова.

Но судьба распорядилась иначе. В 1263 г., возвращаясь из Орды, Невский занемог и умер. Его смерть породила множество версий. Одни говорят, что Александр, подобно его отцу, Ярославу, был отравлен ханом, боявшимся его усиления. Это маловероятно, поскольку хан явно ценил Невского как коллаборациониста. Другие утверждают, что он умер от стресса. Может быть. Третьи говорят, что Невский был отравлен не ханом, с которым имел отношения вполне дружеские, а кем-то из его окружения. Тоже может быть: сложные интриги при восточном дворе вещь обычная. Наконец, четвертая версия: Невского отравили «сторонники немцев», западники, возможно, из новгородцев, мстивших ему за резню. В качестве косвенного доказательства приводится тот факт, что вскоре после Александра умер и Миндовг. Что тут можно сказать? Яд, конечно, не самый арийский способ борьбы с политическими противниками. Но невозможно осудить этих «масонов», зная, чем обернулся план Невского для русского народа и всей европейской цивилизации.

Примерно через сто лет РПЦ канонизировала Александра Невского. Думаю, она сделала бы это и раньше, но в народе еще была слишком свежа память о подлинном, историческом Александре и его совсем не житийных деяниях. Сама же РПЦ в те времена переживала один из самых благоприятных периодов своей истории. Орда вполне оценила антиевропейскую позицию «русской» церкви. У Карамзина читаем: «Владения церковные, свободные от налогов ордынских и княжеских, благоденствовали; сверх украшения храмов и продовольствия епископов, монахов, оставалось еще немало доходов на покупку новых имуществ. Новгородские святители употребляли Софийскую казну в пользу государственную; но митрополиты

наши не следовали сему достохвальному примеру. Народ жаловался на скудость: иноки богатели».

Начиная с 1267 г., ханы давали «ярлыки», по которым «за оскорбление церковей, хуление веры, уничтожение церковного имущества полагалась смертная казнь». РПЦ пользовалась экстерриториальностью от ханской и княжеской власти, имела свой суд; все, принадлежавшие к церкви, были свободны от ханских мобилизаций. РПЦ платила за это верностью. Даже знаменитое благословение Сергия Радонежского на выступление против Мамаю в 1380 г. было, в действительности, верноподданническим актом: Мамай являлся не ханом, а узурпатором; законным ханом тогда был Тохтамыш. Таким образом, идя войной на Мамаю, Москва действовала как законопослушный улус Орды (кстати, именно так и именовала себя Москва, обращаясь к ордынским «царям»; «верными царскими улусниками» называли себя московские правители вплоть до стояния на Угре в 1480 г.). Сожжение Москвы Тохтамышем в 1382 году было вызвано, разумеется, не жадной мести за Куликовскую битву, а стремлением пресечь неуклонное превращение «белокаменной» в новый ордынский центр, каковым она и стала к концу XV века.

7. От Орды – к России

В результате катаклизмов XIII столетия большая часть русских оказалась, по существу, в другой стране. Татарщина – это, прежде всего, культурная, ценностная катастрофа, крушение смыслов. Карамзин пишет: «Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и гражданских прав, стеснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь к Орде, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелевали именем царя верховного. Свершилось при моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевого колокол... Города лишились права избирать тысяцких, которые важностью и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в княжеских чиновниках, но и в князьях».

Между бывшей Русью и Западом опустился железный занавес. Монгольская империя, поглотившая русские земли, подобно сталинскому СССР нависла над Европой с востока. Контакты с Западом были почти прекращены и в европейских хрониках той эпохи исчезают всякие упоминания о Руси, которая в домонгольский период была частью Европы, тесной связанной с ней политическими, культурными, экономическими и династическими узами. Западничество стало крамолой. Например, среди обвинений, предъявленных в Орде известному князю Михаилу Тверскому, было и такое: «Хотел бежать к немцам с казною и казну в Рим с папой отпустил». Формулировка предвосхищает обвинительные речи Вышинского. Сын Михаила, князь Александр был вынужден бежать в Литву после тверского антитатарского восстания 1327 года, прожил в эмиграции десять лет, вернулся, был помилован ханом, «восстановлен в должности», но уже через два года его вызвали в Орду и все-таки убили как литовского агента. Вот когда набрасывались эскизы будущих переменчивых судеб сталинских наркомов и маршалов!

Характерно, что огромную, если не ключевую роль в вышеназванных «судебных процессах» сыграли прямые потомки Александра Невского, его внуки: московские князья, братья Юрий Данилович и Иван Данилович, известный как Калита. Зверское убийство Михаила Тверского в Орде было совершено под непосредственным руководством Юрия Даниловича, за что он вскоре и поплатился, пав от руки одного из сыновей князя Михаила – Дмитрия Грозные Очи. Севший затем на Москве Иван Данилович вместе с татарами громил в 1327 году восставшую Тверь, а спустя двенадцать лет решил судьбу сына Михаила Тверского, Александра, состряпав донос в Орду о его связях с Западом – историческая участь Твери, начавшей к тому времени опасное для татар сближение с Новгородом, была решена. С этого момента

и пошло, как пишут историки, «выдвижение Ивана Калиты в общерусского деятеля» и, соответственно, возвышение Москвы, которая, благодаря своей последовательной антизападной позиции, стала пользоваться полным доверием ханов. В 1332 году Иван Калита осуществил один из ключевых пунктов плана своего деда: вместе с «княжением великим надо всю Русью землю», он получил право сбора ордынской дани на всей Северо-восточной Руси. Естественно, часть этих сборов прилипаала к рукам Москвы, которая пускала их на свое усиление и скупку новых земель.

Ради того, чтобы возвыситься над другими русскими регионами, Москва не брезговала ничем – ни грубым насилием, ни взяткой. В последнем отличился знаменитый митрополит Алексей (? – 1378), классический представитель РПЦ, который, как деликатно пишет Л. Гумилев, «сумел в обмен на финансовую поддержку получить ханскую грамоту, удостоверяющую, что великое княжение является наследственным правом московских князей из династии Ивана Калиты. Таким образом, политическая традиция Киевской Руси была отменена окончательно. Ей на смену пришел абсолютно новый принцип наследственной, династической монархии». Так зарождалось российское самодержавие и сама российская государственность, которую мы знаем. Остается лишь заметить, что в государстве, возникшем в результате взятки, т.н. борьба с коррупцией – занятие заведомо безнадежное.

Важным моментом московской политики было и то, что «на Москве татары принимали православие, женились на русских женщинах и в следующем поколении интегрировались в общую массу москвитов...» (Л. Гумилев). Это обстоятельство в дальнейшем весьма способствовало превращению Москвы в новую ханскую ставку, в новый, православный Сарай, естественным образом унаследовавший ордынскую империю, включая ее модель власти и сам психотип властителя. Не случайно, что служилые татары стали верными патриотами России – они видели в ней «реинкарнацию» Орды, а в московском царе – своего нового хана. Именно полки служилых татар внесли решающий вклад в уничтожение Иваном Третьим Новгородской республики. Не менее яркий пример – опричнина Ивана Грозного, ставшая инструментом искоренения русского европеизма. Кстати, сам Грозный – потомок Мамаю по материнской линии, что красноречиво говорит о степени «конвергенции» Москвы и Орды.

Московия, которую официозная историография почему-то именуется «Московской Русью», унаследовала от Орды «военную организацию, фискальную систему, посольский обычай, протокольную традицию государственных канцелярий», а, главное, комплекс социальных и индивидуальных норм, разрушительных для русской личности в ее изначальном качестве.

Петр Первый явил собой реакцию русского европеизма, впрочем, оперируя вполне азиатскими методами, оставаясь в пределах ордынско-имперской парадигмы. Да, в определенном смысле Петербург стал «реинкарнацией» Новгорода; но Петр, будто в насмешку, «небесным патроном» своего детища избрал... Александра Невского. Тем самым он как бы выдал «черную метку» всей российской вестернизации. Невский вернулся в лице Ленина и вновь поворотил страну «лицом к Востоку».

Эпоха Николая Второго с ее прекрасным «серебряным веком» – это тот максимум европеизма, на который способна Орда-Россия как культурно-государственный феномен. Тем яростней стала реакция азиатчины, тлевшей в глубинах российской жизни. Большевиизмом, ГУЛАГом и «железным занавесом» ответила Россия на двухсотлетние попытки сделать ее «фасадом Европы». Расстояние от башни Вячеслава Иванова до колымских барачников оказалось ужасающе малым.

Таков, вкратце, генезис антирусского Российского государства, которое в своих базовых параметрах существует и поныне. Русские – заложники этого государства, этой «евразийской империи», ее вечные и главные данники. Самую страшную дань Орде-России они выплатили во время ее последней войны с Европой, в 1941-1945 гг.; тогда, наконец, сбылась мечта Невского о великом походе на Запад – недаром среди главных советских орденов того времени фигурирует и орден Александра Невского.

Помните осенние предвыборные плакаты «План Путина – победа России»? План Путина – это возвращение России к ее основной исторической парадигме – авторитарно-бюрократической, имперско-централистской и антизападной, несколько поколебленной в эпоху горбачевско-ельцинского «Февраля». Сворачивание демократии, наступление на права регионов, истерика вокруг Бронзового солдата, реанимация совковой риторики времен «холодной войны», газпромовский империализм – все это находится в контексте названного процесса. Российский антизападный миф вновь активизирован – не стоит обманываться «либерализмом» Дмитрия Медведева. Мы в очередной раз вступили в период феодальной, ордынско-имперской реакции. Каков ее потенциал – разговор особый. Как бы то ни было, необходимо решительно противопоставить ей ценности и пафос русской национально-буржуазной революции, историческим символом которой, несомненно, является Великий Новгород. Национал-демократический проект – это стремление разорвать зачатие Орды-России; зачатие, наложенное на русскую судьбу в роковом XIII веке.

Только поняв план Невского, можно понять план Путина.

РОГАТИНА ДЛЯ МЕДВЕДЯ

Начнем с оценки результатов думских выборов. Они – РЕВОЛЮЦИОННЫЕ. Ибо чреваты Русской национально-демократической революцией.

Сожалеть стоит лишь об одном: о том, что в Госдуму прошли целых четыре партии, а не две – «Единая Россия» и «Справедливая Россия». Жаль, что вместе с Немцовыми и Явлинскими в политическое небытие не отправились красные во главе с Зюгановым, а также петрушка Жириновский со своим балаганным антикоммунизмом. Случись это, и Дума стала бы вторым изданием Верховного Совета СССР с его нерушимым блоком коммунистов и беспартийных. Тогда гротескный характер режима, его вторичная совковость были бы очевидны и последнему идиоту.

Впрочем, и эта Дума, по существу, является однопартийной. Четыре партии неуклюже декорируют победившую однопартийность, являясь, по сути, четырьмя фракциями единой и неделимой Партии Власти. Смешно рассуждать о какой-либо оппозиционности Зюганова после его позорного сговора с Ельциным на президентских выборах в 1996-м. О Жирике и Миронове можно вообще не говорить. Это записные кремлевские холуи. Первый много лет паразитирует на русском вопросе, а второй намерен паразитировать на социальности.

Короче, мы получили гротескную имперско-фодудьевую Думу, эдакую широкозадую дуру-бабищу с рябой рожей. Это событие – пародийный аналог разгона Учредительного собрания большевиками. Именно пародийный, ибо как уже очевидно, никакой тоталитарной трагедии за этим не последует. Последует квазитоталитарная трагикомедия.

Режим, надувший, как лягушку, свои 64% голосов, в действительности, как выясняется, ужасающе слаб. Ведь те, кто голосовал за «медведей», голосовал-то не за них, а персонально за Путина. Точнее, за его третий срок. За пришествие национального лидера-харизматика. За Хозяина. За Твердую Руку. За Царя-батюшку. И Путин в ответ на эти многочисленные просьбы всевозможных ткачих многозначительно подмигивал. Даже движение специальное создал с откровенно вождистским душком – «За Путина!» – и человека своего во главе оно поставил – адвоката Астахова, выпускника школы КГБ. И уже Проханов вовсю пел об историческом триумфе «пятой империи», будучи уверенным, что Путин перешагнет, аки Цезарь, через конституционные условности и станет новым Сталиным...

И вдруг на тебе – Дмитрий Медведев. Хороший такой, вежливый. Глаза внимательные. Говорят, неплохой юрист. Но совсем не Сталин. Совсем.

Получается, что движение «За Путина!» – это жалкая политическая однодневка, рассчитанная на идиотов, на тупое быдло. Наебаловка, как говорят в народе. То есть Путин, возглавив список «ЕдРа», заведомо наебывал доверчивый российский электорат. Ведь как сообщает «Независимая газета», решение по Медведеву было принято в Кремле еще полтора месяца назад!

Выпейте водки и расслабьтесь, товарищ Проханов. Не будет ни «пятой империи», ни «мобилизационного проекта». Не будет нового Сталина. Новая, еще более тухлая КПСС – будет. Новые преследования диссидентов – вполне возможно. Посадки и психушки – очень может быть. Подлые политические убийства из-за угла и около подъездов – скорее всего. Но не будет континентальной черной мессы нового ГУЛАГа. Ибо кишка тонка. Будет нудное царство чиновно-чекистской серости и совково-православной демагогии. Будет «пятая империя» Петросяна и фодудьи.

Вот чем кончились ваши пламенные, вплоть до сектантского изуверства, имперские медитации, товарищ Проханов – Медведевым. Выродилась ваша любимая великая государственность. Все ее белые парадные кони давно превратились в серых чиновных крыс. Вы мечтали об имперском мессии, а вам втюхали «хорошего аппаратчика». Вы жаждали увертюры из оперы Вагнера, а вас опять погружают в бледный морок из нескончаемых казенных рыл. Пустотела и непрочна ваша империя, как бутафорская гиря из папье-маше. Или как плохой гипсовый слепок с помпезной статуи, который давно пора грохнуть. Одним решительным и точным ударом.

«Буря истории уносит из русской политики Путина», – горестно стенает Проханов, как Ярославна по князю Игорю. Ну во-первых, повторю это в сотый раз, нет никакой русской политики, вот уже веков пять, со дня снятия новгородского вечевоего колокола. И не надо всю эту гнусную дворцовую азиатчину с ее интригами, ложью и выдачей ханских ярлыков именовать русской политикой. Не надо оскорблять русских. А во-вторых, на что же Вы рассчитывали, Александр Андреевич? Неужто и в самом деле верили, что Путин – заурядный кэжэбэшный чиновник, блеклый выдвиженец – решится на нечто, выходящее за рамки банальности этой Системы? Ну ладно Никита Михалков – потомственный конформист и лизоблюд. Дворянин от слова «дворян». Но Вы-то, человек честный и умный, зачем морочили голову себе и другим? Хотели поучаствовать в мистереии, а стали соучастником балагана.

Даже в самой фамилии «Медведев» – гротеск. И издевательство над избирателями, выдаваемое за некий глубокомысленный символизм. Мол, голосовали за «медведей» – получите Медведева. Так сказать, «русского медведя». Баня, водка, балалайка.

Вот только проблема – мишка-то цирковой. Точнее, даже не цирковой, а таборный, которого цыгане на цепи по ярмаркам водят. А возможно, и вообще – надувной, типа олимпийского Мишки-80, изготовленного когда-то на знаменитом Баковском заводе,

снабжавшем население СССР плохими гандонами. Нет, я вовсе не хочу сказать, что кандидат в президенты Медведев – гандон, ни в коем случае. Но что-то гандонистое во всей этой ситуации определенно есть.

Однако, надувной, пусть и размером с Россию, медведь, распираемый нефтегазовым величием и перебродившим аппаратным говном – легкая добыча для рогатины, понимаемой, разумеется, в политическом смысле. Ее первый рог – «Кондопога», протест национальный. Второй рог – протест демократический и гражданский. Вырастая из единого ствола национал-демократической концепции, они представляют собой угрозу Системе столь явную, что михаилам леонтьевым и глебам павловским наверняка померещатся в них рога лондонского антихриста.

ГРЯДЕТ ВРЕМЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИИ. Окончательно слиты и старые националисты типа Рогозина, и старые западники типа Немцова и Явлинского. Слиты потому, что национализм Рогозина и ему подобных не был укоренен в западничестве, а западничество Немцова-Явлинского не было – и не могло быть – укоренено в национализме, в русскости. И те, и другие поверхностны и банальны, предсказуемы и скучны. Таким образом, освободился огромный политический сегмент, который естественным образом должна занять национал-демократия, органически сочетающая национализм с идеалами политической свободы и гражданского общества. В контексте национал-демократии национализм и западничество – это, по существу, одно и то же, поскольку русские – это народ западный, европейский – и генетически, и культурно. Наш европеизм есть логическое следствие нашей русскости. Именно национал-демократия наполняет подлинно глубоким смыслом и сокрушительной исторической энергией антиимперский дискурс, поскольку атакует империю с позиций русских национальных интересов, настаивая на антирусской природе Российского государства. Наш национализм раскрывается через русский регионализм, подразумевающий отказ от имперской исторической парадигмы, а также демонтаж и перестройку постсоветского пространства.

Национал-демократический проект имеет все шансы на то, чтобы обрести немало сторонников как среди националистов, так и среди либералов-западников, сняв их противостояние, выгодное лишь Системе. Не исключено, что интерес к Н/Д-проекту проявит значительная часть региональных элит, которая увидит в нем концептуальное обоснование для своего недовольства московским «собираанием земель». Вообще по мере приближения и развития системного кризиса Российского государства влияние и популярность национал-демократических идей будет неуклонно возрастать.

Итак, наш девиз остается прежним: **ВИЛЫ В БОК!**

ЗНАКОВЫЙ ВЫБОР

Прошу прощения за пошлость, но 2 декабря 2007 года – день действительно судьбоносный. В потенции – даже роковой. Он может определить историческую судьбу русского народа, сделать ее окончательной, превратив в РОК.

Когда-то, уже будучи эмигрантом, белый атаман Петр Краснов написал роман, который назывался «От двуглавого орла к красному знамени». Царский орел и красное знамя воспринимались атаманом как крайние антиподы. Краснов, в отличие от Николая Устрялова, не смог или не захотел увидеть, что эти, казалось бы, враждебные символы несут в себе один и тот же имперский смысл. В принципе, уже сталинская Россия была готова это признать. И теперь, когда путинская Россия,

наконец, соединила в своем «космосе» триколор и двуглавого орла с советским гимном и красным знаменем «великой победы», а храм Христа Спасителя (ХХС) – с ленинским мавзолеем, мы имеем дело не с эклектикой и дурновкусием, как это представляется многим, а с энтропийной завершенностью российской истории. С концом истории в отдельно взятой империи.

Как совершенно точно сказал Вадим Штепа, России, «как и Древнему Риму, действительно исторически развиваться НЕКУДА. Она может только всеми силами удерживать статус-кво...». Собственно, это и есть пресловутая путинская стабильность. Стабильность кладбища – вот что такое «план Путина». Вторичный совок, вторичный «Третий Рим». Вторичная КПСС и вторичный ХХС. Империя Тотальной Вторичности, где первичны только цинизм властей и пошлость как стиль и содержание жизни общества.

Россия исторически исчерпана. Она как страна не может устраивать нормальный народ, стремящийся жить, т.е. делать историю. Она устраивает только быдло и чиновно-олигархическую знать, превратившую государство в систему своих феодальных вотчин.

Голосовать за Путина – значит, голосовать за прозябание по ту сторону истории, в «загробье» безвременья, за превращение народа в сонмище тусклых электоральных «теней». Путин – это даже не застой. Путин, говоря словами Д. Галковского, это бесконечный тупик.

Однако в избирательном бюллетене альтернативы Путину нет. Не считать же таковой угрюмого красного голема Зюганова, побитого молью Явлинского или Жириновского, эту трескучую кремлевскую марионетку. Против Путина проголосовать невозможно. Но можно проголосовать ПРОТИВ ВСЕХ, ритуально испортив избирательный бюллетень. Это будет, так сказать, маленький гражданский теракт.

Мало просто не пойти на выборы. Бойкот должен быть наступательным, я бы даже сказал агрессивным. Сделайте из протеста акт магии. Придите на избирательный участок, возьмите бюллетень и уединитесь с ним в кабинке. Вооружитесь фломастером пожирнее и нарисуйте на бюллетене во весь лист свастику или магендавид – шестиконечную звезду, кому что больше нравится. Ибо это последние два символа, не усвоенные энтропийным синкретизмом путинской империи. Это символы-экстремалы, чуждые мертвящей теплохладности путинизма. Первый из них под запретом, в подполье; второй же, напротив, в истеблишменте, но при этом окружен эдакой уважительной опаской и конспирологическими подозрениями. Смертельные враги, эти символы сегодня рождаются своей антисистемностью. Свастика мистически оппонирует красному знамени «победы», а магендавид в качестве «большой печати антихриста» – двуглавному орлу как символу «удерживающего теперь», «катехона».

Так бросим же угловатую связку из этих символов в свиное рыло Системы. Пускай она, оторопело хрюкая, ищет корни «фашистско-сионского заговора». Пусть фодудья повопит о метафизическом союзе Гитлера и Машиаха. Нарушим благодетную литургию кремлядского цинизма. Сорвем эти позорные «выборы», превратив борьбу гражданскую в оккультную войну – за будущее, за новую страну, за свободу.

Лично я нарисую свастику. Большую и черную.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ: ПОВТОР ПРОЙДЕННОГО

Телеполемика между историком-монархистом Петром Мультиатули и писателем Михаилом Веллером о Николае Втором, состоявшаяся в очередной программе «К барьеру!» от 5 июня, дала повод для некоторых раздумий.

На мой взгляд, дело вовсе не в том, насколько эффективным политиком был последний российский император: сильным или слабым, умным или глупым. Я лично думаю, что Николай Второй был неглуп и не так уж слаб как личность (вспомним «столыпинские галстуки»). Дело в том, что изжила себя сама имперская историческая парадигма. «Вилка» между изначальной византистской идеологией и культурой европейского типа, инициированной Петром Первым, стала критической именно при Николае Втором. Реформы Петра Великого неизбежно должны были закончиться Февралем и, в идеале, неимперской и демократической реорганизацией русского пространства. Трагедия в том, что в силу недостаточной развитости русского европеизма, неизбежным стал и Октябрь, восстановивший византистскую парадигму в новом, большевистском качестве.

Трагедия Николая Второго не в его личной слабости, а в объективно-исторической раздвоенности его роли как политика. С одной стороны, подчиняясь требованиям прогресса, он был вынужден проводить культурно-политическую и технологическую модернизацию России, а с другой, не мог не видеть, что модернизация противоречит самой сущности архаичной, полуазиатской Империи, разрушает ее, как в случае со столыпинской реформой. Николай так и не смог решить, что же ему делать: быть столпом реакции, новым Иваном Грозным, как ему советовали охранители, или способствовать мягкому переходу к постимперской, демократической, федералистской истории, в которой царю оставалось бы лишь место конституционного символа. Николай Второй застыл в роковой позе «на двух лодках». Оставалось лишь свалиться в воду и утонуть, утянув с собой половину русского народа.

Вынужденный постоянно бороться с враждебным ему государством, русский европеизм так и не успел достичь политической зрелости. Именно поэтому в критическом 1917-м он не сумел открыть страницу постимперской истории. Русский европеизм остался слишком вымороченным, профессорским, слишком ненациональным. Он так и не смог сформулировать русскую национал-демократическую альтернативу византизму, развив идеи А.К. Толстого. В конечном счете, все кончилось реакцией византизма новой, радикальной, большевистской генерации.

В отличие от Николая, большевики не были отягощены петербургским наследием и не страдали раздвоенностью. Они могли позволить себе быть вполне азиатами, вполне деспотами. Единственное, что их связывало с Петром – это его методы. Если Петр при помощи дубины возвращал русских в Европу, то большевики тем же орудием вгоняли их обратно в Московию, в индустриальную Византию Сталина.

Благодаря большевикам, Империя, хоть и с территориальными потерями, дотянула до наших дней, когда все проблемы столетней давности вновь заявили о себе с новой силой. Само существование Империи опять под вопросом. И, возможно, это окончательный счет, предъявляемый историей «Рашке», что и заставляет наших медии-медиаумов вызывать дух последнего российского царя в надежде сделать сию фигуру символом консолидации общества вокруг «вертикали власти». Не исключено, что последняя передача Владимира Соловьева была задумана как своего рода тест на монархизм, предложенный российскому электорату. Результат превзошел все ожидания: почти половина голосовавших телезрителей – «за царя», т.е. значительная часть массового сознания все еще не в состоянии выйти за формат

византизма. Что, собственно, и нужно системе, похоже, прячущей в рукаве крапленый монархический «козырь».

Наша трагедия в том, что Февраль 1917-го не обрел русского национал-демократического, антиимперского содержания. И для большевиков, и для антибольшевиков русскость означала «Великую Россию», Империю – красную или белую, что не суть важно. Ни одна из политических сил эпохи Революции, не считая «национал-сепаратистов», даже не пыталась выйти из российской исторической парадигмы – те же большевики лишь расширили имперский мессианизм «Третьего Рима» до планетарных масштабов «Третьего интернационала», это общеизвестно. Они стали лишь более последовательными и крутыми имперцами и монархистами, чем цари. Красные, что называется, «докрутили винт». Например, если при Николае Втором русские крестьяне регулярно мерли от голода просто в силу архаичного уклада сельского хозяйства, то большевики стали морить народ специально, сделав из организованного голода инструмент террора и подавления, а также средство формирования новых социальных отношений и «нового человека». В общем, можно сказать, что старая, белая имперская элита, расписавшись в своей несостоятельности, практически без боя, передала страну новым, более эффективным красным имперцам с их «средневековым» правосознанием и религиозным, по сути, фанатизмом. Отсюда и готовность многих белых имперцев служить большевикам.

Сегодня нам, русским национал-демократам, надо приложить все силы, чтобы встретить грядущий распад Империи в качестве здоровой регионалистской альтернативы возможному политическому хаосу. Надо успеть! В противном случае не исключено, что свою альтернативу опять предложат какие-нибудь изуверы типа большевиков – характерно, что православный имперец Владимир Карпец вполне согласен на их победу, лишь бы они сохранили вечную и непререкаемую ценность наших консерваторов – Империю, «Великую Россию». Он пишет: «...если Бог Россию сохранит, то за февралем (ползучим или ускоренным) неизбежно придет октябрь. Это означает: Россию спасет только полный беспредел, полное отвержение всяких правил, всякой морали...». Да, Владимир Игоревич, не жалко Вам «людишек», что, впрочем, вполне в духе «державной» традиции.

Но за февралем придет все-таки весна, а не «беспредел».

ПРИВИВКА ОТ ФОФУДЬИ

Все-таки, Россия – страна фэфудьи. Это видно хотя бы по тому, сколько места занимает в печати тема минувшего Архиерейского собора РПЦ. А ведь вся «проблема» – сонмище уродливых сектантов, всерьез обсуждающих «персональное дело» своего ебанувшегося коллеги, углядевшего антихриста в мобильных телефонах. Однако эта шобла клоунов в нарядах вдов заставляет о себе говорить. Между тем всего в двух шагах от «самовара» ХХС, в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, происходит гораздо более значимое событие: выставка «ФУТУРИЗМ. РАДИКАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ИТАЛИЯ-РОССИЯ», приуроченная к столетию со дня опубликования первого футуристического манифеста отца-основателя движения, поэта Томмазо Маринетти (20 февраля 1909 г, «Figaro»; в том же году – в Милане, журнал «Поэзия»).

«Мы желаем воспевать любовь к опасности, привычку к энергии и безрассудству. Основными элементами нашей поэзии будут смелость, дерзость и бунт... Стоя на вершине мира, мы бросаем вызов звездам», – писал Маринетти. На смену тяжеловесному сумеречному классицизму пришли Скорость, Свет и Полет. В первых

же футуристических манифестах были обозначены полюса политических симпатий футуристов: анархизм и национализм.

Кстати, о «любви к опасности» – вот откуда взялся знаменитый девиз Бенито Муссолини «Живи опасно!» (футуристы, как известно, играли весьма заметную роль в итальянском фашизме, пока он не оброс казенно-государственным салом). Более того: сам образ Муссолини-летчика, являвшийся важной частью имиджа дуче, инспирирован итальянским футуризмом, в котором авиационная тема была одной из центральных. Напомним, что известное хрестоматийное стихотворение Маринетти посвящено авиатору, парящему в аэроплане над дышащим жерлом вулкана. В поздней итальянской футуристической живописи конца 20-х-начала 30-х гг. было даже такое специальное направление: аэроживопись, аеропittura (на выставке представлена работа Ди Боссо «Вирази над Арена ди Верона», 1935).

Совершенно не случайно, что родиной футуризма стала Италия – одна из самых провинциальных и фодудьевых стран Европы начала XX столетия. Итальянский футуризм явился как восстание против открыточной страны черных сутан и улыбчивых смуглянок с винными кувшинами. Оспорить у Италии первенство по части фодудьи могла только Россия с ее самодержавием и балалайками. Вызовом «самоварному» российскому византизму стал русский футуризм – одновременно авангардный и народно-демократический, похожий на танец веселых языческих богов. Вообще в футуризме, как в русском, так и в итальянском, неоязыческий «оскал» определенно был, правда проявлялось это по-разному. Если для Маринетти (да и для Маяковского) «стихией новых энергий», источником «нового чувства жизни» был Город, то Хлебников, к примеру, прямо заклинал древних богов своей новой поэтикой. Характерно, что основная группа русских футуристов носила древнегреческое имя скифской области в устье Днепра – «Гилея», что указывает на обращенность к неким реликтовым архетипам, в том числе к архетипам золотого утра времен и первозданной воли-вольной.

Итальянский футуризм нашел свою политическую проекцию в раннем фашизме. Русский футуризм, соответственно, пошел в Революцию, пополнив ее богемно-романтическую компоненту. По мере того, как Революция окостеневала в Империю, наш футуризм с его бунтарством и эпатажем все более вытеснялся и подавлялся государством. Превратившись из анархиста в певца советчины, убил себя Маяковский. Слег, обезножев, русский летчик-футурист Каменский, воспевший Стеньку Разина. Замолк навсегда «заумник» Крученых. В отличие от Сталина, Муссолини не преследовал художников: тем, кто не вписался в зрелый фашизм, он дал возможность «жить в глухой провинции у моря», т.е. на периферии общественной и культурной жизни. Пути Поэзии и Системы в очередной раз разошлись...

Стал ли мир менее фодудьевым после футуризма? Думаю, да. Футуризм не состоялся в качестве «религии жизни», творца нового человека, но, однако, существенно изменил наш психотип и мироощущение, совместно с Ницше поколебав иудео-христианскую культурную матрицу, пробудив в душах забытую языческую свободу. Он создал дизайн и стиль мира, в котором мы живем, фундаментально повлияв на современную живопись, литературу, музыку, театр, кинематограф, архитектуру. Достаточно увидеть эскизы архитектурных проектов Антонио Сант-Элиа, выполненные в далеком 1914-м, чтобы узнать в них и нынешние мегаполисы, и кадры из того же «Бегущего по лезвию бритвы» Ридли Скотта. Футуристическое «завтра» стало и продолжает становиться нашим «сегодня».

Несмотря на это, русские правые по части эстетических вкусов в своем большинстве недалеко ушли от епископа Диомида. Они погрязли в архаике шишкинского «реализма», романсов позапрошлого века и скучных стихов с глагольными рифмами, тупо игнорируя один из признанных мировых брендов русской культуры – наш

авангард. Они козыряют Есениным, будто забыли, как Есенин вместе с Толькой Мариенгофом малярной кистью расписывал стены Страстного монастыря в стихи. В «патриотической» эстетике царит полнейшая «лысенковщина», в православном или совковом варианте. Разумеется, это не случайно, поскольку мертвечина духа порождает мертвечину в искусстве. Между тем нормальному, современному русскому национализму просто необходим футуристический витамин силы и новаторства, веселья и бунта, воли к жизни и будущему. Национал-демократам, чей актив составляет мыслящая городская молодежь, это особенно понятно и близко. Поэтому – рекомендую. Выставка продлится до 31 августа.

PS. Перспективистам также советую.

РАЗГОВОР ПЕРСПЕКТИВИСТА С ХРАМОМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

(Памяти Маринетти)

Не вулкан ты, хоть рыкаешь басом.

И клокочет в тебе не огонь –

Покаяний фекальные массы,

Грибовидно клубящие вонь.

Ты хрипишь литургий караоки,

Обдавая дыханьем гнилым...

Как твои золотые коронки

Мне бы выбить ударом одним?

Как тебя уничтожить скорее,

Самоварный, фальшивый, тупой?

Я на «юнкерсе» юности рею,

Заходя в разворот боевой.

Пикировщик напевен как лира.

На штурвале – поэта рука.

Вижу: в центре наклонного мира,

Где полуднем сверкает река –

Мастодонт, бородавка империи,

Одиозный, как ханский шатер.

Сквозь веселое солнце пропеллера
Я смеюсь над тобою в упор!
Вся кабина пронизана светом.
Златоглавая цель – на виду.
Отделилась от брюха ракета
И, свистя, понеслась в фофудью.
Прямо в купол, где темное имя
Притаилось в угаре свечном!
Пусть молекулы третьего Рима
Распадутся в просторе речном –
Чтобы лебеди-гуси кричали,
Как на Ладогe, славя рассвет!
Чтоб заладилось века начало,
И господствовал в небе поэт!
Чтоб остался навеки потомкам
Идеального мира плакат:
Водоем синеокой воронки,
Отразивший звезду-аппарат.

КАРАДЖИЧ

Пульсирует весть горячая,
Как кровь, разрывая вену.
В Белграде схватили Караджича.
Там тоже теперь измена!
Политкорректность куражится
Над разумом, честью, славой.
Европа, предав Караджича,
Себя предала исламу.
Сама легла у параши
Великого халифата.

Последний рубеж – Караджич.
Нельзя отступить, ребята.
Мы с вами не только граждане,
Субстрат «голосов» и денег.
Мы – родственники Караджича,
Мы – белые по рождению!
Прекрасен зачес Караджича,
И взор дерзновенно-ясный.
Поэта схватили каратели –
Поэты опять опасны!
Я вижу с платформы «Кунцево»:
Мундиром блестя парадным,
Летит декадент Д, Аннунцио
На помощь к тебе, Караджич!
Грозы потрясая ваджрой
Взметая веселый ветер,
Стремятся к тебе, Караджич,
Каменский и Маринетти!
Великой грозя зачисткою
Брюсселю, да и Белграду,
Вот-вот подойдет фашистская
Поэтов интербригада.
Уж кровью запахло бражно,
Как летней грозой и карой.
С тобой, Радован Караджич –
И Ра, и богиня Кали!
Античное море синее
И гор непокорных кряжи –
В твоём королевском имени,
Поэт Радован Караджич!
В нём сердце Европы страждет,
И преодолагает криз.
Держись, Радован Караджич!
Воскреснешь, как Дионис.
(23.07. Кунцево-Коптево)

РУССКОЕ – ЗНАЧИТ АНТИСОВЕТСКОЕ

(Памяти Александра Исаевича Солженицына)

Разумом я понимал, что этот день рано или поздно наступит. День, когда мы перестанем быть современниками великого русского классика. И вот этот день наступил – именно в августе, в месяце плохих новостей.

Александр Солженицын умер.

Масштаб этой личности и ее значение настолько велики, что охватить их в небольшом тесте на злобу дня невозможно. Сразу можно сказать, что Солженицын – это феномен не только и не столько литературный, сколько явление русского национального духа. Солженицын – это русское достоинство, просиявшее в кошмаре XX века. Он громогласно, на весь мир заявил о взаимной непримиримости русского и советского, выступив против коммунизма именно как русский человек, плоть от плоти своего поработанного народа. Солженицын выразил антисоветизм не городской, интеллигентский, а глубинный, народный антисоветизм, столь присущий лучшей, коренной части русских. Солженицын засвидетельствовал, что русский народ – это народ-антисоветчик, опрокинув всевозможные «совпатриотические» и «национал-большевистские» спекуляции, рожденные в кабинетах ЦК и редакций столичных толстых журналов.

Трудно представить нашу ситуацию, если бы не был написан «Архипелаг ГУЛАГ» – непревзойденный художественный, исторический и публицистический срез советчины. Можно смело утверждать, что не будь «Архипелага» – и мы бы почти ничего о советчине не знали. А значит, мы бы из нее и не вылезли никогда. Мы ничего не знали бы о миллионах замученных и о рабовладельческой природе совка. И если сегодня совок вынужден быть «ползучим», вынужден прибегать к мимикрии и время от времени скрывать свое чекистское мурло, то это во многом благодаря испепеляющей правде «Архипелага», которую уже никто не в состоянии упразднить.

Главное значение «Архипелага ГУЛАГ» в том, что это приговор совку, вынесенный от имени русского народа. Книга в высшей степени народная, причем по ряду параметров до сих пор не осмысленная. В частности, именно Солженицын первым поднял тему РОА, Локотской республики и вообще великой массы наших соотечественников, боровшихся с большевизмом в союзе с Германией и ставших в итоге «додаточной жертвой на неостывший жертвенник 1917 года». За это писательское и гражданское бесстрашие низкий поклон Александру Исаевичу! Не убоился он в глазах «советской общественности» и западной левоты прослыть воспевателем «гитлеровских пособников» («литературный власовец» – так клеймила Солженицына советская журналистика). Напомню некоторые абзацы, теперь уже бессмертные.

«Что русские против нас вправду есть и что они бьются круче всяких эсэсовцев, мы отдавали вскоре. В июле 1943 под Орлом взвод русских в немецкой форме защищал, например, Собакинские выселки. Они бились с таким отчаянием, будто они эти выселки построили сами. Одного загнали в погреб, к нему туда бросали ручные гранаты, он замолкал; но едва совались спуститься – он снова сек автоматом. Лишь когда ухнули туда противотанковую гранату, узнали: еще в погребе у него была яма, и в ней он перепрыгивался от разрыва противопехотных гранат. Надо представить себе степень оглушенности, контузии и безнадежности, в которой он продолжал сражаться».

«Им не оставлено было выбора. Им нельзя было драться иначе. Им не оставлено было выбора биться как-нибудь побережливее к себе. Если один «чистый» плен уже

признавался у нас непрощаемой изменой родине, то что ж о тех, кто взял оружие врага? Поведение этих людей с нашей пропагандной топорностью объяснялось: 1) предательством (биологическим? текущим в крови?) и 2) трусостью. Вот уж только не трусостью! Трус ищет, где есть поблажка, снисхождение. А во "власовские" отряды вермахта их могла привести только крайность, запредельное отчаяние, невозможность дальше тянуть под большевистским режимом да презрение к собственной сохранности. Ибо знали они: здесь не мелькнет ни полоски пощады! В нашем плену их расстреливали, едва только слышали первое разборчивое русское слово изо рта. (Одну группу под Бобруйском, шедшую в плен, я успел остановить, предупредить – и чтоб они переоделись в крестьянское, разбежались по деревьям примачками). В русском плену, так же как и в немецком, хуже всего приходилось русским.

Эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским.

Я со стыдом вспоминаю, как при освоении (то есть, разграбе) бобруйского котла я шел по шоссе среди разбитых и поваленных немецких автомашин, рассыпанной трофейной роскоши, – и из низинки, где погрязли утопленные повозки и машины, потерянно бродили немецкие битюги и дымились костры из трофеев же, услышал вопль о помощи: "Господин капитан! Господин капитан!" Это чисто по-русски кричал мне о защите пеший в немецких брюках, выше пояса нагой, уже весь искровавленный – на лице, груди, плечах, спине, – а сержант-особист, сидя на лошади, погонял его перед собою кнутом и наседанием лошади. Он полосовал его по голому телу кнутом, не давая оборачиваться, не давая звать на помощь, гнал его и бил, вызывая из кожи новые красные ссадины...

Эта картина навсегда передо мною осталась. Это ведь – почти символ Архипелага, его на обложку книги можно помещать.

И все это они предчувствовали, предзнали – а нашивали-таки на левый рукав немецкого мундира щит с андреевским полем и буквами РОА».

Нельзя не упомянуть последнее масштабное творение Солженицына – книгу «Двести лет вместе», посвященную проблеме русско-еврейских отношений (2001-2002 гг.) Невозможно ее подробно разбирать здесь, скажу лишь, что и в этой своей работе Солженицын остался мужественным русским мыслителем, не боящимся поднимать самые сложные и рискованные темы. На мой взгляд, особенно интересны главы, посвященные истории еврейства в советский период, вызвавшие обвинения писателя в «ксенофобии» и даже «антисемитизме» (подобные обвинения звучали и ранее, после первых публикаций «Архипелага ГУЛАГ»). Эти страницы позволяют по-новому увидеть характер «великой отечественной войны», ее движущие силы и скрытые смыслы.

Цитирую: «Вот в декабре 1941, после отбития немцев от Москвы, московское радио – не по-русски, конечно, а "на польском языке", а "на следующий день пять раз по-немецки – сравнивало удачное русское наступление с чудом Маккавеев" и твердило немцам, что "как раз в ханукальную неделю" истреблена 134-я нюрнбергская дивизия немцев, названная по городу, "в котором возникло расовое законодательство"».

И еще: «...Илье Эренбургу, еще и другим, например журналисту Кригеру, дано было "добро" сквозь всю войну поддерживать и распалать ненависть к немцам – не без упоминания жгучей и выстраданной ими еврейской темы, но и без специальной акцентировки ее. Эренбург отгремел главным трубадуром всей той войны, утверждая, что "немец по природе своей зверь", призывая "не щадить даже неродившихся фашистов" (то есть так понять: убивать беременных немков), и лишь в самом конце был осажен, когда война уже прокатилась по территории Германии и

стало ясно, что армия слишком хорошо усвоила пропаганду безудержной мести всем немцам подряд».

Наконец, необходимо отметить, что Солженицын чуть ли не первым разделил не только русское и советское, но и русское и имперское, став в какой-то мере одним из предтеч национал-демократии. Именно Солженицын впервые призвал русских отрешиться от морока всевозможных «всемирно-исторических» миссий (будь то «Третий Рим» или «третий интернационал») и сосредоточиться на своих насущных национальных проблемах. Именно Солженицын впервые сформулировал, что русские – это не имперский народ-поработитель, а один из народов, поработенных империей, более того: возможно, самый поработенный. Конечно, во многом национализм Солженицына остался «ветхим»: Александр Исаевич так и не разобрался в украинском вопросе; в огромной мере мировоззрение писателя определялось православием – впрочем, в советские времена, когда формировались взгляды Солженицына, оно многими рассматривалось как духовный плацдарм противостояния системе. Однако уже тогда Солженицын выступал с резкой критикой патриархийных «иерокеистов». Как бы то ни было, нельзя забывать, что Солженицын – дитя своего времени, смогшее преодолеть его чудовищное «притяжение»; он советский, ставший русским – и это ясно говорит о личности гениального калибра.

Когда-то советская власть хотела воздвигнуть памятник Максиму Горькому – в том месте, где сливаются Ока и Волга, на высоком берегу, среди вольных просторов. Теперь я знаю: придет время, и в Республике Залесская Русь на этом месте будет стоять памятник Александру Солженицыну. Ведь во многом благодаря «Исаичу» русский народ не превратился в скопище совковых ублюдков. Это стоит памятника в силовой точке родной земли.

В заключение вновь процитирую Солженицына – ибо великого писателя лучше всего помянуть его великим текстом.

«В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 собрались мужики близ кузни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только доселе железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батяка: «Братья и сестры!», – один мужик ответил черной бумажной глотке:

- А-а-а, б...дь, а вот не хотел? – и показал репродуктору излюбленный русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают.

И зароготали мужики.

Если бы по всем селам, да всех очевидцев опросить, – десять тысяч мы таких бы случаев узнали, еще и похлеще».

Вот этот «излюбленный русский жест» мы демонстрируем сегодня российскому неосовку с его «великой победой», имперским патриотизмом, телевизионными эренбургам, Московской патриархией и Газпромом. Это жест нашего языческого салюта над могилой великого старца.

ЧУЖАЯ ВОЙНА

Сколько было пропагандистских воплей о том, что Путин, дескать, прекратил войну в Чечне! Потом, правда, выяснилось, что вовсе не прекратил, а теперь и более того: в компании с «преемником» «подарил» нам новую войну – уже не внутреннюю, а с суверенным соседним государством.

Как и чеченская война, грузино-российский конфликт к реальным интересам русского народа не имеет никакого отношения. В нем есть имперские интересы России, есть имперские интересы Грузии, есть какие-то свои интересы осетин, но нет интересов русских. Нам, русским, это крайне важно осознать. Тем более, что уже распространяется патриотический энтузиазм, знакомое желание идти воевать, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Говорят, казаки уже готовы двинуться в Южную Осетию, как раньше – в Абхазию и Приднестровье, вместо того, чтобы наладить нормальный казачий порядок у себя дома. Но дома – на это кишка тонка. Зато ехать со двора, чтобы спасти каких-то южных осетин – это всегда пожалуйста.

В принципе, начавшаяся война, при всей ее рискованности, может оказаться полезной Кремлю. Она – прекрасный способ канализировать тягу активных русских к перемене жизни, вызванную долгим прозябанием в путинском болоте. Кроме того, эта война как бы предоставляет нам возможность почувствовать свою сопричастность этому государству, создает у нас сладкую иллюзию, что оно – наше. И, наверное, многие русские не смогут устоять перед соблазном иллюзорного преодоления вечного отчуждения от России. Это уже было в 1941 году, когда немалая часть нашего народа рассуждала примерно так: «Власть, конечно, мерзкая, антирусская, но сейчас, в критический момент, надо вокруг нее сплотиться». И вместо того, чтобы, пользуясь случаем, искать пути к освобождению, мы тогда защитили свое рабство. За что и заслужили издевательски-похвальный тост от товарища Сталина на победном кремлевском банкете.

Мы, русские, не можем в данном конфликте сочувствовать имперской России. Мы не можем, разумеется, сочувствовать и имперской Грузии. Саакашвили – типичный «демократ» и «революционер» из числа тех, кто, придя к власти, исповедует только две ценности: единовластие и «единую и неделимую». Мы уже знали такого и тоже с грузинской фамилией, скрытой под мощным псевдонимом. Только отморозок мог стрелять из «града» по городу, извините за невольный каламбур. Конечно, можно сочувствовать осетинам, просто по-человечески, но не политически, поскольку их стремление к независимости движимо желанием положить свой суверенитет к ногам Российской империи (по крайней мере, на словах).

Одно надо сказать определенно: русскому народу выгоден провал авантюрной политики Кремля в этом регионе, поскольку он ведет к ослаблению антирусского государства российского. Чем прочнее будет Империя, тем меньше шансов у русских вырваться из византийско-ордынской парадигмы. И, соответственно, наоборот. Надо понять: главный враг русских сидит в них самих. Он называется «русский патриотизм», делающий их марионетками Империи.

Добровольцам, рвущимся в Южную Осетию, надо бы «остопруниться». Довольно нам, русским, участвовать в чужих играх, причем в роли «пушечного мяса». Хватит спасать разномастных «братушек», которые потом, как правило, платят за это черной неблагодарностью. Спрашивается, неужто спасение сербов в 1914-м отвечало насущным жизненным интересам русского народа? Нет, это Империя в очередной раз определила русские приоритеты. В результате мы вступили в один из наиболее кошмарных этапов своей имперской истории. Сегодня наши силы, наш генофонд подорваны настолько, что порой задумываешься о самой жизнеспособности русского народа.

Поэтому лучший ответ Кремлю, пытающемуся втянуть русских в очередную «победоносную» войну – ОСТАТЬСЯ «НА ПЕЧИ», послав на хуй патриотических агитаторов. Нам еще потребуются силы для Республики Залесье и Конфедерации Русь. Ведь если «двуглавая» власть и решилась на столь опасную авантюру, то только потому, что Империя стоит на пороге системного кризиса, который она пытается отодвинуть подъемом ура-патриотизма.

В предсмертном отчаянии Кремль решил развязать войну за восстановление Советского Союза. Вот пускай и воюет один. Точнее, вдвоем.

А нам, русским, надо сохранять энергию для своей мирной национально-освободительной, буржуазно-демократической революции, а не гнить в окопах очередной империалистической войны.

ИМПЕРИЯ В УГЛУ ИСТОРИИ

Грузино-российская война – это логический вывод из «мюнхенской речи» т. Путина, ставшей знаменем возврата к извечной российской парадигме – имперской и антизападной, идущей от Орды и Московии.

Путин всегда знал, что единственная возможность стабилизировать Империю, хотя бы временно – решительный отказ от европеизации и возврат к совковой «чистоте принципов» во внутренней и внешней политике. А это значит: централизм, однопартийность, РПЦ в качестве идеологической подпорки системы, госкорпорации и, конечно, антизападный империализм, оружием которого до недавнего были только трубы «Газпрома».

Однако, несмотря на усилия кремляди, исторический цикл Российской империи объективно заканчивается. Системный кризис, проще говоря, полный пиздец, внятно просматривается. Поддерживать жизнеспособность имперской системы только трубами далее уже невозможно. Нужны трупы.

Потребовалась кровь, которая сплотила бы население вокруг кремлевской мафии. Необходим внешний враг – конечно, западный (или прозападный), чтоб сработали разом все патриотические стереотипы, сформированные прежде всего «великой отечественной войной». Нужен поход за собиранье имперских земель. Нужны ура-патриотизм и мобилизационный режим, «напряжение все сил народа». Характерная деталь: на стволе одного из российских танков в Цхинвали надпись: «На Берлин!». Имперские трубы «Газпрома» теперь дополнены орудийными стволами.

Будучи не в силах дать русскому народу свободу и развитие, Кремль дал ему войну.

Вторгшись в Грузию, издыхающая Российская империя пошла ва-банк. В этой аванюре сказалась иррациональная ненависть Кремля ко всем, кто сошел с его орбиты, особенно в западном направлении. По существу, российский поход в Грузию – это поход на Запад. Кстати, Саакашвили, надо отдать ему должное, так и формулирует. В своей речи на митинге в Тбилиси он сравнил действия Москвы с походом Батыя в Европу.

Целью кремлевской агрессии стала не только Грузия, но, косвенно, и Украина (Балтия, к счастью, надежно прикрыта членством в НАТО). Неслучайно московская украинофобия нарастала параллельно эскалации конфликта. Кремль надеется, что его действия на Кавказе отзовутся в Украине мощнейшим политическим кризисом и отставкой Ющенко. Более того: может произойти отделение от Киева просоветских

регионов (Крым и Восточная Украина), с дальнейшим вводом в них российских войск – скажем, «для защиты русскоязычного населения», которому перед этим срочно выдадут российские паспорта. Опыт уже есть.

Поэтому позиция Украины в грузино-российском конфликте понятна. Киев прекрасно сознает, что сегодня – Грузия, завтра – он. Грузия и Украина жизненно необходимы Кремлю для полного контроля над нефтегазовыми потоками и важными геополитическими плацдармами. С Грузией и Украиной Империя «полноценна». По существу Кремль продолжил войну за восстановление СССР, начатую Ельциным в Чечне. В результате РФ стала страной-изгоем даже в СНГ. Даже батька Лукашенко, самый большой друг России на постсоветском пространстве, вдруг резко охладел к дальнейшей интеграции с Москвой, не оказав Эрэфии никакой политической поддержки.

Историческая ставка Украины и Грузии очень велика: смена цивилизационной парадигмы. Для Украины это означает ВОЗВРАЩЕНИЕ в Запад, а для Грузии – СТАТЬ частью Запада. Поэтому можно понять нервозность и запальчивость этих стран, жаждущих во что бы то ни стало сойти с орбиты ненавистного византийско-ордынского гиганта. Однако, стремясь оторваться от Империи, они, порой, парадоксальным образом ее копируют, о чем виртуозно пишет Вадим Штепа в тексте «Византизм и регионализм». Та же Грузия в отношениях с РЮО воспроизводит «чеченскую» политику Москвы и более того: уже заполучила свою Чечню – столь же криминальную и столь же связанную с зарубежными центрами (с Лубянкой, например).

Можно и нужно сочувствовать грузинской независимости, грузинскому западничеству, но нельзя сочувствовать грузинскому империализму. Взаимная ненависть Путина и Саакашвили, возможно, объясняется их внутренним сходством, одинаковой заряженностью. Разница у них – в положении. Путин исторически зажат в угол, а Саакашвили располагает широким полем для маневра и исторической перспективой.

Но, возможно, мы чересчур строги к Саакашвили? Кто знает, как ему надо было действовать, имея у себя под боком лубянско-криминальное образование, служащее плацдармом для кремлевских заглотчиков? Да, вполне возможно, что Саакашвили – всего лишь злобный карликовый имперец. А возможно он новый Маннергейм. Посмотрим. Ответ даст история.

Кремль, как загнанная в угол крыса, начинает бросаться на всех и вся. Мы сейчас видим конечную фазу агонии не только Советского Союза, но и византийско-ордынской империи как таковой, которая на протяжении веков была тюрьмой прежде всего для русского народа. Нам ли, русским, оплакивать, а тем более – оборонять этого монстра, когда-то лишившего нас белокаменной европейской истории? Нам самое время всерьез позаботиться о себе, о своем новом будущем: национальном, регионалистском, демократическом; будущем свободы и развития.

Русская позиция сегодня – национал-пацифизм. Пусть имперский упырь отваливает в небытие, не напившись напоследок нашей жертвенной кровушки. Став государством-изгоем, империя Российская хотела бы и русских сделать народом-изгоем – за компанию, чтоб помирать веселее было. Не доставим ей такого удовольствия.

Будем жить дальше.

УКРАИНА ПОД УГРОЗОЙ

В украинском журнале «Профиль» опубликована знаковая статья президента Виктора Ющенко. Он, в частности, пишет: «... мы давно не колония и не советская резервация. Уверен, что нам самое время отбросить психологию крепостников и заменить ее на полную энергии могучую казацкую ментальность».

По мнению В. Ющенко, необходимо «возродить нашу украинскость», «укрепить национальную идентичность, возобновить нашу настоящую историю, создать полнокрвное и единое украинское культурно-информационное поле».

«Украинский язык, – считает В. Ющенко, – должен занять в обществе такие же позиции, как польский язык в Польше, чешский язык в Чехии, немецкий язык в Германии».

«Военный действия в Грузии, – констатирует В. Ющенко, – ярко засвидетельствовали: ни одна исключительная модель обороны не в состоянии надежно защитить суверенитет и территориальную целостность страны... Надеюсь, российские танки на грузинской земле убедили последнего скептика. Украина обязана пройти путь евроатлантической интеграции».

Очевидно, что украинский президент ясно сознает нависшую над его страной угрозу со стороны Кремля, ступившего на путь имперского реванша. Евразия уже давно мечтает проучить «хохлов», «возомнивших себя» отдельной нацией и суверенной страной, причем европейской. Надо признать, что для этого у Москвы есть возможности гораздо более серьезные и оперативные, чем в случае расправы с Грузией.

Если плацдармом для «наказания» Грузии послужила Южная Осетия, то плацдармом для «наказания» Украины вполне может стать Крым. Резкий всплеск недовольства «русскоязычной» (а, точнее говоря, постсоветской) части крымского населения – как говорится, дело техники. Что может послужить поводом для вторжения Кремля? Ну, хотя бы стремление Ющенко более полно контролировать действия российского флота в Севастополе. Или желание Киева полностью избавиться от присутствия российских ВМС на территории Украины, поскольку оно явно угрожает суверенитету и безопасности страны. Идиоту понятно: российский Черноморский флот – это московская сабля у горла независимой Украины.

Попробуем смоделировать логику возможных действий кремлевских «геополитиков».

Допустим, что Киев взял и не пустил российские корабли в Севастополь. В ответ на это при помощи Витренки и прочих кремлевских креатур восстает русскоязычный Крым и объявляет о своей независимости – с прицелом на последующее вхождение в состав России. Вряд ли это понравится крымским татарам. Начинаются межнациональные столкновения, появляются первые жертвы. В результате превосходящий российский флот, легко подавив сопротивление украинских ВМС, высаживает десант – для «защиты русскоязычного населения», которое к тому времени уже заполучило российское гражданство. Российская палубная авиация наносит «превентивные» удары по украинским военным объектам в Феодосии, Одессе и Николаеве. При этом основные силы московского вторжения уже высадились в Керчи, на песчаных пляжах Феодосийского залива, и стремительно продвигаются на запад, в глубь полуострова. Так сказать, проторенными боевыми путями «дедов и отцов» (наработки времен ВОВ тут могут пригодиться).

Одновременно Москвой инициируется «волна народного протеста» в восточной Украине, на Харьковщине и в Донбассе. Обращение Ющенко за помощью к НАТО лишь распаляет ожесточение. В итоге восточные регионы объявляют о своем выходе из состава Украины и «воссоединении» с Россией. Соответственно, Кремль вводит туда войска – для «защиты безопасности и интересов» своих новоиспеченных граждан. Запад, парализованный страхом перед третьей мировой войной, как и в случае с Грузией, ограничивается лишь громкими и «взвешенными» заявлениями. В Киеве разражается политический кризис, подогреваемый коммунистами, социалистами и Партией регионов. Виктор Ющенко уходит в отставку, и вместе с Юлией Тимошенко бежит во Львов. Воцаряется хаос. В столицу Украины стремительным маршем, на глазах ничего не успевающего понять Запада, въезжают российские танки – «для поддержания порядка и безопасности в исторической зоне российских интересов». Украинское государство в его нынешнем виде перестает существовать. В лучшем случае, от него остаются «западэнские» области, куда спешно войдет НАТО в лице поляков, румын, словаков и венгров.

Конечно, это всего лишь беглый этюд, возможно, изобилующий упрощениями. В реальности все может пойти не совсем не так, и даже совсем не так. Может получиться, что в итоге этой авантюры развалится не Украина, а как раз Эрэфия. Но, согласитесь, соблазн у имперской Москвы все-таки очень велик – тем более после ее «побед» над Грузией. Дело в том, что Российской империи нечего терять. Ее историческое время истекло: Газпром неуклонно дряхлеет, коррумпированное централистское государство необратимо выродилось. Однако относительно успешные военные авантюры Кремля против «обломков империи» могут продлить агонию московского великодержавия – не очень надолго, но кремлядь, в животном страхе смерти, и на это согласна. Тут в дело пойдет и совковый патриотизм, и мифы о «триедином православном русском народе», и претензии на Севастополь, и крики о необходимости покарать нового «Мазепу». В этой ситуации подлинным русским националистам необходимо стойко и решительно противостоять украинофобии, а также циничному стремлению кремлевской мафии втянуть русский народ в войну за шкурные интересы постсоветской номенклатуры. В войну БРАТОУБИЙСТВЕННУЮ.

P.S. Кому-то приведенный сценарий может показаться невероятным в принципе. Однако спросим себя: кто мог еще месяц назад вообразить себе, что российские танки будут стоять в Поти и Гори? Важно понять: после грузино-российской войны мы вступили в новые времена, когда стало возможным очень многое.

ЛОКОТСКАЯ РЕСПУБЛИКА в свете залесского регионализма

О феномене Локотской республики советская и постсоветская историография предпочитает врать или умалчивать. Причина проста: как и совок, его нынешние наследники боятся правды о МАССОВОМ сопротивлении советчине в годы Второй мировой войны со стороны русского населения «центрального» региона России (казалось бы, самого «патриотичного»). Локотская республика опровергает миф о безальтернативности российской истории и свидетельствует об огромных творческих силах русского народа Залесья. Как только под натиском немцев Орда-Евразия отхлынула на восток – так сразу же народными усилиями Орловщина и Брянщина стали превращаться в процветающий европейский край. Пора открыто сказать, что Локоть – это не «коллорабационизм», а уникальный феномен русского народного государственного строительства и смелого исторического творчества.

Земли, на которых расположен поселок городского типа Локоть Брасовского района Орловской (ныне — Брянской) области до 1917 года принадлежали императорской фамилии. Таким образом, (подчеркнем это) брасовские крестьяне не знали крепостничества. Для них, людей с нормальной психологией белых хозяев,

«коллективизация стала не "вторым изданием" крепостного права, а "первым", явилась причиной скрытого недовольства новой властью, вылившегося наружу, когда сама эта власть оказалась висящей на волоске» («Материалы по истории Русского Освободительного Движения», М., 1998).

В конце сентября 1941 г. германские войска подошли к Орловщине и Брянщине. НКВД докладывал, что «эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под свист и недвусмысленные угрозы со стороны распоясавшейся антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегала под различными предложениями эвакуации» (там же). Народ откровенно ждал немцев и был уверен, что совок уже никогда не вернется.

Сразу после бегства коммунистов крестьяне по собственной инициативе стали делить колхозные поля и создавать отряды самообороны. Еще до прихода немцев в Локте собрались сельские и деревенские старосты, а также выбранные населением депутаты. По существу, это был вечерний сход. Таким образом, в основе феномена Локотской республики лежит демократическое волеизъявление народа. После голосования «губернатором Локтя и окрестных земель» был выбран Константин Воскобойник. Его заместителем стал Бронислав Каминский. Именно они и возглавили русское освободительное движение на Орловско-Брянской земле.

Константин Павлович Воскобойник родился в 1895 г. на Киевщине в семье железнодорожника. Год учился в Московском университете, в 1916-м ушел добровольцем на фронт. В 1919-20 гг. служил у красных, был ранен, а в 1921 году, насмотревшись на «прелести» совдепа, вступил в один из отрядов крестьянско-повстанческой армии Александра Антонова. Это важный момент, так как Локотскую республику можно во многом считать продолжением «антоновщины», также давшей удивительные примеры народной самоорганизации. После подавления Тамбовского восстания Воскобойник скрывался, жил, учился и работал по подложным документам, в 30-х гг. отбыл заключение в лагерях и в 1938-м обосновался в Локте, где работал преподавателем физики в Брасовском лесотехникуме.

Бронислав Владиславович Каминский, друг и соратник Воскобойника, родился в 1899 году. По отцу он был поляк, по матери — немец. Служил в красной армии, куда ушел добровольцем, после демобилизации учился в Петроградском химико-технологическом институте и работал на заводе «Республика». В 1935 году его исключили из ВКП (б) за критическое отношение к коллективизации, а в 1937-м арестовали по обвинению в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии» Чайнова. В 1941 году отправлен на поселение в Локоть, где вплоть до прихода немцев работал инженером на местном спиртзаводе.

Когда немцы (2-я танковая армия Гудериана) 4 октября 1941 года вошли в Локоть, то по свидетельству очевидцев, их встретил уже не красный, а бело-сине-красный флаг, в то время имевший четкий национально-освободительный смысл.

Воскобойник был утвержден немцами в должности главы местного самоуправления народной милиции, а Каминский — в должности его заместителя. Уже 25 ноября 1941 года был опубликован манифест основанной ими Народной социалистической партии «ВИКИНГ (ВИТЯЗЬ)». В нем провозглашалось следующее:

«Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя.

Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок). Размер участка около 10 гектар в средней полосе России.

Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком, с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар.

Свободное развертывание частной инициативы, в соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина.

Установление на всех видах производств 2-х месячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках.

ПРИМЕЧАНИЕ: На вредных производствах продолжительность отпуска увеличивается до 4-х месяцев.

Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач для постройки жилищ.

Закрепление в собственность Государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов.

Амнистия всех комсомольцев.

Амнистия рядовых членов партии, не запятнавшим себя издевательством над народом.

Амнистия всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима.

Амнистия Героев Советского Союза.

Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами».

В манифесте подчеркивалось: «Наша партия — партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги-витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство». Таким образом, утверждался европейский, западнический цивилизационный вектор Локотского автономного округа (официальное название – Русское Государственное Образование).

Проект «Локотская республика» встретил полное понимание немцев, прежде всего командования 2-й танковой армии Вермахта. Именно они подтвердили статус Локотской республики как НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Немцы не вмешивались во внутренние дела РГО; существовал даже особый приказ штаба Гудериана, категорически запрещающий такое вмешательство. Например, немцы не смогли предотвратить казнь двух своих военнослужащих, осужденных в Локте за мародерство и убийство. Уместно упомянуть, что Локотская республика имела собственный Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы, разработанные бывшим студентом-юристом Тиминским.

Пристальный интерес к Локотскому проекту проявляли Геббельс и Гиммлер (первый вообще считал, что борьба с Советами должна опираться на поддержку русского населения). В 1943 году Альфред Розенберг рекомендовал использовать опыт Локотского самоуправления «в более крупных масштабах» (но, увы, именно в том году наступил стратегический перелом на Восточном фронте в пользу Советов).

В январе 1942-го Воскобойник героически погиб в бою с диверсантами НКВД, скорее всего, специально присланными для его ликвидации. Руководство округом перешло к Каминскому, получившему впоследствии прозвище «хозяин брянских лесов». К осени того же года он создал мощное (до 20 тыс. штыков) антисоветское военное формирование — Русскую освободительную народную армию (РОНА), известную также как бригада Каминского. Отметим, что РОНА твердо позиционировала себя как союзную, а не как подчиненную немцам силу. На вооружении РОНА имела артиллерию и даже танки Т-34 в количестве 24 машин.

По площади Локотская республика превышала территорию Бельгии. Население РГО насчитывало 581 тысячу человек (по другим данным — до полутора миллионов). Можно понять, какую сокрушительную опасность этот плацдарм русского антисоветизма представлял для сталинской империи, и без того еле стоявшей на ногах.

Итак, «...к концу 1942 г. в тыловом районе 2-й немецкой танковой армии сложилось своеобразное государственное образование. Преобразованные на началах частного предпринимательства сельское хозяйство и торговля испытывали небывалый для того времени подъем. Были приведены в порядок и запущены в действие система школьного образования и медицинского обслуживания» («Материалы по истории РОД»). Было открыто 345 школ, в которых работали 1338 человек только педагогического персонала, 9 больниц, 37 медицинских пунктов, 3 детских дома, многие воспитанники которых осиротели в результате красно-партизанского террора. Приказом Каминского семилетнее образование объявлялось обязательным. Заработало множество промышленных предприятий, в том числе разрушенных советскими войсками при отступлении. Эффективно функционировал Локотский Государственный банк. В качестве временной денежной единицы имел хождение советский рубль (характерно, что не оккупационная марка).

Размер подушного земельного участка для каждого жителя РГО, в полном соответствии с объявленной выше программой, составлял 10 гектаров. У каждой сельской семьи была корова, не говоря уже о козах, свиньях и птице. Имущество, конфискованное в 30-е годы при раскулачивании, безвозмездно возвращалось законным хозяевам; если же оно было утрачено, то выплачивалась соответствующая компенсация.

В ноябре 1942 года открылся Городской художественно-драматический театр им. Воскобойника. Издавался орган локотского самоуправления — газета «Голос народа», велась широкая просветительская работа среди населения, в частности, читались лекции на темы «Германия сегодня», «Евреи и большевики», «Германо-советская война» и др. «Голос народа» пропагандировал стиль и образ жизни «новой Европы», здоровое отношение к труду и к собственности. Работала радиостанция Локтя. Проводилась государственная политика полной свободы совести: скажем, наряду с множеством православных церквей, открывались молельные дома баптистов.

Историческое значение Локотской республики трудно переоценить: впервые после уничтожения Москвой суверенитета русских княжеств «центрального» региона на земле Большого Залесья возник очаг полноценной, подлинно национальной государственности. Даже в чрезвычайных условиях военного времени властная вертикаль сочеталась в Локотской республике с вечевой системой сельских сходо́в, имевших реальное значение. Так, например, собрание села Докторово Кузнецовка отрешило от должности негодного старосту, что встретило полное понимание и поддержку со стороны газеты «Голос народа». Все это особо выразительно в сравнении с нашей мирной Эрэфией, где даже председатели садоводческих кооперативов скоро, вероятно, будут назначаться местной администрацией (есть такие идеи, я не шучу).

Каминцы сражались прежде всего с советскими лесными бандами, осуществлявшими массовый террор в отношении мирного населения края. Например, газета «Голос народа» писала:

«Население нашего округа достаточно хорошо знает, что такое сталинские партизаны-бандиты и что они несут для населения. Эти лесные бандиты несут с собой массовый террор... Они убивают не только рядовых работников новой власти, не только старост и полицейских, но и всех мужчин, которые только попадают им в руки.

Так, например, в Дмитровском районе эти сталинские бешеные собаки убивали лесников, учителей, рабочих, крестьян, шестидесятилетних стариков, инвалидов рыболовов, предварительно мучая их: они резали свои жертвы ножами, рубили топорами, вырезали куски кожи и позвонки, снимали черепа, отрубали головы.

То же делали эти кровопийцы и в Брасовском районе; захватив в конце апреля Тарасовку и Шемякино, бандиты партизаны замучили и расстреляли 115 человек местных жителей, в том числе много женщин и детей, причем половина этих жертв была подвергнута мукам и издевательствам: своим жертвам бандиты сначала отрубали пальцы рук и ног, выкалывали глаза, прокалывали шомполами уши, а через несколько дней совершенно измученных, истекавших кровью, уже полумертвых, расстреливали...»

Кроме ведения упорной и ожесточенной борьбы с советскими бандами, РОНА «выставляла часть на фронт под Дмитровск-Орловский в июле 1943. Осенью один полк ее стойко защищал Севск — и в этой защите уничтожен целиком: советские войска добивали и раненых, а командира полка привязали к танку и протащили насмерть» («Архипелаг ГУЛАГ»). РОНА прикрывала отход 2-й немецкой танковой армии и плановую эвакуацию гражданского населения Локотской республики.

К осени 1943 года краткая, но невероятно насыщенная и яркая история Локотской республики закончилась под натиском советских войск. Однако история РОНА имела свое драматическое продолжение, о котором не стоит умалчивать, хотя это и другая тема.

Летом 1944 года РОНА, отступившая вместе с германскими войсками, была преобразована в 29-ю гренадерскую дивизию СС (1-я русская). Каминскому, которому выразил признательность лично Гиммлер, был присвоен чин бригадефюрера СС (к тому времени он имел Железный крест 1-го класса за антипартизанскую борьбу в Белоруссии). В августе того же года дивизия Каминского была брошена на подавление Варшавского восстания (надо сказать, что до этого Каминский со свойственной ему независимостью отказывался действовать против польских националистов). Там РОНА, ожесточенная утратой родной земли и потерями, отличилась особой беспощадностью, показавшейся руководству СС чрезмерной. По наиболее распространенной версии, Каминский был втайне осужден германским военным трибуналом и расстрелян. Говорят, что комбриг узнал об уготованной ему судьбе и пытался уйти в Карпаты, к УПА, но был перехвачен по дороге. Его солдатам сказали, что он погиб в партизанской засаде. «Заботу о вдове и ребенке Каминского, как генерала войск СС, взяла на себя Национал-социалистическая служба попечения» («Материалы по истории РОД»). После этого многие воины РОНА покинули дивизию и влились в ряды белорусских «лесных братьев», Армии Крайовой и УПА (к тому времени идейно-политические расхождения между антисоветскими национальными движениями Восточной Европы отошли на второй план). Те, кто смог добраться до родных мест, сражались в рядах повстанческого движения на Брянщине и Орловщине в послевоенные годы.

Остается добавить, что при отступлении вместе с РОНА на запад ушло более 50 тысяч мирных жителей, не желавших прозябать под коммунистическим гнетом. «Можно представить, как, дорвавшись, прочесывало НКВД этот автономный антисоветский район!», – пишет Александр Солженицын.

Вот лишь один из эпизодов: «Когда советские войска захватили Комаричи, то сразу начались поиски тех, кто сотрудничал с немцами. На расспросы военных соседи указали на школьницу Тамару Платонову, закончившую весной шестой класс. Она жила в доме Ф.Ф.Извекова, в этом же доме квартировала небольшая немецкая часть, командиром которой был фельдфебель Hans Adolf Wulf. Ей приходилось помогать немцам по хозяйству, и они жили мирно и спокойно. Советские солдаты схватили девочку и утащили ее в лес. Что там происходило, мы не знаем, не хотели, что бы мы это знали те, кто это делал, поэтому они тщательно спрятали следы своих преступлений. Труп не смогли обнаружить ни родственники, ни мать, военврач, примчавшаяся с фронта на поиски дочери. Лишь на ветвях деревьев были обнаружены клочья волос Тамары. По-видимому, шестиклассница смогла дать отпор своим палачам в свой предсмертный час».

Герои-каминцы, не пожелавшие уходить на запад, продолжали в Брянских лесах повстанческую борьбу с Совдепом до 1951 года. Уже в 1945-46 гг. против антисоветских повстанцев Орловщины и Брянщины были брошены крупные соединения НКВД, усиленные артиллерией и танками. Многочисленные карательные операции кремля на территории бывшей Локотской республики, по мнению исследователя Сергея Веревкина, вполне можно считать «геноцидом локотчан». Не только народы Балтии и украинцы сражались с совком вплоть до начала 50-х гг., но и наш русский народ Залесья! У нас тоже были свои «лесные братья». У нас тоже найдутся свои ветераны освободительной борьбы, которые могли бы однажды пройти парадом по улицам родного Локтя. Воскобойника и Каминского пора осмыслить как наших, залесских, Жемайтиса и Шухевича.

Разумеется, опыт Локотской республики (РГО) конкретно-историчен и не может быть для нас безусловным. Тем не менее в главном он может и должен стать важной составляющей проекта «Республика Залесская Русь», а память о Локте еще сыграет свою роль в становлении залесского самосознания. И хотя отцы-основатели Локотской республики по инерции формулировали «всероссийские» цели и задачи, нередко обусловленные духом времени, объективно их борьба и сейчас служит делу регионализма Большого Залесья.

По каким параметрам опыт Локтя актуален для проекта «Залесье»? Во-первых, в плане дальнейшей десоветизации массового сознания населения нашего региона. Во-вторых, как выдающийся пример народной самоорганизации и самоуправления. В третьих, как важный элемент формирования русского залесского национализма – вроде того, что мы наблюдаем сегодня в Балтии и в Украине. В четвертых, Локотский феномен свидетельствует, что в «центральном» регионе вполне возможно создать полноценное русское национальное государство, демократическое и развитое. Практически, Локоть – это зерно, из которого может произрасти новая, современная европейская страна: Республика Залесская Русь. Точнее сказать, одно из зерен.

ОКТАБРЬ

Едва сады, встречая осень,
Возденут сучья-раскоряки –
Я слышу гулкие колеса
И камень гложущие траки.
Шурша, за банками солений
Листовку вражескую прячу.
Я – дух убитых поколений,
Встречаю снег на старой даче.
Я обитаю в зоне риска,
Я вне сезона, вне сознания.
И забиваю черным списком
Пазов белесое дыхание.
Я на восток не убегаю.
Живу среди пустых скворешен,
И чую: дышится снегами
И переменою скорейшей.
Я – отщепец, я – подонок.
Мои костры пылают смрадно,
Потоки серых пятитонков
В Сибирь напутствуя злорадно.
Моя ботва пылает дымно.
И мне в разрывах непогоды
Качают крыльями интимно
Посланцы мира и свободы.
Вдали курлычет электричка.
Там на Москву берут билеты.

А я – отбившаяся птичка
В просторах вымершего лета.
Моя земля – ты не уснула.
Твои равнины – как нирвана.
Ты внимлешь внутреннему гулу
Грядущего Гудериана.
Ложатся припорохи Нави
На лоб единственного руса,
На подмороженные травы,
На черноту Десны и Рузы.
О как вокруг светло и пусто!
И, по-немецки окликаая,
Ко мне по заморозкам с хрустом
Идет вселенная иная.

-2-

Налетал за порывом порыв,
И сухая листва догорала...
Коммунисты спалили архив,
И проселком умчались к Уралу.
В коридорах глухих – ни души.
Красный отсвет отрывист и смутен.
Немец пепл сапогом ворошит:
«Что тут было? И что еще будет?»
Он, затянутый в черный кожан,
Все глядит в догорающий пламень...
А над полем вороны кружат,
Ворожа нашу плоскую память.

Так зависла, не помня себя,
На трапециях ветра и дыма
Без конца и начала – судьба,
Без конца и начала – равнина.
Все сойдет – до последней версты,
До травинки, кровинки, листочка,
И зальет молоко пустоты
Мотоцикла немецкого точку.
2004-2006.

Расовая революция в США

Первые выводы из победы Барака Обамы.

В США произошла расовая революция. В этом главный смысл события. Началось с диссидента Мартина Лютера Кинга – закончилось президентом Обамой. Еще в 60-х Америка была, в общем, белой страной. Трансформация, увенчавшаяся выборами Обамы, произошла в течение примерно 30-40 лет – срок для истории ничтожный.

Американская элита «меняет кожу». Показательна позиция Колина Пауэла, который, поправ партийную дисциплину, открыто поддержал Обаму.

Характерна установка Обамы на перераспределение доходов состоятельных слоев населения в пользу «бедных». Если учитывать, что «бедные» – в основном цветные, а состоятельные – в основном белые, то суть этой красной экономической политики "раскулачивания" становится вполне очевидной.

При этом – уникальная концентрация власти в руках одной партии. Став хозяевами Белого дома, демократы, к тому же, обладают и большинством в Конгрессе.

США превращаются в «Советский Союз»? По аналогии с СССР, жившим за счет эксплуатации русского большинства, новые США, похоже, собираются жить за счет эксплуатации белого населения.

Соответственно, США вполне могут повторить судьбу СССР. Ответом белых будет дальнейший рост регионализма и сепаратизма, имеющий расовую подоплеку. Становится реальным выход из Союза штатов, имеющих преимущественно белое население. Редко соглашаюсь с Жириком, но, похоже, Обама действительно может стать последним президентом США, после которого «будет другая страна с другой валютой». Вернее, страны. Но возможно, этот тот самый случай, когда чем хуже, тем лучше. Белые американцы, наконец, получают возможность порвать с имперским «плавильным котлом» и начать свою другую историю.

Но это – гипотезы.

Реальность – лидирующую страну Севера возглавил цветной, да к тому же страдающий начальной формой большевизма. Это не просто революция. В этом есть нечто, простите, «апокалиптическое».

Черный Передел

Итак, президентом США впервые в истории стал негр. Не хочу пугать, но это событие глобальной значимости. Прежде всего, оно задаст всему «белому миру» новые, гораздо более радикальные стандарты «большевизма» политкорректности.

В самой Америке, несомненно, усилится морально-политический террор со стороны цветных в отношении белых. Самое время вспомнить, что Барак Обама как деятель во многом сформировался в негритянских трущобах Чикаго, где проработал три года после окончания колледжа. Оттуда же родом его жена Мишель. По сей день он любит заходить в заведения, где обслуживают только черных. Более того: «Объединенная Церковь Христа», к которой принадлежит Обама, тоже довольно специфическая организация. Руководитель ее филиала в Иллинойсе (прихожанином которого и является Обама) – афроамериканец Джереми Райт. Он помогал Фаррахану (лидеру организации черных экстремистов «Нация Ислама» – А.Ш.) организовать «Марш миллиона черных мужчин» на Вашингтон в 1995 году. Сейчас Райт издает журнал Trumpet, в котором регулярно восхваляет Фаррахана, а недавно еще и вручил «черному исламисту» премию. Именно Райт благословил Обаму и перед выборами в Сенат (во время которых оба конкурента Обамы странным образом сняли свои кандидатуры) и перед нынешними выборами» («Аргументы недели» от 21 февраля 2008).

Джереми Райт подчеркивает: «Барак знает, что означает быть чернокожим и жить в стране и культуре, которая контролируется богатыми белыми». В конце концов, Обама был вынужден отмежеваться от чересчур откровенных высказываний своего духовника, но при этом подчеркнул, что Райт остается, по сути, «членом его семьи».

Сам же Луис Фаррахан громогласно назвал Обаму «надежной всего мира» и даже «мессией» и сравнил с основателем «Нации Ислама» Фард Мухаммадом..

Кроме того, прослеживаются связи Обамы с Советом по Американо-Исламским Отношениям (CAIR). Напомним, что эта структура в 2007 году была внесена правительством США в список «не осужденных участников заговора» в связи с делом о финансировании организации ХАМАС. Дэниэл Пайпс уверен, что у Обамы есть «задолженность – возникшая в процессе развития его карьеры – экстремистскому исламу». Д. Пайпс приводит целый букет имен исламистских деятелей, так или иначе сотрудничавших с Обамой. Очевидно, исламистов вдохновляет мусульманское отчество Обамы – Хусейнович. В этой связи любопытно мнение Ли Смита из Гудзоновского института, высказанное им еще во время предвыборных баталий: «Отец Обамы был мусульманином и поэтому, согласно исламским законам, им является и кандидат (в президенты)...». Ведущий постоянной колонки в «Нью-Йорк Таймс» Никола Кристоф пишет, что Обама как-то признался ему: звуки мусульманского призыва на молитву – это самые прекрасные звуки в мире. Вряд ли случайно, что одну из дочерей Обамы зовут Малия – это имя дочери известного исламского халифа Отмана. Вот тебе и «христианин»...

Но это далеко не все грани личности новоизбранного президента. Бывший посол Эстонии в России Март Хельме прямо сказал, что «Обама ранее был связан с коммунистическим движением, которое финансировалось из Москвы». Всем памятен скандал, вызванный появлением фотоснимка, на котором сотрудники одного из

предвыборных штабов черного кандидата красуются на фоне портрета «героя Третьего мира» – Че Гевары. В связи с этим бывший главный политический советник президента США Джорджа Буша Карл Роув заявил: «Он (Обама) придерживается крайне левых взглядов. Когда в его штабе в Техасе был обнаружен коммунистический флаг, портреты Фиделя Кастро и других революционеров, таких как Че Гевара, в главном штабе Обамы просто пожали плечами».

Стоит упомянуть и о дружбе Обамы с известным левым радикалом Уильямом Айерсом, в 70-е годы готовившим ряд крупных терактов. Сейчас Айерс является профессором Университета штат Иллинойс в Чикаго и не раскаивается в своем прошлом. Дети Обамы и Айерса ходят в одну школу. Вероятно, неспроста Компартия США поддержала кандидатуру Обамы в передовице на своем сайте.

Каким образом деятель с такими связями, прямыми и косвенными, смог стать кандидатом в президенты от демократов, а потом и президентом – вопрос, конечно, интересный. Равно как и вопрос «Откуда деньги?». Об этом рассказывают много разного.

Например, М. Стурау пишет: «Обаму финансируют такие титаны Уолл-стрита, как крупнейший в США банк "Ситигруп", "Леман бразерс", "Оппенгеймер и Ко", голливудские магнаты, фармацевтические и страховые компании, индейские казино, лопающиеся от наличности» («МК» от 4 февраля 2008). Говорят, к начальной раскрутке Обамы приложил руку Сорос – «миллиардер, ненавидящий капитализм» и стремившийся сделать из молодого шустрого политика эдакого черного Ленина. Напомним также, что Маккейн обвинял Обаму в том, что тот скрывает от общественности источники финансирования своей избирательной кампании. В октябре кандидат от республиканцев заявил, что огромные спонсорские средства, привлекаемые Обамой для своей избирательной кампании, «идут вразрез с правилами, которые установлены после Уотергейтского скандала». По словам Маккейна, Обама получил «более 200 миллионов долларов от граждан, о которых ничего не известно». Кроме того, республиканцы выражали уверенность, что их оппонент незаконно получает деньги от иностранцев. Среди спонсоров Обамы называют криминальный бизнес и даже отделение ХАМАСа в Газе (положительные отзывы одного из деятелей этой организации об Обаме, действительно, известны). Не хочу распутывать конспирологические клубки, если таковые и есть, но, возможно, кто-то очень хочет «встряхнуть» Америку, сместить ее с тех оснований, на которых она стояла в течение двухсот лет. Характерно, что в лексиконе Обамы наличествует слово «перестройка», что позволило многим наблюдателям сравнивать его с Горбачевым. Но, похоже, это чересчур мягкая аналогия...

Цветные воспринимают победу Обамы как свой исторический триумф. Известный негритянский певец и танцор Ашер, принимавший активное участие в избирательной кампании черного кандидата, заявил: «Это войдет в историю, в историю черных, за все те жертвы, которые принесли великие Джозеф Лоуэри и Мартин Лютер Кинг, это плата за их жертвы. Великая Роза Ли Паркс... Столько людей принесли себя в жертву, чтобы у нас было право голоса».

Победа Обамы, несомненно, сильно повлияет на самосознание цветного населения США, сделает его более радикальным, более агрессивным. Ну с чем бы это сравнить? Представьте, что президентом России стал чеченец. Пусть и образованный, типа Владислава Суркова. Понимаю, что аналогия довольно условная с точки зрения политической, но она абсолютно верна психологически. Наверное, американские черные сейчас переживают примерно тоже, что и после победы северян в Гражданской войне 1861-65 гг. Это чувства торжества и жажды реванша, только неизмеримо более сильные, чем тогда, после победы армии Линкольна. Ведь сегодня черный с триумфом занял Белый дом! Вспомним, опять же, нашу голытьбу и шпану эпохи революции – вероятно, ее эмоции в чем-то сопоставимы с бурной радостью

сегодняшних «афроамериканцев», только у последних она замешана не на классовом, а на расовом чувстве; хотя желание заставить белых «делиться», конечно, есть, да еще какое! Разумеется, это весьма опасные настроения, могущие вызвать самые разрушительные социальные последствия. Мишель Обама, «бойцовый пес» своего мужа, прямо заявляет: «С первого же дня инаугурации Барака он обратится с посланием к таким же юным цветным, какой когда-то была и я, и скажет им, что и их место за столом, где сейчас сидят только те, кто считает, что это место принадлежит им по праву избранных». Отметим, что в отличие от Обамы, старающегося сохранять некое политическое равновесие, его супруга в своих пламенных речах не стесняется апеллировать к расовому фактору.

При этом наверняка огромная часть белого населения переживает победу Обамы как национальную катастрофу. Эти белые понимают, что отныне они будут жить в другой Америке. Проиграл не просто Маккейн. Проиграла белая Америка. Проиграла Америка, основанная Вашингтоном и Франклином, известная нам по книгам Джека Лондона и Брет Гарта. Ведь что предложили республиканцы, выдвинув Сару Пейлин? Классический образ белой Америки – свободной, красивой, успешной, владеющей личным оружием, не приемлющей социальной уравниловки и государственного централизма. И этот образ не сработал. Немалая часть белых все-таки предпочла цветного авантюриста с путаной биографией и откровенно социалистическими замашками в духе «отнять и поделить». Проханов, недавно выступавший по радио, в данном случае прав: белая составляющая населения Соединенных Штатов в значительной мере деградировала.

Прежней Америки больше нет. Ее линчевала политкорректность.

Эффект от победы Обамы, подобно мощной взрывной волне, расходится далеко за пределы США. Ликует родина отца Обамы – Кения (Барак намерен отвалить около триллиона долларов на борьбу с «глобальной бедностью», прежде всего, конечно, в Африке), ликуют цветные в городах Европы, ликует Третий мир, «Юг». Еще бы: «наш человек» засел у руля ведущей страны «Севера»! Теперь исчезнут последние «расовые предрассудки», куцые ограничения миграции и восторжествует тотальная «толерантность» и социальная халява. Несомненно, что глобальное противостояние по схеме «Север-Юг» получило новый стимул и обрело новое качество.

Победа Обамы чревата последствиями, которые изменят всю расовую карту мира, в том числе и России. Это событие по значению и переломности вполне сопоставимо с 1945 годом. Ноябрьская революция в США – это пролог к мировой расово-социальной «перестройке», точнее, к всемирному «черному переделу».

ВСПОМНИМ ТУ ОСЕНЬ!..

17 ноября 1941 года появился секретный Приказ Ставки Верховного Главного Командования № 0428.

Он гласил:

«Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в

населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

4. Военным советам фронтов и отдельных армий систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта. Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты.

Ставка Верховного Главного Командования:

И. Сталин

Б. Шапошников».

(Источник: Сталин И.В. Сочинения. – Т. 18. – Тверь: Информационно- издательский центр «Союз», 2006. С. 283–284.)

Тут мы сталкиваемся с очередной советской загадкой. Известный писатель Владимир Батшев, ответственно ссылаясь на Центральный архив Министерства обороны СССР, в своей четырехтомной эпопее «Власов» (т. 1, стр. 214, из-во «Мосты-Литературный

европеец», Франкфурт-на-Майне, 2001/2005) приводит другой вариант текста зловещего сталинского приказа.

«Из приказа Ставки Верховного Главнокомандования

№ 0428 от 17 ноября 1941 года:

«Все населенные пункты на расстоянии 40-60 км вглубь от линии фронта и на 20-30 км по левую и правую сторону от дорог, в которых находятся вражеские войска, должны быть сожжены и разрушены. Для уничтожения населенных пунктов в означенном радиусе приказываю использовать авиацию, артиллерию, а также команды разведчиков, лыжников и партизанские группы, которые должны быть оснащены бутылками с поджигательной смесью.

При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать.

...Большинство задействованных на этом важном государственном задании ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПЕРЕОДЕТЫ В ТРОФЕЙНУЮ ФОРМУ ГЕРМАНСКОГО ВЕРМАХТА И ВОЙСК СС (выделено мной – А.Ш.).

Следует обратить внимание, чтобы после «карательной экспедиции» оставались свидетели, которые затем смогут поведать о злодеяниях фашистов. Это возбудит ненависть к фашистским оккупантам, облегчит вербовку партизан в тылу врага.

...Формирования, занятые в этом смелом предприятии, должны состоять из мужественных бойцов, которые должны быть представлены к правительственным наградам.

Ставка Верховного Главнокомандования

Верховный Главнокомандующий И. СТАЛИН

Начальник Генштаба Б. ШАПОШНИКОВ»».

(Источник: ЦАМО СССР. Ф. 353. Оп. 5864. Д.1 Л.2).

Возникает вопрос: не является ли первый, наиболее распространенный вариант сталинского приказа, результатом позднейшего «редактирования»? Или есть другие разумные объяснения? Я лично их не нахожу. Разумеется, оба варианта приказа – изуверские. Однако второй вариант, приводимый В. Батшевым, прямо предписывает красной армии прибегать к особо жестоким и подлым методам терроризирования собственного населения. В. Батшев утверждает, что имеет «свидетельства людей из сожженных чекистами в немецкой форме деревень». По словам писателя, темой мифов о ВОВ он занимается с 1965 года, когда Владимир Буковский рассказал ему «о советских убийцах и поджигателях, переодетых в форму СС». Отметим, что эта тактика террора и провокаций широко применялась совком и в дальнейшем: например, после войны в Украине зверствовали энкавэдэшники, переодетые в форму бойцов УПА.

Именно во исполнение сталинского приказа № 0428 действовала Зоя Космодемьянская, пытавшаяся в составе советской террористической группы сжечь подмосковную деревню Петрищево (всего же отряд, в котором состояла Космодемьянская, должен был в течение 5-7 дней уничтожить около 10 русских деревень). Как известно, красная фанатичка, успевшая вместе со своими

сообщниками спалить три избы, была поймана немцами 28 ноября 1941 года при содействии крестьян, не желавших зимовать на улице (по признанию маршала Жукова, сталинский приказ повсеместно столкнулся с «активным неприятием местных жителей»). На следующий день «героиня», накануне войны успевшая побывать в столичном дурдоме вместе с Аркадием Гайдаром (см. об этом у В. Батшева), была прилюдно казнена как поджигатель домов. По утверждению писателя Николая Анова, беседовавшего с учительницей из Петрищево, после возвращения совка многих сельчан репрессировали.

Надо отметить, что стратегия «выжженной земли» широко применялась советской военщиной и до появления приказа № 0428. Так, например, газета «Новое слово», издававшаяся на территории, освобожденной от Советов, в номере от 13 мая 1942 года вспоминала события начала октября 41-го в городе Бежица Брянской области:

«Приказ Сталина “жечь и уничтожать все при отступлении” хорошо знали все жители города Бежицы (Орджоникидзеграда). К этому страшному дню жители с волнением готовились, чтобы спасти свои собственные дома и детей. Около каждого дома были приготовлены бочки с водой, песок, лопаты. У некоторых смельчаков за дверьми стояли вилы и топоры на случай удобного момента угостить поджигателей. 8 октября 1941 года раздался оглушительный взрыв на заводе “Красный Профинтерн”. Это и был условный знак для поджигателей. Показались клубы черного дыма во всех частях города. Загорелись заводы, склады, магазины, школы, поликлиника, жилища. Город окутался дымом, дышать было нечем. Крики детей и стоны женщин были слышны во всех концах города. Этого страшного дня десятки тысяч жителей Бежицы не забудут никогда.

По всем улицам города разъезжали на автомобилях и верхом на лошадях работники НКВД и жидовские комиссары и проверяли работы поджигателей.

“По Елецкой улице бежал жид в шинели, – рассказывает один из очевидцев, – в одной руке у него был наган, а в другой бутылка с бензином. Он кричал во все горло: “Выходите все на луг, будем поджигать все ваши дома”.

Этот комиссар вместе с секретарем горсовета, коммунистом Морозовым, почти последними из поджигателей бежали из города, угрожая смертью встречавшимся жителям.

На Малоорловской улице, например, многие женщины выхватывали детей из пламени через окна горящих домов. Имущество их, конечно, все сгорело» (В. Батшев, «Власов», т.1, стр. 446).

Из эпопеи В. Батшева узнаем: согласно Донесению о ходе выполнения приказа Ставки за № 0428, подписанному заместителем начальника оперативного отдела 5-й армии подполковником Переверткиным, уже к 25 ноября 1941 года отступавшей красной военщиной было уничтожено полностью и разрушено частично свыше пятидесяти русских деревень Подмосковья (т. 1, стр. 215-217).

Из воспоминаний генерала армии Н. Ляшенко: «В конце 1941 года я командовал полком. Стояли в обороне. Перед нами виднелись два села, как сейчас помню: Банновское и Пришиб. Из дивизии пришел приказ: жечь села в пределах досягаемости. Когда я в землянке уточнял детали, как выполнять приказ, неожиданно, нарушив всякую субординацию, вмешался пожилой боец-связист:

- Товарищ майор! Это мое село... Там жена, дети, сестра с детьми... Как же это – жечь?! Погибнут ведь все!..». Связисту повезло: до этих сел у советской армии руки не дошли.

Исследователи признают, что «проведение в жизнь приказа № 0428 выгнало на холод не столько немцев, сколько не успевших эвакуироваться мирных жителей. Тысячи женщин, стариков и детей были лишены крыши над головой в суровую зиму 1941/1942 гг.».

Как отмечают, «Гейбельс удачно использовал этот приказ в идеологической войне против СССР. На стенах домов в оккупированных городах появились миллионы плакатов, на которых Сталин с факелом в руке поджигал крестьянские избы».

В страхе за свою шкуру, Сталин действовал не только огнем, но и... водой. Прямым повелителем стихий, «Саурон», е-мое.

Из книги (ДСП) «Разгром немецких войск под Москвой» (под редакцией маршала Шапошникова): «24 ноября немцы вплотную подошли к рубежу Истринское водохранилище, река Истра. С приближением немцев к этому рубежу водоспуски водохранилища были взорваны (по окончании переправы наших войск), в результате чего образовался водяной поток высотой до 2,5 м на протяжении до 50 км к югу от водохранилища. Попытки немцев закрыть водоспуски успехом не увенчались». Волна накрыла густонаселенные окраины города Истры, Павловской слободы и множество деревень. Напомним, что все это происходило в лютую, уже зимнюю стужу, когда не то что «искупаться», а просто промочить ноги смертельно опасно.

Журналист Искандер Кузеев пишет в газете «Совершенно секретно» (№ 7, 2008): «Маршал Шапошников поскромничал насчет высоты водного потока. Уровень Истринского водохранилища -168 м над уровнем моря. Течение реки Истры за плотиной находится на урезе в 143 метра, в Павловской Слободе -134 метра. Напор огромного объема воды шел, как пишет Шапошников, на 50 километров, то есть до Москвы-реки (уровень которой при впадении Истры, чуть выше Рублевской плотины, составляет 124 метра). Таким образом, высота потока, смывавшего все на своем пути, составляла не менее 25 метров (заряд был заложен в основание водоспусков, затронув и так называемый мертвый объем, который остается в водохранилище при плановых весенних сбросах паводковых вод). Если учитывать падение потока до Москвы-реки, суммарный напор достигает сорока метров».

Кроме того, стремясь любой ценой остановить наступление немцев на северных подступах к Москве, Сталин 26 ноября отдал приказ о затоплении долин рек Сестра и Яхромы. Последняя поднялась на 4 метра, Сестра на 6 метров. На территории от Дмитрова до Конакова возникло «рукотворное море». В результате сталинских гидротехнических «мероприятий», как полагает исследователь М. Архипов, под водой оказалось более 30 деревень. О количестве человеческих жертв можно только догадываться.

«Жители многих сел и поселков в долине Яхромы и Сестры вспоминать подобные истории уже не могут. Потому что вспоминать некому. Многие деревни были затоплены полностью. Особенно те, которые расположены в пойме Яхромы – между многочисленными протоками мелких каналов местных торфопредприятий. Некоторым, правда, повезло. Жителей Лугового поселка спасли стены и башни старинного Николо-Пешношского монастыря (там сейчас размещается психоневрологический интернат №3 г. Москвы)» («Совершенно секретно», № 7, 2008).

В случае непосредственной угрозы взятия Москвы немцами, сразу же после отбытия товарища Сталина на восток, НКВД планировал взрыв Химкинской плотины. В результате столица превратилась бы в огромное озеро. Москвичей можно было не жалеть: Сталин знал, что в городе, после бегства евреев и номенклатуры, остались те, кто по большей части спокойно, а то и с надеждой ждет немцев. Журналист И.

Кузеев пишет: «После войны идею затопления столицы России стали приписывать Гитлеру. У московского драматурга и режиссера Андрея Вишневского появилась даже пьеса «Moskauensee» о жизни в послевоенной Москве (на озере, образовавшемся после победы Гитлера). Однако затопление столицы силами войск НКВД было неизбежным именно после отъезда Сталина» («Совершенно секретно»). В том, что этот чудовищный план был бы исполнен, сомневаться не приходится: вспомним судьбу исторического центра Киева, который после прихода немцев был взорван советской агентурой с помощью заранее заложенных фугасов.

Резюме. 1). Осенью 41-го в очередной раз в полной мере проявилось отношение совка к собственному населению. Совок не щадил русских в мирное время, а когда встал вопрос о его жизни и смерти – и подавно. Что такое спаленные деревни и даже затопленная Москва после двух десятилетий красного геноцида? 2). Кремлевских правителей спасло не «чудо от иконы Казанской Божьей матери», а обычное ордынско-имперское изуверство, доведенное большевиками до совершенства. 3). Огонь и вода осени 41-го увенчались в 45-м «медными трубами» победного сталинского тоста за «здоровье русского народа». К несчастью, мы, русские, до сих пор так и не осознали этот большевистский цинизм.

Голодомор – это геноцид

22 ноября в Украине – День памяти жертв Голодомора.

...Еще в 1984 году американская правительственная комиссия под руководством Джеймса Мейса заявила, что «Сталин и его окружение совершили геноцид против украинцев в 1932-33 гг.». В 1989 г. Международная комиссия юристов под руководством Джейкоба Сандберга определила Голодомор как геноцид, имевший целью подавление «традиционного украинского национализма». В 2003 г., в ответ на соответствующие инициативы Украины в ООН, сенат Канады призвал правительство признать Голодомор геноцидом. В том же году сенат Аргентины принял «Декларацию памяти жертв Голодомора на Украине», а палата представителей Конгресса США – резолюцию, в которой Голодомор назван «актом террора и массового убийства, направленным против украинского народа». Тогда же сенат Австралии определил Голодомор как «одно из самых ужасных проявлений геноцида в истории человечества», а парламент Венгрии – как «геноцид, заранее спланированный сталинско-советским режимом». В 2005 году Сейм Литвы признал Голодомор «тщательно спланированным геноцидом народа Украины», а в 2006-м парламент Грузии сделал заявление о Голодоморе как о «преднамеренном геноциде украинцев». В 2007 году Конгресс депутатов Испании, парламент Перу и Национальный конгресс Эквадора определили Голодомор как акт геноцида. В том же году Французская национальная ассамблея зарегистрировала законопроект «О признании Голодомора 1932-33 гг. геноцидом украинского народа».

Убежден, что это только начало.

Таково мнение нормальных государств. Но у Эрэфии, которая, очевидно, к таковым не относится, особая точка зрения. Так, 19 ноября прошлого года Департамент информации и печати МИД РФ заявил, что украинское определение Голодомора как геноцида является «искажением истории». Примечательно, что этому демаршу российского МИДа предшествовала грязная вылазка хунвейбинов из Евразийского союза молодежи, разгромивших в Украинском центре на Арбате выставку, приуроченную к очередной годовщине Голодомора.

В марте этого года представитель России в Совете ООН по правам человека призвал мировую общественность «отказаться от попыток квалифицировать массовый голод 30-х годов как геноцид». При этом российский чиновник сослался на Конвенцию о геноциде (1948). Согласно этому документу, геноцид – это «истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде (биологический геноцид)». Российская сторона тщится доказать, что Голодомор на Украине не был направлен против украинцев как нации и потому, дескать, не попадает под определение «геноцид».

Дадим слово Наталии Дзюбенко-Мейс, жене гарвардского исследователя Голодомора Д. Мейса, редактору книги о Голодоморе: «Если миллионы людей, которые проживают на территории определенного государства, истребляются, умирают голодной смертью, отчего это нельзя считать геноцидом?.. На каком-то собрании ООН, когда формулировалось это понятие геноцида, то именно советские дипломаты настояли, чтобы в определении ООН среди признаков геноцида не было “классового” признака. Раньше советские дипломаты не позволили ввести “классовый” признак в международное понятие геноцида, а теперь их последователи борются против того, чтобы считать истребление наших людей геноцидом».

Да, верно: опять видны уши Совка. Понятно, что если бы международное определение геноцида включало в себя «классовый» признак, то Советский Союз можно было бы смело квалифицировать как преступное государство, а коммунизм – как преступную идеологию со всеми вытекающими последствиями. Однако в 1948 году Совок был еще достаточно влиятелен, чтобы не допустить этого.

Но отсутствует ли в Голодоморе национальный признак? Во-первых, сам товарищ Сталин признавал, что национальное и крестьянское порой тождественны до степени смешения: «Национальная проблема, в самой своей сути, это крестьянская проблема». Историки констатируют, что именно на 1932-33 гг. приходится «усиление антиукраинской и антиказахьей риторики Сталина». Сталин писал в письме к Кагановичу, что партийный и государственный аппарат на Украине кишит «националистами и польскими шпионами». Более того: «отец народов» открыто заявлял в этом письме, что в любой момент СССР может потерять Украину. Кроме того, именно в начале 30-х гг. началась кампания по деукраинизации Кубани – наследницы Запорожской Сечи.

А вот что писала «Пролетарская правда» от 22 января 1930 года: «Уничтожение социальной базы украинского национализма – индивидуальных крестьянских хозяйств – было одним из основных задач коллективизации на Украине...» Вот как получается: оказывается, «одной из основных задач» коллективизации в Украине было уничтожение украинского национализма! Товарищ Балицкий, тогдашний руководитель ОГПУ Украины, прямо говорил: «В 1933 году кулак ОГПУ ударил в двух направлениях: сначала его удар ощутили на себе кулаческие петлюровские элементы на селе, а во-вторых, главные ячейки национализма». Похоже, что подавление национализма было ГЛАВНОЙ задачей коллективизации и искусственного голода в Украине. «Предотвращение вспышки украинского сепаратизма в ситуации социально-политического кризиса, охватившего СССР» – так Институт истории Украины определяет цель Голодомора. В Украине это хорошо сознавали еще в 1933 году. В самый разгар Голодомора в редакцию газеты «Коммунист» пришло анонимное письмо из Полтавы с четкой формулировкой: «Физическое уничтожение украинской нации, истощение ее материальных и духовных ресурсов является одним из важных пунктов негласной программы большевистского централизма».

Да, массовый голод был и на Дону, и в Поволжье, и на Южном Урале, и в Западной Сибири, и в Казахстане. Однако такого террора голодом (определение Р. Конквеста), как в Украине и на Кубани, связанной с Украиной этнически и культурно, не было нигде. Изымалось ВСЕ продовольствие подчистую, прекращался подвоз товаров, запрещалась кооперативная и государственная торговля, а главное, умирающим от голода людям не давали возможности выехать из районов бедствия, превращенных в резервации. Именно ради этого 4 декабря 1932 года был принят закон о системе внутренней паспортизации, фактически означавший для крестьян новое крепостное право. Более того: специально для украинцев 22 января 1933 года была выпущена «Директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР в связи с массовым выездом крестьян за пределы Украины». Как видим, налицо истребление «отдельных групп населения», «умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное уничтожение этих групп» – это из международного определения геноцида. Плюс национальный признак: «уничтожение социальной базы украинского национализма», борьба с украинским сепаратизмом путем массового умерщвления украинцев. А это уже классический геноцид, даже в его нынешнем определении, выработанном при участии советских коммунистов. Таким образом, можно смело утверждать, что именно применительно к Украине коллективизация стала классической формой геноцида.

Даже историк Михаил Назаров, которого в силу его монархических убеждений, трудно заподозрить в симпатиях к украинскому национализму, признает: «Несомненно, что Украина как главная житница страны и преимущественно земледельческая, крестьянская территория понесла наибольшие жертвы. Также и потому, что она по своей патриархальной “частнособственнической” крестьянской психологии оказала наибольшее сопротивление марксистской коллективизации и вызвала наибольшие карательные меры.

Поэтому можно с полным основанием говорить, что это был геноцид основной, крестьянско-христианской, части населения Украины...»

Отделение Украины от Империи всегда означало гибель последней. Именно поэтому Москва столь болезненно переживает украинскую самостийность – она нанесла Империи незаживающую рану. Без Украины Империя ущербна. Сталин прекрасно понимал, что Украина с ее колоссальным антисоветским и антиимперским потенциалом представляет страшную угрозу самому существованию Советского Союза – он хорошо помнил крестьянскую «мелкобуржуазную стихию», с которой столкнулся в Украине еще в годы гражданской войны. Неспроста он, даже после 1945 года, в пору своего наивысшего могущества, лично отслеживал борьбу с украинским национально-освободительным движением. Есть данные, что в 1949 году Кремль намечал даже депортацию молодежи Западной Украины в Донбасс. Поэтому, конечно же, Голодомор в Украине носил характер борьбы с Украиной как таковой, имея все признаки геноцида.

Почему же нынешняя Россия отказывается считать украинский голодомор геноцидом, регулярно предпринимая, по словам МИД Украины, «циничные попытки унижить и опорочить память» миллионов жертв «коммунистического тоталитарного режима»? Да потому, что Эрэфия является правопреемницей этого режима, а стало быть, должна нести ответственность за преступления Совка. Вся правящая российская элита кровно связана с преступным Совком, поскольку именно из него происходит. Тот же Путин – выходец из преступной организации, кабинеты которой по сей день украшены портретами преступника Дзержинского. Россия остается глубоко советским государством – и по форме, и по содержанию. Можно ли ждать признания Голодомора геноцидом от политических наследников Сталина и Кагановича? Тема Голодомора – это шапка, горящая на голове нынешнего российского государства. Желание прикрыться от такого соседа членством в НАТО вполне объяснимо.<...>

Казалось бы, почему бы российскому государству в свою очередь не объявить Совок преступным режимом, проводившим политику геноцида русского народа? Тем более, что так оно и есть. Но подобные упования – то же самое, что и надежды на чистосердечное раскаяние серийного убийцы, поскольку, повторяю, Эрэфия громогласно, на каждом перекрестке, подтверждает свое правопреемство с кровавым Совком. Единственное, что остается Кремлю – прятаться за спину русского народа, апеллируя к его национальным чувствам: смотри, мол, до чего дошли «хохлы», в геноциде тебя обвиняют! Русофобия! Кремль, как всегда, пытается поймать русских в ментальную ловушку, заставив их отождествлять себя с Империей, а значит – и разделять с нею ответственность за ее преступления. Свою жертву – русский народ – Империя хочет выставить в роли соучастника собственных злодеяний. Поразительно, что этому гипнозу имперщины и советчины оказались подвержены не только обыватели, но и такие люди как Солженицын, вечная ему память.

Между тем, ни в одной из своих речей или статей Виктор Ющенко не обвиняет в Голодоморе русских. Да, украинские национал-демократы прямо говорят, что Голодомор, был «организован Москвой, извечным врагом Украины». Но Москва – это извечный враг и самих русских, еще с тех времен, когда московские деспоты, пользуясь ордынской «крышей», подминали под себя независимые русские государства, а затем на русских костях строили по лекалам Орды и Византии российскую империю (большевики лишь продолжили эту традицию централизма).

Именно Москва веками превращала нас, русских, в унифицированных «москалей», по-холопски кичащихся «великим государством», никогда им не принадлежавшим. Но сегодня все больше тех, кто противопоставляет свою русскость московщине и москвоцентризму. Медленно, но верно идет восстановление русской идентичности через категории прогресса, западничества, демократии и регионализма. Такой русский национализм, несомненно, открыт для диалога с украинской национал-демократией, в лице которой видит вдохновляющий пример. Вообще только союз двух национал-демократий – русской и украинской – может успешно решить задачу по культурно-политической реорганизации постсоветского пространства.

Революция национальной памяти в Украине набирает силу. В ноябре прошлого года, выступая в Киеве на мероприятиях в День памяти жертв Голодомора, Виктор Ющенко призвал убрать с украинской земли все памятники советизма. По его словам, Украина «должна надеть чистую рубашку и убрать с тела символы тоталитарного режима». Пора бы и нам, русским, подумать о том же и содрать с себя грязные лохмотья имперщины и советчины – пока не пришлось отдирать их от себя с мясом.

Сталину помолимся!..

В церкви за Стрельней, близ Питера, появилась житийная икона Матрены Московской, в одной из клейм которой изображена названная святая, благословляющая Сталина на отражение немецкого наступления на Москву (дело происходит осенью 41-го). Матрена с нимбом вокруг головы сидит в своей келейке, а от нее уходит на бой «святой и правый» Сталин – подозрительно рослый, статуеподобный, в шинели, со взором горящим и мощными усами.

Конечно, сие знаковое событие. Отец Евстафий, поп из названной церкви, шибко не любящий «этих либералов и демократов», разумеется, держит нос по ветру. Авторитарные тенденции кремля очевидны. Базу исторической легитимности под них призваны подвести патриотические идеологи и РПЦ. Спешно конструируется несовковский, православно-чекистский миф, ключевая роль в котором отведена

культу «великой победы» и мягкой реабилитации Сталина (см. новые учебники истории). В этом смысле икона с питерской окраины – своего рода квинтэссенция. Здесь тебе и «православная духовность», и «великая отечественная война», и Сталин. Полное восстановление «связи времен», чуть было не разорванной треклятыми «демократами» и «власовцами».

Чтобы осознать, насколько неслучайно появление такой иконы, заглянем в не столь уж далекое прошлое.

Открываем «Журнал Московской Патриархии» за ноябрь 1944 года, читаем: «Великий праздник 27-й годовщины Октябрьской революции, годовщины установления советской власти, Русская Православная Церковь праздновала со всем народом. Во всех храмах совершались торжественные богослужения...». Особо подчеркивается следующее: «...празднуя 27-ю годовщину победы советской революции в нашей стране, мы празднуем совершенство нового строя в России».

Вот так. «Совершенство». Ни больше, ни меньше.

В том же номере опубликована речь митрополита Николая, произнесенная перед благодарственным молебном в Кафедральном Богоявленском соборе Москвы. В частности, митрополит Николай сказал: «В день нашего народного праздника – 27-летия советского государства – мы предстоим перед Господом, полные чувств особой радости и гордости за нашу страну...».

«Гордости», да.

А вот «Православный календарь» за 1946 год, издание Московской Патриархии. На январской странице, наряду с праздниками Обрезания Господня и Крещения, мы видим «День памяти В.И. Ленина и 9 января 1905 года». На февральской странице – «День Красной Армии и Военно-Морского Флота». 8 марта РПЦ отмечала «Международный женский день», а 1 мая – «день смотра боевых сил трудящихся». В ноябре РПЦ праздновала очередную годовщину «Великой Октябрьской Социалистической Революции», а декабре – «День Сталинской Конституции»...

Итак, сегодня Сталин уже на иконе, правда, пока без нимба. Следующим этапом станут, очевидно, чудесные исцеления от западничества на его могиле у кремлевской стены, а затем, несомненно, будут обретены и нетленные мощи генералиссимуса (тем более, что они в свое время были капитально обработаны советскими мумификаторами). После всего этого более чем уместно ставить вопрос о канонизации Сталина как Святого и Праведного, по типу Александра Невского – тоже знаковой имперской фигуры, подвергающейся регулярным нападкам «клеветников»...

Да то ли еще увидим! По слухам, в Петрищево монумент Зои Космодемьянской замироточил. А на мавзолее выступила изморозь благоуханная...

Там, за Поворотом...

Капитализм в кризисе. Мир делает социально-политический Левый Поворот. Этот тезис Михаила Ходорковского – теперь уже общее место. Ключевая роль в данном процессе отведена, судя по всему, новоизбранному президенту США Барак Обама.

Известно, что политическому триумфу Обамы сильно поспособствовал Уолл-стрит.

Казалось бы, парадокс: банкиры помогают деятелю с явно красными замашками.

Однако ничего нового тут нет. Не будем забывать, кто активно финансировал мировой коммунизм в XX веке.

Некто Максим Калашников пишет в «Завтра»: «Не становимся ли мы свидетелями попытки старой элиты США обрести новую силу, став во главе социализации Америки? Может быть, они решили вкладывать деньги в новые технологии (коли спекулятивный сектор исчез) и составить высшую бюрократию (и политбомонд) уже Социалистических Штатов Америки? Не потому ли популистскую и во многом антикапиталистическую программу Обамы поддержали прежде всего... крупные финансовые воротилы?..»

М. Калашников хочет сказать, что банкиры стремятся возглавить процесс.

А что, если они его подогревали?

Ну да, социалистический Заговор Банкиров...

Аналогия: подобно тому, как советская номенклатура устроила перестройку с целью легализации в качестве «капиталистов», так и американская финансовая верхушка затевает мировую перестройку, в результате которой она предстанет в облики социалистических управленцев.

Спрашивается, зачем?

Ответ простой, как мычание: власть.

Социализация как средство контроля.

Что говорил Ленин? Социализм – это учет и контроль, кажется так.

Так вот, контролировать будут Они. В качестве «железных наркомов».

Сбывается «Железная пята» Джека Лондона, только в социалистическом варианте.

Соцлагерь-2: новая Америка плюс Еврозона. Последняя прет к этому на всех парах. Настоящие антикоммунисты давно уже в тихом ужасе. В беседе с Вадимом Штепой Владимир Буковский прямо сказал: «Эти европейские комиссары (кстати, очень мрачное словцо, учитывая нашу большевицкую историю), сидящие в Брюсселе, совершенно бесконтрольны, как и Политбюро, они сами себя назначают и решают, как нам жить. Аппарат управления у них такой же гигантский, как в СССР, это просто единая европейская номенклатура, небывало коррумпированная. Они спускают директивы – какой формы должны быть огурцы, какой длины бананы, сколько дырочек должен иметь сыр. Это какое-то безумие евробюрократии. Я это уже видел. И знаю, как такая экономика работает, точнее, не работает. Плюс ко всему они всячески поощряют гигантские потоки миграции из третьего мира...».

Несколько лет назад, кажется, Гладилин пошутил, что если дело так пойдет и дальше, то в Европе можно будет вскоре увидеть столь памятные нам таблички «Пива нет»...

Теперь явно не до шуток.

Возможно, Западный мир уже в обозримом будущем трансформируется настолько, что утратит свою базовую ценность – Свободу. До сих пор считалось, что Запад и Свобода – это синонимы, еще со времен Древней Греции...

Именно Свободой вдохновляются те страны Восточной Европы, которые, пройдя через мирные антикоммунистические революции, интегрировались в Запад, вступили в НАТО и ЕС. Именно Свободой вдохновляется Украина, идущая по трудному пути десоветизации и восстановления своей европейской идентичности.

В каком же Западе окажется эта Восточная Европа? Вырваться из одного соцлагеря, чтобы угодить в другой? Будет ли новый, левый Запад терпеть демонстрации ветеранов УПА и латышских стариков-легионеров?..

Итак, глобальное полевение и перерождение Запада. Говорят, в Америке при участии Федерального агентства по борьбе с катастрофами (FEMA) уже разворачивается сеть концлагерей, в которых заготовлены тысячи пластиковых гробов. Это звучит как гротеск, но, правда, какой социализм без ГУЛАГа? Вот только «бушлаты» сейчас не деревянные, а пластиковые. Прогресс, блин...

Не отстает и ЕС: там в последние годы создается (а может быть, уже и создана) новая «европолиция», наделенная правом экстрадиции без судебных слушаний по 32-м пунктам, включая, разумеется, «расизм» и «ксенофобию». Ну какой социализм без НКВД?

Кстати, о гробах. В городе Пассау (Нижняя Бавария) совсем недавно произошло следующее. Умер человек радикально правых взглядов. По сложившейся традиции, соратники покрыли его знаменем со свастикой и так похоронили. Вообще-то, каждый вправе решать, под каким символом ему лежать в могиле. Но только не в нынешней Европе! Местный шеф полиции Алоис Маннихль «вскрыл могилу», изъял из нее неполиткорректное знамя и заново закопал тело политического врага (13 декабря этот полоумный немецкий мент получил от кого-то ножевой удар, выжил, однако)...

Впору повторить вслед за Солженицыным 70-х: велик мир, а податься некуда.

Хорошо, если все вышеизложенные соображения окажутся лишь пустыми страхами любителя европейского пивка...

Счастливая Московия

Неделю назад в Госдуме, для верных слуг государевых, открылась выставка-продажа ювелирных изделий.

На витринах колечки по 45 тысяч, брошки по 220 тысяч, гарнитуришки по 780 тысяч. А также изделия из якутских камушков самоцветных стоимостью 700 тысяч, 2 миллиона, 10 миллионов рублей...

Однако гвоздь экспозиции – чудо чудное, диво дивное: уменьшенная в сто раз копия собора Василия Блаженного, сработанная из малахита, змеевика, мрамора, обсидиана и лазурита. И цена зело красна: миллион долларов.

Забыли только этот шедевр сахарной пудрой осыпать, ну вроде как новогодний снежок...

xxx

На мой взгляд, роман Владимира Сорокина «Сахарный Кремль» – это самая значительная русская книга минувшего года.

Почему? Сорокин сумел емко и убедительно показать, что тот тоталитаризм от фодудьи, цветущий в его антиутопии, прорастает здесь и сейчас, вокруг нас и в нас. Роман, состоящий из 16-ти внутренне взаимосвязанных новелл, представляет собой социально-типологический срез будущей России, легко узнаваемой в России нынешней. Сквозной, лубочно-зловещий образ, проходящий через всю книгу – точная моделька Кремля из специального «целокупного» сахара, самый популярный кондитерский продукт в «возрожденной» православно-монархической «Святой Руси». Это символ того слащаво-деспотического постмодерна, которым в романе Сорокина закольцевалась российская «история», образовав неразрушимую «матрицу» безвременья.

Сорокин лишь продлил в будущее векторы, четко обозначенные уже сегодня. Детки из новеллы «Марфушина радость», воспитанные в православии как в большевизме – разве они не среди нас? Или обитатели феерического кабака «Счастливая Московия»: кликуша Пархановна, неустанно вопящая о шестой империи, семья потомственных балалаечников Мухалко, надуватель щек и испускатель ветров государственных Пургенян, сиплоголосый и вечно небритый площадной обтируха Левонтий, коверный Володька Соловей, дутики Зюга и Жиря, лупящие друг друга воблой по лбам...

Да включи телик – вот тебе и сей зело счастливый кабак.

Впрочем, об этих точных попаданиях Сорокина писали достаточно.

А вот свеженькое. В романе действует капитан Тайного Приказа Севастьянов (новелла «Кочерга»), буквально каленым железом выжигающий крамолу – «антирусскую секту», нарисовавшую на белой корове карту России, потом расчленившую бедное животное и в черно-магических целях развезшую части туши по всей необъятной державе. По окончании рабочего дня капитан Севастьянов любит слушать в машине, на пути домой, старую песню путинских времен, напоминающую ему о молодости: «Когда спокойно спит страна, не спят, не спят, не спят чекисты среднего звена...»

Когда Сорокин писал свой роман, такой песни еще не было. Но вот смотрю недавно телик. Показывают Льва Лещенко, который для выступления в известном столичном ДК им. Дзержинского готовит нечто новенькое. Песню о чекистах. Певец беседует с поэтессой, сочиняющей текст этого лубянского хита (оказывается, не перевелись у нас борзописцы в духе «Служил Гаврила на Лубянке, Гаврила фээсбэшник был...»). «Понимаете, – перед камерой объясняет маститый, умудренный в конъюнктуре, певец поэтессе, – задушевности больше надо, чтобы эту песню, собравшись за столом, пели обычные, рядовые сотрудники...».

Ну среднего звена, короче.

Похоже, бравый капитан Севастьянов после трудного рабочего дня будет слушать именно эту песню...

Эрэфия беременна антиутопией. Вот недавний телерепортаж: в Ярославской области местные попы объявили священную войну... Бабе-Яге. Дело в том, что деревня Кукобой провозгласила себя родиной этой славной русской бабушки. Там даже избушку на курьих ножках построили, а в ней колоритная хозяйка, на радость

детворе, поселилась. Однако попы, поддержанные епархиальным начальством и даже Московской патриархией, во всю голосят: «Сатанизм! Язычество!». Казалось бы, курьез, не более. Но, спрашивается, так ли уж далеко от этого «курьеза» до сорокинского «нового средневековья», где охота на ведьм – дело будничное? Там, у Сорокина, некий блаженный Амоня предсказал, что «у Государыни второй выкидыш случится из-за сглаза вдовы стрелецкой. С той вдовой тогда народ круто обошелся – проволокли ее по Васильевскому спуску к Москве-реке да под лед баграми и запихнули»...

Сорокин пророчески проницателен. Недавно Госдума приняла поправки к конституции, от которых за версту несет пожизненным и неограниченным правлением. И не станет ли вскоре явью и вот этот сорокинский гротеск:

«...Остановилась река детская, замерла. Смок гомон. Погасли огни вокруг. И наверху, на облаках зимних, лик Государя огромный высветился.

- ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДЕТИ РОССИИ! – загремело над площадью.

Закричали дети ответно, запрыгали, замахали руками. Запрыгала и Марфуша, Государем любуясь. Улыбается он с облаков, смотрят глаза голубые тепло. Как прекрасен Государь Всея Руси! Как красив и добр! Как мудр и ласков! Как могуч и несокрушим!

- С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ, ДЕТИ РОССИИ!

И вдруг, как по щучьему велению, сквозь облака, сквозь лицо Государя тысячи шариков красных виз опускаются. И к каждому шарiku коробочка блестящая привязана. Ловят дети коробочки, подпрыгивают, тянут шарики к себе. Хватает Марфуша шарик, опустившийся с неба, притягивает к себе коробочку. Хватают коробочки дети, рядом с ней стоящие.

- БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, ДЕТИ РОССИИ! – гремит с неба.

Улыбается Государь. И исчезает...».

Потом рыдающая от восторга Марфуша, «как только посвободнее в толпе становится, нетерпеливо раскрывает коробочку блестящую. А в коробочке той – сахарный Кремль! Точное подобие Кремля белокаменного (в той России Кремль побелили, в ознаменование «возрождения» – А.Ш.). С башнями, с соборами, с колокольней Ивана Великого! Прижимает Марфуша Кремль сахарный к губам, целует, лижет языком на ходу...».

Все герои романа так или иначе «причащаются» сахарным кремлем, будучи вольными и невольными участниками гнетущей «литургии» антиистории. В сорокинской России отсутствует всякое мало-мальски организованное сопротивление, если не считать «заговоров», изобретенных рьяными служаками типа капитана Севастьянова. Даже бессмысленный и беспощадный бунт там вытеснен в сферу подпольных наркотических галлюцинаций, которым предаются персонажи новеллы «Undergraund». В своих бредовых видениях они превращаются в могучих лесных хищников, которые врываются в ночной морозный Кремль и рвут зубами на куски его державных хозяев. Но и тогда героиня новеллы Ариша принимается жадно облизывать кровавым языком сахарную Спасскую башню, обнаруженную в кармане штанишек растерзанного «царенка»...

Исхода нет. Роман Сорокина – страшен.

И все-таки.

В этой фантазмагории компьютеризированного холопства, нищеты, сыска, опричников на «мерсах», придворных шутов, похоти, кнутов и дыб, коварства и зверства, во всей этой галерее фигур почти нереальных, каких-то inferнально-кукольных, все же есть человеческие лица. Вот зэки, строящие по границам державы белокаменную Великую Русскую Стену из пеноблоков (фарс, фарс, инверсия во всем!), и которых нещадно секут по жребию за невыполнение плана – они сохраняют, тем не менее, достоинство, юмор и здоровое чувство жизни (новелла «Харчевание»). А вот крестьяне из новеллы «Хлюпино» -при всей своей «серости», они просто светятся правдой и чистотой на общем фоне романа. Вообще, в этой новелле будто расступается бредовый морок и на миг возникает какая-то утренняя тишина, появляются ЛЮДИ. И некая надежда...

Как известно, сейчас Владимир Сорокин живет в эмиграции, в Европе – его стремление вырваться из круговерти безвременья туда, где история существует, совершенно понятно и естественно.

Но все же надо попытаться запустить, наконец, историю здесь...

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс

«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).